

Пюжыцкія беседы

Іеромонах Рафаіл (Дем'янов)

Иеромонах Рафаил (Демьянов)

Пюхтицкие беседы

Часть вторая
2010-2016

STAVROS

2023

Беседа первая

Когда мы собираемся, я делюсь с вами своими переживаниями, своим опытом и ощущением Божественной любви. Я призываю вас всех жить внутренней жизнью. Многие проблемы у послушника, монаха возникают из-за того, что он начинает жить внешним; все его внимание переходит на материальный мир, и это опустошает. Попав в монастырь и живя внешним, он становится похож на заключенного: нет отрады, нет утешения, просто ждет своего конца. Монах, оставив все, должен жить внутренним. Если этого не будет, жизнь в монастыре станет для него мучением, поэтому и послушник, и монах преуспевают в монастыре, когда начинают жить переживаниями, рождающимися в душе. Эта жизнь богата, она интересна, и часто духовные кризисы происходят от того, что человек перестает этими внутренними переживаниями жить, его чувства оскудевают, он перестает познавать Бога, а только в Боге истинная радость, истинная любовь и истинная жизненная сила. Все мы живем, но не все живы. В Священном Писании повествуется о том, что Авраам проходил по землям, обещанным ему Господом, и народы, населявшие эти земли, были перед лицом Божиим духовно мертвы. Они были живые — спали, ели, смеялись, вроде все делали, но внутри были мертвыми. В Евангелии говорится: «Царство Небесное внутри вас есть», то есть жизнь — в душе человека. Многие наши скорби именно от того, что мы начинаем жить этой пустой, материальной жизнью. События вокруг нас, какие-то происшествия Господь дает для того, чтобы мы начали обращать внимание на внутреннее. Он через эти события, через людей, с которыми мы пересекаемся, приводит нас к познанию себя, своей воли.

Возьмем монастырь, ведь в монастыре все люди разные: кто-то с одним внутренним устройением, кто-то — с другим, но Господь призвал их сюда и дал их нам для любви и смирения, они нужны для нашего спасения. И в окружении стольких характеров, немощей и добродетелей мы должны научиться доброму,

хорошему помыслу, потому что только этот помысел создает устройство человека, душу, в которую может входить Бог. Только в таком добром состоянии души человек может видеть и исполнять волю Божию. Вот недавнее событие — в больницу я попал. Давно так близко с людьми не общался, а здесь представился случай, и я прожил с ними шесть дней. Они со мной были такими, какие есть, без игры и прикрас. Когда я оказался в палате, ко мне сразу подошли: кто-то яблочко принес, кто-то — помидорчик, и началось живое общение. Я рассказываю — они в ответ говорят, и появляется теплое чувство, ощущение малой семьи. Позже с другой палатой стал общаться, отделение у нас было дружное. Для меня как христианина такой опыт интересен. Все люди ведь разные, каждый со своим характером, даже мировоззрением, но вот этот общий очаг, общий мир такой, теплота появляются от доброго помысла, а добрый помысел принимает человека таким, какой он есть. Отсюда и простота, и любовь, и доброе расположение к человеку. Как монах, побывавший во многих монастырях, и мужских, и женских, могу сказать, что в больнице я ощутил такое братство, какое еще не в каждом монастыре найдешь. И я подумал тогда: почему так происходит, и в миру люди сплоченнее и любвеобильнее, чем в монастырях? Ответ только один — не надо никого ни в какие рамки загонять, от этого исчезает любовь. Я вспоминаю Евангелие и речи Господа, обращенные к фарисеям, законникам и книжникам. Он говорил — не надо законничать, загонять человека в какие-то рамки, пусть они правильные, хорошие, но в этом нет любви. У человека есть свободная воля, и ее нельзя закабалить. Господь осудил такое мышление, но, к сожалению, дух этого иудейского законничества проникает и в наши души и делает их духовно больными.

В истории Церкви эта болезнь нет-нет да проявит себя — так было со старообрядцами. Это был очень сильный крен, уклон в сторону законничества — уверенность, что без закона, без исполнения определенных правил человек не спасется. Старообрядцы отошли, но этот дух действует и доныне. Почему? У нас многое связано с уставами, правилами, постами, службами. Я это и на

себе чувствовал, и в других видел: какую-то ошибку допускают в службе — все, любовь теряется, мир уходит. На исповеди, бывало, подходят и говорят: «Вот, батюшка, я раздражаюсь — нельзя поклоны делать, а она делает». Я ей в ответ: «Чтобы не раздражаться, возьми и сама сделай с ней поклон». — «Нет, нельзя, что вы такое говорите, по уставу не положено». — «Так ты же раздражаешься, любовь теряешь, человека начинаешь ненавидеть за то, что он во внеурочное время поклончик сделал». Вот это проблема. Видите, что получается: те люди, которые, казалось бы, далеки от Бога, имеют любовь, а мы, всю свою жизнь посвятившие обретению Божественной любви, любви-то и не имеем. У нас буква закона становится выше любви — это неправильно, такого не должно быть. Закон, уставы, посты мы должны исполнять, но все это мы делаем ради того, чтобы обрести смирение. Если какую-то ошибку сделаем, Господь простит. Исправились, прочитали, спели, что нужно, и будьте спокойны — Господь понимает и ваше незнание, и вашу любовь.

Закон любви гласит, что правду нужно всегда покрывать любовью. Если правда твоя не покрывается любовью, и ты открываешь немощи других людей, то и им повредишь, и сам повредишься. А когда это входит в привычку, человек уходит в прелесть — неправильное состояние, нелюбовное, недуховное — и приобретает гордость. Это фарисей: я-то спасаюсь, правильно делаю, а ты — нет. Вот этого духа бойтесь. Мы знаем, как правильно, как устав говорит и каким должен быть человек, но это знание ты отправь на задний план. А помнить, каким нужно быть, чтобы у тебя был мир в душе, надо всегда. Теряешь этот мир — теряешь и Бога. Сострадание и сопереживание ближнему должны быть. Человек сопереживает ту душевную или телесную боль, которую сам ощутил, и Господь дает нам болезни и проблемы, чтобы мы понимали других людей и стяжали в себе любовь благодаря состраданию к другому человеку. На каком основании ты хочешь получить любовь и подняться к Богу? На волне любви, а она идет от сострадания, от сопереживания. Мало кто из вас может сказать, что здоров и не ощутил в своем теле никаких болез-

ненных движений. Господь дает нам болезни, чтобы мы ощущали их и сострадали ближнему. Это Божий замысел, Его Промысел, а мы его нарушаем. Бог учит нас, а мы не научаемся. Господь все дает, чтобы мы могли любить. Во всем есть Промысел Божий, и Господь ничего не дает зря. Если даже какая-то болезнь появляется, и мы причина тому, какая-то наша глупость, то и это можно претворить в добро.

И еще про больницу... Среди людей, с которыми я там соприкоснулся, были разные, и пусть кто-то из них матом ругался, пусть в церковь они не ходили, может, и не верили так, как должно верить, но когда видишь их доброту, живое сердце, доброе отношение к человеку — и ко мне, и к другим, то вспоминаешь слова Спасителя: «Кто напоит вас чашею воды во имя Мое, тот спасется». Если ради любви человек что-то сделал, Господь его не отринет. Тогда живо ощущаешь, насколько Божья любовь велика, насколько она обширна. Господь объемлет все Своей любовью и не пропустит ни одного движения сердца, которое устремлено к состраданию, к любви, потому что Господь везде и во всем. Эту радость любви Божьей ощущаешь в себе и познаешь, насколько Бог велик. Еще момент. Боль в животе было ничем не унять — крутился, вставал, ложился, садился, и только: «Боженька, как больно, если бы Ты знал, как больно». В этот момент ощущаешь, что Бог чувствует это, Он тебе сострадает, Он здесь с нами, внутри нас. Он не только любит нас, но и страдает вместе с нами. Он и радуется, и плачет, и страдает. И это внутреннее чувство, что Бог болезнует вместе со мной, осталось в сердце, поэтому я хочу, чтобы и вы ощущали это присутствие Божие внутри себя.

Во время этих болей в памяти всплыли факты из жизни старца Паисия Святогорца: он в больнице лежал и в кабинет к врачу от боли по стеночке шел. Доктор ему говорил: «Геронда, давай я тебе сделаю укол обезболивающий, тебе легче будет», а он: «Нет, я хочу ощутить те страдания, которые испытал мой Спаситель, хочу Ему сострадать». И он терпел муки такие. А помните, как пророка Иеремию пилой пилили и распилили его живьем? В житии у святителя Афанасия (Сахарова) рассказывалось: когда

он в лагере сидел, то их построили и урки одну игуменью стали циркуляркой распиливать у всех на глазах. Они видели, какую боль она испытывала. Помню, нашли дневник убитого чеченца, боевика. Наш солдатик раненый лежал на улице, а тот подошел и сначала у него один палец отрезал, потом другой, потом нос, уши. Да, кричал, больно было. Когда испытываешь какую-то боль сам, то начинаешь понимать боль других людей, их переживания. Я рассказывал вам, как в той же Чечне солдатик подошел к офицеру, знал, что он верующий, и спросил: «В Евангелии написано о страданиях Христа на Кресте. А какие чувства, кроме боли, были у Бога в душе, ведь Его распяли люди, которых Он сотворил?» В ту ночь он стоял на посту и попал в плен. Бандиты его и еще троих пленных солдат к крестам пригвоздили, и когда поутру отбили эту атаку, то ребят начали снимать со столбов, трое уже умерли, а этот парень еще живой был и сказал: «Не снимайте меня, не снимайте, я знаю теперь, что Христос испытал на Кресте». Этот солдатик на кресте познал любовь, с болью, физической болью. Когда душа в добре, она тянется к Богу, и с физической болью приходят и внутренние чувства.

Мы говорили о прелести, о воле Божьей, об отступлении от нее, о том, что, для того чтобы исполнять волю Божью, нужно ее познать, ведь все наши ошибки — от ее нарушения. Монашечка одна мне говорит: «У нас все хорошо, все спокойно, тихо, мир и радость одни». Однако не всегда это по воле Божьей, не всегда. Когда говорится о внешнем таком покое, это еще не значит, что жизнь течет по воле Божьей. Для кого-то — да, а для кого-то — нет. В житии прп. Иоанна Колова рассказывается, как пришли к нему три послушника и попросились в ученики, а он отказал, и тогда они попросили его указать каждому путь спасения. Он каждого направил в соответствии с его внутренним состоянием. Одному сказал: «Ты иди в общежитие», другому: «Ты иди в пустыню», а третьему: «А ты найди самого строгого, сурового старца и будь у него в послушании». У греков такой же подход. На Афоне все эти три вида жительства есть. Я это говорю к тому, чтобы вы знали, что и в плохом бывает добро, а в хорошем — зло.

Настоящее послушание к чему должно вести? Когда человек живет в послушании, его ум становится чистым. Он принимает события, людей такими, какие они есть, и ничего не крутит у себя в голове — правильно это или неправильно, так нельзя, а нужно вот так и так поступить. Он спокойно все воспринимает, и в душе у него не возникает возмущения, он не теряет внутренний покой и молитву. Первое, что должно давать послушание и к чему нужно стремиться, — это изжить логический помысел. Если он остается, если человек оставляет за собой право рассуждения, он не станет монахом.

Доходят ли мои слова до вашего ума, до вашего сердца? Понятно ли, о чем я говорю, когда открываю свой внутренний мир, свои переживания? Понятен ли мой язык? В любом случае один человек будет понимать другого, если они будут жить одним миром, одними понятиями и целями. А если мы живем разной жизнью, то не будем понимать друг друга. Мы можем говорить на разных языках, но христианин должен изучить один основной язык — язык Неба. Для этого нужно научиться внутреннему молчанию, чтобы наше гордое, нехорошее «я» перестало рождать эту гордость, чтобы оно смирилось, перестало существовать, замолчало. И эти уроки молчания Господь нам всегда дает. К сожалению, очень часто приходится сталкиваться с тем, что внутренний человек не молчит, а говорит, имеет свое мнение, свои чувства. А потом внутреннее состояние начинает уже отражаться на внешнем. Святые отцы говорили о том, что молчание — золото. Они говорили о естественном молчании, но оно происходит от внутреннего, а идут они вместе. Раздражение человек испытывает, когда заставляет себя молчать, а внутренний его человек говорит. В этом случае пусть лучше язык говорит, чем мысли и чувства будут скапливаться внутри. Обуздание языка помогает сосредоточиться на своем внутреннем мире. Этот подвиг молчания для того, кто смирил своего внутреннего человека, уже не имеет своей воли и его сердце рождает только любовь и добро. Молчание — это еще и признак внутренней жизни человека, того, что ум и сердце там, внутри. Любите молчание, тянитесь к нему.

Как-то во время трапезы на Афонском подворье отец Никон, игумен подворья, задал братьям такой вопрос: почему после того как Христос Бог пострадал на Голгофе, на месте Его страданий и смерти язычники построили свой храм и там поклонялись идолам и развратничали? Почему Господь это попустил? Интересно, мы все сидим, а он меня спросил. Я ему ответил, что в этом унижении проявляется глубина смирения и мудрости Божьей. Смирение в том, что Он и по воскресении остался таким же смиренным и человеколюбивым Богом. А мудрость в том, как сказано в Евангелии, что «униженные вознесутся», — впоследствии это языческое капище будет разрушено и на его месте построят величественный храм Воскресения Христова, он станет самым важным храмом в христианском мире. Правильно все ответил. Потом он другого батюшку спросил, тот тоже ему что-то ответил. Третьего спросил, чтеца, и тот ему что-то из Ветхого Завета процитировал, а в конце послушника спросил, а он ответил: «Я не знаю». По своему внутреннему состоянию я почувствовал, что этот послушник ответил так, как хотел игумен. Вопрос был на смирение, а не на духовную эрудицию. Послушник оказался прав, и игумен его похвалил. Если подумать, игумен — сам учитель, знает правильный и лучший ответ, а своим вопросом он хотел нас научить молчать, не давать ходу своему уму.

Другое дело, когда спрашивает жизнь или человек, который не знает, как правильно. Вот на этот случай в Евангелии сказано: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать... ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас». Вот так и здесь. Господь Сам ответит, Господь разумит, что сказать. И смирение порой — в словах, а порой — в молчании. Случаи разные, и каждый нужно рассматривать отдельно. Многие из вас читают книги, мудрые, хорошие, которые учат смирению и любви, но почему-то многое из прочитанного не усваивается. У нас отец Косьма — он был духовником Лавры — запрещал новоначальным читать преподобного Исаака Сирина и других отцов очень высокой духовной жизни. Почему? Их тексты — для совершенных, для тех, кто живет такой же

жизнью, как и эти святые отцы. А новоначальные прочитывают эти книги и узнают о духовной высоте, которой не могут достичь, и впадают в уныние, печаль. И так нет внутренней жизни, какая должна быть, а тут еще от уныния теряют и то, что имеют. Для всего нужно смирение, даже для прочтения духовных книг. Я вам рассказывал, что читал воспоминания одного из российских добровольцев о Косовской войне. Он пишет, что во время боевых действий погибали в основном новобранцы и старики. У новобранцев мало опыта, а старики не берегли своих голов от пуль — они все уже прошли, все знали — и тоже гибли. И только те, кто имел какой-то опыт и смирение, выживали. Видите, даже в миру люди без смирения гибнут. Для всех и всегда необходимо внутреннее смирение: и для верующих, и для неверующих. Без него жизни нет. Бог приходит только в смиренную душу, поэтому и вы старайтесь жить со смирением. Есть смирение духовное, высокое, Божественное смирение, от которого возгорается сердце, и есть смирение естественное, природное, оно заложено в природе человека и работает на самосохранение. Имейте и то, и другое. Сначала надо не терять это естественное, человеческое смирение и уже потом приобретать духовное и в нем совершенствоваться. А если в обыденной жизни не будет этого естественного смирения, о какой духовности тогда можно говорить.

— *Каким должно быть простое человеческое смирение без крайностей?*

— А в нем нет крайностей, оно в природе человека и дается Богом для самосохранения. Мы всегда читаем молитву «Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатью» — она о том, чтобы Господь на основании нашего природного смирения хранил нас Своей силой. Да, Господь может нас сохранять только по нашему смирению и не может нам помочь, если у нас его не будет. Люди идут на войну, еще куда-то и просят у Бога помощи. В Лавре когда-то ребята перед отъездом в Чечню молебны заказывали, но Бог может помогать человеку, когда он подобен Ему в кротости и смирении. Сколько случаев было во время вой-

ны, и люди это были необязательно духовные и верующие, просто жившие по совести и сохранившие в себе смирение, которое Господь изначально заложил в человека. Они выживали, спасались, Бог им помогал. Иногда они осознавали, что это от Бога пришла помощь, а часто и не осознавали. Господь не требует благодарности, Он делает это из сострадания к человеку. Как в притче о самарянине, так и в жизни бывает. Когда наши человеческие надежды рушатся, мы смиряемся, тогда и приходит Бог, даже к тем, кто Его отвергал. В притче не сказано, благодарил иудей или нет, говорится только об участии самарянина в этом происшествии, о его сострадании — Господь как бы показывает Свое отношение к человечеству. К сожалению, часто это природное смирение нарушается даже не столько тяжелыми, большими грехами, сколько гордостью. Много в житиях святых историй, когда люди падшие, согрешившие во многом, поднимались и обретали Бога, становились святыми. Но живущие в гордости отвергают руку Божию, не принимают ее. Будь этот иудей гордым, он бы самарянина отверг.

Расскажу еще такой случай, немного иной по смыслу. Один приезжий батюшка как-то сказал мне: «Вот вы, ученые монахи, семинарию, академию заканчиваете, а не знаете, что есть более правильное Евангелие от Луки, где в притче о заблудшей овце сказано, что пока эта заблудшая овца не обратится, пастырь не возьмет ее, не положит на свои плечи и не понесет». Ошибка, говорит, специально перепутали. Этот батюшка читал апокриф. Знайте, что в Священном Писании все изречения и слова Божественны и не имеют в себе ошибки, они запечатлены Духом Святым. Если что-то подобное услышите, знайте, что это подвох. Берегите свою веру, не давайте исказить Священное Писание и превратно Его толковать. Преподобный Анатолий (младший) Оптинский говорил, что в последние времена восстанут лжеучителя, которые будут исказить Священное Предание. Предание — это толкование Священного Писания. Хуже всего, что человек не признает свою неправоту, не смиряется. Этот дух противоречия становится как болезнь, как зараза.

Когда я приехал на подворье, был там монах из Пантелеимонова монастыря. Я его еще в 2006 году, когда приезжал на Афон, видел, знал. У него была брань на начальство монастыря, и ему сказали: «Уезжай на подворье», а он не хотел: «Как же я с Афона уеду, здесь же Матерь Божия». У него рак начался, в Салониках сделали операцию, и уже немощным пришлось ему уехать. Приехал на подворье в Москву и там через год скончался, то есть воля Божия была такая. Мне братия на подворье говорят, что зря он приехал, надо было там оставаться, но нет, воля Божия была в этом. Как только он начал обижаться и дух озлобления появился, Бога в душе уже нет, а Бог не хочет гибели человека, вот Он его оттуда и убрал. Он успокоился, смирился душой и умер, а там эти проблемы остались бы. В другом месте он о них уже не думал, у него болезнь, он в другом братстве оказался, стал жить другой жизнью и не думал о тех, кто ему досадила, вот дух его и успокоился. Пусть его похоронили на мирском кладбище, ничего страшного, не об этом надо думать. Так может быть с каждым человеком. Если Бог входит в судьбу человека, и он хотя бы в последний момент не отвергает Божью руку, то Господь его спасает. Поэтому и вы знайте и бойтесь духа озлобления, обидчивости на монастырское начальство или еще на кого-то, из-за такого духа Господь выводит из монастыря. Многие из обители ушли именно по этой причине. Кто-то, может, и в поисках духовного преуспевания оставил обитель — это еще как-то понятно. В житиях рассказывается, как отцы шли к более духовной жизни, попадали в такие мясорубки, что даже до отчаяния доходило, но Господь, видя добрый помысел и добрые намерения, не давал человеку погибнуть и опять через какие-то искушения приводил к умиротворенному состоянию души.

— Мы читали на трапезе «Таинство смерти» какого-то греческого автора.

— Николаоса Василиадиса.

— Да, Василиадиса. Он описывает, как ставили спектакль по Библии. В этом спектакле Каин убивает Авеля. Когда Каин убил Авеля, он поднял его мертвую руку и сказал: «Смерть». Человек в

первый раз столкнулся со смертью. И это был убийца, Каин. Он первый увидел, какая она. Человек это состояние никогда не переживал, а теперь соприкоснулся и испугался, когда Господь спросил его: «Что ты сделал?» Бог поставил знак на его чело, у святых отцов говорится, что это действительно было какое-то начертание, знак у него на лбу. И его не убивали ни звери, ни люди. Получается, Каин в наказание не мог умереть.

— Но потом умер.

— Да, умер, но это другая смерть. Смерть Каина и смерть Авеля разные. Каин убил своего родного брата и с этой беспокойной совестью многие-многие годы жил. Веселился он, радовался? Нет. Он не был еще настолько греховен, чтобы совесть совсем умерла. Это позже произошло растление человека, когда убийством он наслаждался, а Каин страдал, и отсрочка смерти была для него наказанием, мукой. А когда пришла смерть, была она беспокойной, потому что он знал, что Бога не обретет. И древние иудеи, как бы сладко и красиво ни жили, все время жили с печалью. С пришествием в мир Христа уверовавшие люди уже не имели этой печали, если действительно жили, насколько могли, по-христиански. У них всегда есть надежда на Бога, на Христа. А до Христа люди, какими бы праведными ни были, все равно имели эту скорбь и плач от своего нисхождения в ад. Библия очень интересна. Когда читаешь о наших предках, душа обогащается: какие-то общие состояния ищешь, ведь человеческая природа одинакова и переживания внутренние, в общем-то, одинаковы у тех уже ушедших людей и у нас. Понимая их, находишь в них себя.

— Батюшка, а можно спросить о загробной жизни? У меня сразу три вопроса.

— Давай по одному.

— Есть ли воля души за гробом? Профессор Осипов ссылается на игуменью Арсению — она в своей книге пишет, что душа не имеет воли за гробом, а в книге о. Даниила Сысоева, например, говорится, что там ты можешь ходить, куда хочешь, а если встретит тебя ангел, надо потребовать, чтобы он перекрестился, иначе это может быть не ангел, а бес. Име-

ет ли душа волю за гробом? Игуменья Арсения говорит, что здесь мы имеем свою волю, а там уже не будем иметь.

— Да, я понял вопрос. Понимаете, человек двусоставен: состоит из души и тела. Пока душа в теле, она властна над жизнью и может принимать любое решение, но, когда душа выйдет из тела, она уже свободной воли не имеет. После смерти душа отойдет от тела и у нее будет воля любить Бога или любить страсти — это все. Святые отцы писали, за гробом уже нет покаяния, поэтому мать Арсения и говорит, что свое состояние человек сам уже будет не в силах как-либо изменить. Отец Даниил говорит ошибочно, он душе после смерти приписывает ту же волю, ту же самость, которую она имеет, когда привязана к телу. В его понимании душе после смерти нужно себя так же защищать и сохранять, как и при жизни на земле, бороться за себя. Нет, это неправильно, переход в вечность делает душу беспомощной — какая есть, такая есть. На небе царствует смирение: какой бы ты здесь, на земле, лихой ни был, природа Того мира тебя смирит.

— *Батюшка, но ведь у каждого есть свои страстишки?*

— Да, правильно, и дьявол каждого из нас за эти страстишки ловит — за блуд или осуждение, например. У прп. Ефрема Сирина есть такие слова: «Дьявол каждого человека держит за какие-то слабости, одного — за одну страсть, другого — за другую». Если это самое слабое место, оно начнет прогрессировать, раздуваться; человек начинает отступать от Бога и теряет любовь к Нему. Главное — не дать сердцу жить этой страстью, чтобы она не поработила человека.

— *А по мытарствам все пройдут?*

— Главное, чтобы сердце принадлежало Ему.

— *Еще вопрос, батюшка. Не помню, в какой книге прочитала: если человек жил хорошо, но сознательно отвергал Бога, был безбожником (тут не про кого-то конкретного), то, если молиться о нем, наши молитвы за гробом ему не помогут, молиться бесполезно. Это действительно так?*

— У Бога любви гораздо больше, чем у всех нас, вместе взятых. Но молиться нужно, и эта молитва больше нужна нам, по-

нимаешь? Она в природу человека заложена любовью. Если ты любишь, ты не можешь сказать — я тебя не знаю. Этот человек-атеист остается у тебя в сердце, ты не можешь его оставить, и Бог, Он и в тебе тоже (помнишь возглас на полиелее «Яко свят еси, Боже наш, и во святых почиваеши»), видит это, и Любовь Божия согревает человека, то есть наша молитва начинает этого человека обволакивать теплотой любви. Главное, чтобы душа этого человека могла эту любовь воспринять.

— *Вот об этом там, наверное, шла речь.*

— Если человек любовь не может воспринять, то эта любовь его ближних, Церкви, Бога будет опалать его.

— *У нас в доме дедушка один жил, он хороший был человек, но против Бога высказывался. Я сама видела записи его, он из газет выписывал выдержки.*

— Я не знаю, как он Там, но моя любовь, моя душа не может сказать, что он не спасся. Я предаю его спасение в руки Божьи: «Господи, что этому человеку нужно, то Ты ему и дай».

— *Наша молитва не поможет, ведь в церкви за него не молятся.*

— Келейно можно молиться. И молитва должна быть о том, чтобы Господь встряхнул этого человека, чтобы открылись в нем какие-то тайники любви, чтобы человек через эту малую любовь схватился за Бога и познал Его. Бог никогда не отвергает человека, Бог всех хочет спасти. Проблема в самом человеке — в том, что человек не может Его принять. У нас неправильное представление, что Бог человека как бы не принимает, и мы молимся: «Господи, спаси его, спаси». Так что, Бог не хочет его спасти? Хочет. А в чем проблема? Человек не хочет.

— *И он, находясь там, в загробной жизни, все так же не хочет или все же он может познать Бога?*

— В том и заключается тонкость вопроса. Сколько у этого человека было Божественной любви, насколько она горела, настолько Бог обретет в этом человеке Свою природу любви, Свое подобие.

— *А душа, находясь в вечности, может как-то познать Бога или нет? Получается, что все безнадежно, раз молитвы с земли ее не опалают.*

— Что значит познать Бога?

— *Там так написано: сокрушаться душа не может, но если молитвы с земли душу опаляют, то одна их может принять, а другая — нет. Две категории людей.*

— Что такое молитва?

— *Вы говорите — или любовь, или молитвы.*

— Да, но они не опаляют, они как бы согревают душу.

— *Согревает тех, кто знал Бога, кто не отвергал Его при жизни. А с богоборцами что будет?*

— Господь в Евангелии как раз и говорит о богоборцах: «Если человек Христа хулил, простится ему», а дальше: «Но хула на Святого Духа не простится ни в этом, ни в будущем веке». В толкованиях святых отцов говорится, что не простится тем, кто отвергал Промысел Божий, волю Божию. Другими словами — это те, кто озлобился на свою судьбу или строил ее не по любви. Молитва будет действительна о прощаемых богоборцах. И сестра правильно делает, что молится за этого дедушку. У него была своя человеческая любовь, и эта любовь имеет Божественные нити, природа ее Божественна, любовь не может быть не Божественной. Мы говорили о смирении, о том, что смирение заложено в природе человека и дается как инстинкт самосохранения. Так и здесь — его любовь будет согреваться ее любовью, но произойдет ли соединение этого человека, этой души с Богом, будет известно только на Страшном суде. Почему мы говорим о суде, зачем он нужен, если все люди уже определились — кто в раю, а кто в аду. Да, тем, кто в раю, суд не нужен, а вот над теми, кто в аду, как раз и будет суд, и после этого суда их место уже определится окончательно. Какие-то души в аду могут измениться и будут жить с Богом.

— *Батюшка, третий вопрос по этой теме про другие вероисповедания. Читала и слышала такую точку зрения: Господь Многомилостив и милосердно будет судить и людей других вероисповеданий.*

— Помню, у старца Порфирия греческого прочитал: «Как бы я хотел пойти на площадь в Афинах, где хиппи собираются, и жить между ними, ничего не говоря о спасении, просто жить и

любить их». Из любви к ним он не мог сказать, что они такие-сякие, Бога не признают и погибнут. Я сам боюсь этих тем, касающихся спасения, только одно скажу: не спасется тот, кто отвергал любовь не только Божию, но и человеческую. Помните, есть изречение: «Молитва матери выводит из ада». Смысл ее в том, что если человек не отвергал любовь материнскую, хотя бы ее, то у него есть ниточка, за которую его можно выдернуть из зла. Это изречение не я придумал, и его никто из отцов не отвергал. Я думаю так. Одно дело — этот дедушка говорит: «Я не верю», но остается человеком, любит, жертвует собой. Сколько таких людей на фронте жизнь отдавали, неверующими ведь были. А сейчас, к сожалению, появляется новая волна людей, которые сознательно отвергают любовь Божию и человеческую, идут против Бога. Вот это совсем другие люди, они становятся уже здесь, на земле, исчадиями ада. А насчет спасения мусульман или сектантов я не решаюсь задавать вопрос, как они Там будут. В связи с этим вспоминаю ответ святителя Феофана Затворника: «Спасутся католики или нет, я не знаю, но что я без православия не спасусь, это точно». Об этом говорить страшно, смирение можно потерять и повредиться, если на место Бога стать и суд творить.

— *Тогда еще один вопрос о загробной жизни. Вот вы сказали, что Бог везде. Я догматику-то не очень знаю. Прочитала в журнале «Фома», и меня это возмутило до глубины души: один батюшка говорил с телеведущим про группу «Битлз» и сказал: «Я считаю, что Бог везде, и в песнях “Битлз” Дух Святой тоже есть». Как это может быть?*

— Если говорить о песнях «Битлз», то, конечно, там ничего Божьего нет. Не всегда то, что творит человек, является Божьим, хотя этот дар творения дан ему от Бога. Из свободной воли человека рождаются добро и зло, и человек вправе сам выбирать то или другое. А если говорить о вседеприсутствии Божьем, то да, оно везде: и там, где творят добро, и там, где творят зло. Его присутствие есть даже в аду.

— *Как Господь может находиться там, где зло? Во всех книгах, наоборот, написано, что мы грешим, совершаем зло и этим сами себя отгораживаем от Бога, остаемся без Него.*

— Вездесущность относится к природе Божества, Бог — во всем. Бог пронизывает любой предмет. А вы сейчас говорите о воле, о том, что человек через грех — сознательно или нет — отказывается от Бога. Мы соединяемся с Ним посредством благодати, энергии Божьей, и благодать не аморфная, а умная сила Божества. Спасение — это наше волевое действие: посредством благодати Божьей стать подобными Богу в смирении и любви.

— *Находящихся на лоне Авраамовом переживания не тревожат, они находятся в покое. Разве оно в аду может быть?*

— После грехопадения рай был затворен, потому что Бог вышел из сердца человека и человек не мог соединиться с Ним. И после смерти все попадали в ад — место удаления от Бога, но и ад, насколько я понимаю, чем-то напоминает длинный туннель: у самого входа все заполняет свет, а чем дальше уходить в него, тем свет все тусклее и тусклее. В Священном Писании говорится, что есть лоно Авраама — там пребывают души праведников, и есть тартар — самое глубокое место в аду. Среди душ, нисшедших во ад, есть те, что находятся в свете или вверху и не могут сойти в глубины, и те, что находятся в глубине и не могут подняться вверх, к свету. Лono Авраама — это место, более освещаемое Богом, и насколько человек может согреться, насладиться этим Божьим светом, настолько он его и воспринимает, но, конечно, внешнее присутствие Бога не может заменить внутреннего соединения, которое сейчас уже есть в раю. Вот так я представляю лono Авраамово.

— *Хочу уточнить, батюшка. Вы говорили о том, что человек не справился с состоянием озлобления и Господь вывел его из того места, где он искушался озлоблением. Как обычно Господь помогает такому человеку?*

— Если человек не справляется со своей страстью и, хуже того, не понимает, что это плохо, но у него остались очаги любви, хорошие, здоровые, то Господь ради этой малой любви участвует в судьбе человека. Хуже всего, когда в этой злобе, в обиде этой перегорает вся любовь, а первый признак этого перегорания — поврежденный помысел. Этот поврежденный помысел, дух про-

тивления и обиды, сохраняется везде, в любом месте. В какое бы место ни попал, даже в общество святых людей, у человека все время какая-то обида и недоброжелательность. Вот это признак перегоревшей любви, прелестного состояния. А если помысел еще не повредился, то состояние озлобления, обиды может исправляться в других местах и обстоятельствах. Таков Промысел Божий. Если человек в этом месте не справляется с собой, то Господь уберет его в другое место. Когда любовь уходит, перегорает, то приходит не только поврежденный помысел, но и лукавый. В молитвах ко Святому Причащению есть слова: «От лукавых помыслов освободи меня». И во время крещения, в огласительных молитвах, тоже об этом говорится. Понимаете, лукавство — это не просто ложь, нет, это очень тонкая и закрученная ложь. Простая ложь — это человек говорит неправду; она простая, человеческая — ну врет человек и врет. А дьявольское лукавство всегда витиевато, причем это лукавство всегда представляет человека, который врет, в лучшем свете, он все время на высоте, а других может обвинять. Люди, которые слушают и принимают это, остаются как в дурмане. Эту явную ложь они принимают за правду. Вот это лукавство.

— *Если человек попал в это, то что делать? Как из этого выходить?*

— В лукавство?

— *В озлобление. Сломался, и что дальше? Ждать, когда выведут в другое место?*

— Тут, как говорят, тараканов из головы вытравливать надо. Другого пути нет. Хуже всего не чувство озлобления или нелюбви, которое ты приобрел, а поток мыслей, от которых страдает душа человека, его внутреннее состояние. Нужно отсечь неправильные мысли и сразу заполнить ум правильными Божьими помышлениями. Пустоту всегда надо заполнять, а Божьи мысли часто вытесняют плохие.

— *Можно, батюшка, сказать: не верьте своим мыслям, мало ли что кажется, надо все время каяться и работать над собой?*

— Не все так просто.

— Не просто, конечно. Это работа, но делать что-то надо.

— Лучше этот поврежденный помысел исправлять на самом начальном этапе зарождения. Когда он начинает появляться, и ты понимаешь, что это не от Бога, это не мое, этим жить нельзя, то начинаешь это состояние менять или не обращаешь на него внимания, в добром состоянии пребываешь, мысли добрые ищешь. А когда принял, то уже поток идет, здесь тяжелее.

— И все, ждать смерти или как?

— Отец Паисий говорит, что если помысел повредился, совсем повредился, то эти люди спасаются скорбями. Господь даже крайне озлобленного и поврежденного не оставляет, Божия любовь велика, она и таких людей приглубит и спасет. Только за Бога нужно держаться, смиряться и верить Ему.

— Конечно, в теории все хорошо, а вот в жизни, если попал в это, что делать? Кто поможет, кто скажет, как из этого выйти? Скорбей и так хватает, а так еще и от своих же мыслей скорби приходят.

— Человек сам от себя страдает. Господь каждому человеку дает свой крест, и у отцов написано, что Господь дает крест по силам, а когда человек начинает набирать на себя, то есть на то внимание обратил и на это, ум на все начинает реагировать. Получается ноша не по силам, и человек ломается. Душа подобна телу, она может выдержать какую-то определенную нагрузку. Тело гораздо проще и понятней. Ты можешь пятьдесят килограммов поднять, а сто не поднимешь. А душа, если ты ее перегрузил, а сам можешь этого не почувствовать и все грузишь, грузишь, в какой-то момент уже начинает этим жить и повреждается. Поэтому, сестры, стяжите две основные добродетели, о которых говорится в Евангелии: будьте просты, как голуби, и мудры, как змеи. Простота и мудрость происходят от глубокого помысла, послушания и любви.

Пюхтица

09.02.2010

Беседа вторая

Поговорим о Боге и о спасении. Я жил в Смоленске, в Москве, здесь, в Эстонии, и встречал хороших, добрых людей. Однако все чаще сталкиваешься с тем, что люди живут в основном материальными заботами и их жизнь уходит на бытовуху, а душа становится тощей, жалкой, пустой. От этого на душе появляется скорбь. Когда вспоминаешь о том, что антихрист придет в мир, понимаешь, что он придет не без причины, а потому, что будет отступление людей от Бога. Их внутренний мир опустошится и станет больше материальным, чем духовным. Сейчас, когда общаешься с людьми, именно с таким фактом обмирщения и приходится сталкиваться. Люди слышат о Боге, они желают слышать о Нем, но быть с Богом для них очень тяжело, ведь жизнь с Богом — это не жизнь одного дня или часа, это постоянство, когда человек изо дня в день прилагает усилия, чтобы возлюбить Его и исполнять Его заповеди. Для этого требуются силы, терпение, нужно понуждать себя к любви. Я говорю — понуждать, потому что нам не хватает любви, и человек усилием воли, своим желанием понуждает себя любить людей, а если не любить, то хотя бы терпеть. Когда соприкасаешься в мире с людьми, то сталкиваешься именно с тем, что у человека не хватает внутренних и телесных сил, чтобы приблизиться к Богу, стать Его сыном. Тем отраднее, что мои слова о спасении доходят до ваших сердец. Мы понимаем друг друга, говорим на одном языке и переживаем одно и то же. Когда святым отцам задавали вопрос: «Какое родство сильнее: кровное или духовное?», то они всегда отвечали: «Духовное». Когда люди живут одним духом, то становятся ближе. Мы недаром называем друг друга «брат» и «сестра», не просто в силу традиции, а потому, что нас единит один дух.

Спасение — это соединение человека с Богом, это внутреннее состояние или, точнее сказать, устройство души, в которой может жить Бог. В этой жизни все наши силы, все желания направлены на приобретение смирения. Господь в Евангелии говорит: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф.

11:29), и человек, как и наш Господь, должен иметь кроткое и смиренное сердце. Если его сердце, его душевное устройство будет иным, он не сможет соединиться с Богом, не из-за того, что Бог этого не хочет, а из-за того, что человек не сможет принять Его. Поэтому всегда, когда мы говорим о Боге и о спасении, мы говорим о своих внутренних переживаниях. Понять слова о любви может только тот, кто сам в себе это чувство носит, кто сам его испытал. Есть любовь плотская и духовная, они разные. Даже та любовь, которая заложена в человеке, — любовь к родителям или детям — будет отличаться от любви Божьей.

В духовной жизни есть такой момент. У отцов сказано, что для нас не так важно, будет в нас любовь здесь, на земле, или нет, важно, чтобы у нас было смирение — состояние, при котором в душе может пребывать духовная любовь, потому что Господь дает любовь, видя сердце человека. Он знает, может человек удержать эту любовь или нет. И для нас важно приобрести смирение — внутреннее богоподобное устройство. Как-то один из прихожан сказал мне: «Батюшка, я не понимаю, что такое смирение; мы все время говорим о смирении, о кротости, а что это такое, мне непонятно». У прп. Иоанна Лествичника, по-моему, в главе о смиренномудрии рассказывается, что на вопрос о том, что такое смирение, один отец ответил — это значит считать себя ниже и хуже всех, а второй и третий ответили иначе. Прп. Иоанн подводит итог: каждый из отцов отвечал так, как ему открыл Господь. Вот и каждому из нас смирение открывается по-разному. Дух и устройство душевное должны быть у всех одинаковые, а воспринимать его каждый может по-разному.

Мой личный опыт говорит, что смирение — это смерть прежде смерти: для человека не только прошлая жизнь или представление о будущем должны стать чистым листом, но и сами мысли должны прекратиться. Не обычные мысли о том, что надо пойти в магазин или сделать что-то, а мысли, имеющие в своем корне мечтательную начинку и связанные с эгоизмом. Эти мысли должны прекратить свое существование не только в уме, нужно, чтобы иссяк их источник в сердце. И тогда в успокоив-

шемся и как бы умершем сердце начинают рождаться другие мысли, другие чувства. Это уже идет от Бога, как апостол Павел говорит: «Не я живу, но живет во мне Христос», то есть наши желания, наши мысли перерождаются из плотских — пусть хороших и добрых, но плотских — в духовные и становятся уже святыми, потому что переплетены волей Божьей. Когда прп. Амвросия Оптинского спросили, как он открывает волю Божью, как он ее видит, он ответил: «Я открываю свой первый помысел». Он не логически начинает раскладывать какую-то ситуацию или вникать в проблемы, а обращается к своему помыслу, который идет изнутри, потому что внутри человека дух любви, там Господь. Помысел проходит через ум человека, и задача ума — этот дух, эту информацию внутреннюю воплотить в мысль. Человек проговаривает внутренние переживания, когда они превращаются в мысль. Прп. Амвросий говорил, что, когда пришедший к нему человек настаивает на своем, он начинает рассуждать по-человечески и ошибается. Отступает дух, и подключается эго: рождаются логические мысли, и человек перестает быть орудием Божьим и сосудом благодати, в котором живет Господь.

Для нас в монастыре смирение связано с послушанием, то есть послушание направлено на то, чтобы человеческая воля стала Божественной и все, что в ней есть грязного, греховного, плотского, одухотворилось. Адам с Евой когда-то согрешили, и до сих пор основание и фундамент всех грехов — непослушание. Когда человек идет на поводу у своего желания, противоречащего Божьей воле и любви, происходит внутренний переворот внутри человека: мысли и чувства становятся более страстными, эгоистичными, и все внимание, все желания концентрируются на самом себе. Так человек отходит от Бога. Когда Господь спросил: «Адам, где ты?», в ответе Адама сразу обнаружилось повреждение человеческой природы: «Я скрылся от Тебя, чтобы Ты не видел моей наготы» (Быт. 3:9-10). Мы уже говорили о первородном грехе, который наследуют все люди от рождения. Святитель Игнатий Брянчанинов говорит, что последствие первородного греха — разделение ума и сердца, самой целостности

человека. Человек стал плотским. Ум желает одного, а сердце — другого. Потому мы и говорим, что христианин должен иметь устройство, а не настроение. Настроение — это чувства, которые возникли внутри человека и которыми он начинает жить. Хорошие чувства приходят — он добрый, веселый; плохие — становится злым. А устройство — это когда в моем уме образ Христа: я знаю, каким должен быть, у меня есть ориентир, и чувства, возникающие против моей воли внутри меня, я покрываю образом Христа, не даю им развиваться, и понемногу они обретают ту форму, которую я задаю. Вот это и есть устройство.

У отцов также сказано: очень важно иметь добрый помысел. Когда человек только приходит к Богу и научается жить с Христом, в первую очередь он приобретает добрый, хороший помысел. У него появляется правильная реакция на все происходящее: он уже внутренне знает, как ему поступить, что принять, а что отвергнуть, что — от Бога, а что — от дьявола. Если на плохом помысле остановишься, заиклишься, он будет тебя долбить и появится внутреннее напряжение. Важно и в начале церковной жизни, и потом, чтобы помысел был добрым, правильным и соответствовал законам Божиим. Что такое поврежденный помысел? Отец Паисий Святоторец говорил, что поврежденный помысел появляется, когда нарушается закон любви. Любовь всегда покрывает немощи других. Человек же с поврежденным помыслом себя оправдывает, других обвиняет. Евангелие говорит нам: «Сколько бы ближний ни согрешил, прости ему». Если ты будешь милосердным, то и Господь будет к тебе милосерден. При правильном, добром, хорошем помысле человек начинает покрывать грехи и немощи других, от этого появляется любовь. Если не будет этого доброго помысла, то невозможно иметь доброе устройство, невозможно иметь в себе Бога. От неправильного помысла происходит и внутреннее повреждение человека: он уже и окружающих людей, и Бога воспринимает искаженно, а его любовь — это только призрак любви. У прелести корни — в уме человека, поэтому будьте внимательны к своему уму, к своим помыслам. Мы должны хоть немного придерживаться законов Божьих, сердце долго смиряется. Так

не бывает: скажешь ему — люби, и оно сразу полюбит. Нет, пройдет годы скорбей, прежде чем сердце смирится.

У молитвы как процесса есть свои ступеньки. Первая ступенька — это механическая молитва, призывание имени Божьего. Она еще особого плода не приносит, но необходима, потому что насыщает ум и душу. Чем чаще человек призывает имя Божье, тем лучше. При этом необходимо всегда иметь чувство присутствия Бога — страх Божий, как оно у святых отцов называется; без него это не молитва, а скороговорка или пустословие. Одновременно с ним должно быть и внимание, хоть какое-то внимание.

Когда человек идет этим путем и его сердце смиряется, в какой-то момент он поднимается на следующую, более высокую ступеньку. До нее доходят, может, и немногие, но она есть, и к ней нужно стремиться. К этому должны стремиться все: и монахи, и миряне. На этой ступеньке на слова молитвы начинает отвечать сердце, то есть появляется чувство. Если ты говоришь: «Господи, Иисусе Христе», сердце начинает радоваться от произнесения имени Христова. А когда говоришь: «Помилуй мя», оно начинает плакать от ощущения своей греховности, своей отверженности и недостижимости святости Божьей. Так и у отцов написано: если ты читаешь молитвы утренние, вечерние или Евангелие и сердце заплачет от слов молитвы, Священного Писания, то остановись, пусть оно усладится этим, сколько Бог даст. Когда чувство умиления пройдет, читай дальше. Это вторая ступенька, к которой мы все должны стремиться.

Есть и третья ступенька, до которой доходят очень немногие. Это ступенька созерцания: человек творит Иисусову молитву, а сердце уже не только плачет и радуется, но и уходит Туда, в Небо; человека здесь уже нет, он там, в Божественной области. Этого состояния достигали немногие. Когда блаженный Прокопий Устюжский (и другие святые отцы) становился на молитву, то с воздетыми руками, на коленях стоял то ли пять, то ли семь суток, ничего не ел и не пил. Это признак того, что человек вступил на третью ступеньку — ступеньку созерцания. Возможно, мы этого никогда не достигнем, но об этом надо знать.

Хочу сказать и о человеческих чувствах. У каждого человека свой характер. Господь знает, что каждому нужно и каков его путь. Не только у человека, у каждого народа свой национальный характер. И восприятие Бога у всех разное. Когда мы говорим о православии, то говорим о соединении человека с Богом, о том, что в душе человека переплетаются чувства и радости, и скорби — человек смеется, радуется и в то же время плачет о своих грехах. Кому-то эти внутренние переживания непонятны, многие люди начинают искать Бога умом и стараются воспринимать Его рационально, а Бога невозможно понять и объять умом. Один из преподавателей духовной академии как-то сказал нам, что те, кто хотел объять Бога умом, сходили с ума. Бог необъятен, велик, а человеческий ум ограничен и не может вместить в себя Бога, поэтому и не выдерживает. Господь каждому народу, каждому человеку дал свой путь спасения. Наша задача — дать жизни идти той колеей, которую Господь каждому уготовил. Надо встать на правильный, Божий путь, все остальное сделает Бог. Сколько можешь вместить, столько вместишь.

Хорошо, если человек с самой юности не окунулся в страсти и его сердце осталось неповрежденным. Страсти у каждого есть, но, когда человек им предается, они развиваются, и человек становится их рабом. Душа повреждается и уже неправильно воспринимает окружающий мир, становится подвластной материи. Если человек не поддается страстям, если его душевное устройство остается нормальным, то со временем они замолкают. Тогда Господь приходит к человеку, и его чувства становятся одухотворенными, обожженными. К сожалению, приходится сталкиваться с тем, что многие приходят в церковь поврежденными: кто-то поврежден неправильными мыслями, это хуже, а кто-то — чувствами. И приходится тратить силы на умиротворение этих чувств, на терпение; получается, человек спасается тем, что терпит самого себя. И это спасение, Господь его спасает, но он тратит все свои силы только на то, чтобы не грешить. О том, чтобы приобрести что-то духовное, святое, речь уже не идет, лишь бы не грешить. Повторюсь, что повреждение ума, помысла хуже,

чем повреждение чувств. Всегда считалось, что какая-то ересь хуже плотского греха. Когда у человека правильное мышление, образ Христа в уме, он направляет свое сердце, у него правильное восприятие окружающего мира и происходящего. Когда же помысел поврежден, чувства могут и не быть особенно возбуждены, но все равно искажаются. В основном, если помысел поврежден, чувства искажаются гордостью или, наоборот, делают человека безвольным от самоуничтожения — я такой неправильный, нехороший, человек тогда превращается в тряпку, теряет волевое устремление. Бог в каждого человека заложил волю, а от неправильного помысла повреждается внутренняя природа человека.

— Батюшка, а как определить, поврежден помысел или нет?

— Помысел поврежден, если нарушается закон любви.

— В городе работаешь, и вроде рядом православные христиане, но у них сложилось свое мнение, свои стереотипы: ты должен сделать именно так, тогда все будет в порядке, быть таким, каким они хотят тебя видеть. Как нам быть в этом случае?

— Начну немного издалека. Прелесть приходит двумя путями: когда человек впадает в лень и когда его пытаются загнать в какие-то правильные рамки. Если начинают влиять на душу, на образ мыслей, то человек повреждается. Эта вторая прелесть хуже первой, потому что с ленью легко справиться: если создать хорошие условия, душа быстро восстанавливается — буквально за несколько дней, за неделю. Когда же изменили твои мысли или чувства, то восстановиться быстро не получится, если получится вообще. Сейчас много сект, люди там повреждаются, а когда выходят из них, здоровыми им уже не стать. У них останется неправильное восприятие мира, потому что помысел восстановить не так просто. Если человека загоняют в какие-то рамки физически, например в армии, его можно разбалансировать как-то, он постоянно может быть заведенным, но на душу это не влияет. В концлагерях, например, люди сидели, но они не повредились, некоторые даже стали святыми, потому что их внутренний мир остался свободен.

— Батюшка, а как различить смирение и безволие? Что надо делать, чтобы смирение не перешло в безволие?

— Безвольный человек теряет лицо, свои устремления. Прп. Иоанн Лествичник говорил, что при послушании у человека должно быть живое сердце. Это значит, что его воля, его устремления должны сохраниться. Чувства радости, печали нужны человеку, его сердце должно функционировать. А когда подавляется воля, эти чувства уходят. Если тебя загоняют в неправильные духовные рамки, начинают давить на душу, то даже если ты причащаешься, исповедуешься, начинается повреждение, чувства в сердце замолкают и потихоньку атрофируются. Можно в обычной жизни как-то надавить — допустим, детей на работу отправить или заставить квартиру убрать. А в духовной жизни такого делать нельзя, все должно быть по любви, иначе эти чувства можно повредить. Если душу напрягать, происходит отторжение. Даже святыми словами душу можно напичкать, и появится отторжение; душа имеет свою волю, она нежная, соткана из любви, к ней можно обращаться только с любовью, тогда все вмещается и приносит свой плод. Смирение возрастает в любви и делает сердце живым, учит принимать волю Божию и терпеть. И в этом терпении человек становится еще более любвеобильным.

В прошлый раз мне задали вопрос, связанный с книгой «Воспоминания митрополита Антония Сурожского». Он описывает такой случай. Жили старец и послушник. Послушник однажды пришел и сказал: «Старец, у меня хульный помысел, не могу ничего с ним сделать». А он ему ответил, в шутку или чтобы отстал, уж не знаю: «Ну, иди и удавись». Тот пошел и повесился. Он пишет, что у того было такое абсолютное послушание. Старец после этого очень скорбел о том, что произошло. Меня спросили: «Почему так произошло? Это же послушание было». Так-то оно так, но сердце у этого человека не было живым, оно было уже безвольным. Да, это было слово старца, но дух-то Божий в человеке есть, живое сердце, и когда оно нормально функционирует, когда в нем чувства живые, то оно правильно отреагирует на любые слова. Не в старце проблема, повреждение было у послушника.

В «Лавсаике» описывается другой случай. У старца было два послушника. Он попросил в молитве: «Господи, покажи мне,

каково их послушание и насколько они освящаются от него». Как-то он отправил их на престольный праздник в скит, чтобы приготовить там трапезу. Они пошли и увидели, что посреди дороги лежит увечный человек и просит: «Отнесите меня в общежитие или в дом, иначе я здесь умру». Они ему ответили: «Нет, нас старец благословил идти в скит, приготовить трапезу». И отправились дальше. Вечером старец сам туда пошел. Увидел увечного и спросил: «Что ты тут делаешь? Откуда ты?» — «Не могу добраться до жилья, умру здесь». — «Я отнесу тебя». — «Да нет, ты старый, не донесешь, оставь меня». — «А два послушника тут не проходили?» — «Проходили, сказали, что их старец благословил трапезу приготовить и они мне не могут помочь». — «Нет, я тебя не брошу». На плечи его взвалил и пошел. Прошел с километр, чувствует, что он все легче и легче становится, а в какой-то момент и вообще, как пушинка стал. Обернулся, а там никого нет. Ангел. Господь ему так показал, насколько его послушники воспринимают послушание, правильно они это делают или нет. Мало исполнять то, что тебе говорят, нужно еще иметь живое сердце. Без него человек не может исполнять волю Божию. Сердце должно быть живым, тогда послушание приносит пользу и дает смирение и любовь. А если сердце становится мертвым, жестким, то ничто не поможет, даже таинства не будут действенны.

— *Что же делать, батюшка?*

— Если человек через духовника не может научиться смирению и любви, то Господь дает скорби, чтобы сердце было хоть немного живым.

— *Батюшка, а ближний, тот, кто рядом с этим человеком, как должен к нему относиться?*

— С пониманием. Не ждать от него той любви, которую он не может дать, а самому давать.

— *Насколько родителям можно навязывать ребенку свою волю? И до каких пор?*

— Обычно говорят, что можно наказывать, если есть любовь. Как только начал раздражаться, то это наказание, усилие твое не

принесет пользы. Наказание усваивается душой, если наказываешь с любовью.

— *Девочка уже с двенадцати лет хочет быть барышней. Насколько ее нужно в этом ограждать? Ты начинаешь ее прижимать, говоря, что так нельзя, она не понимает в этом возрасте. Как ее ограждать, до шестнадцати лет хотя бы? Ее духовный мир подрывается.*

— Тут какие-то правила предлагать, я считаю, неправильно, к каждому человеку нужен свой подход. Думаю, в любом случае можно разговаривать с ней только в спокойном состоянии, а если грубо сказать, навязывать ей правильные мысли, то этим ты ее только оттолкнешь. Когда она возбужденная, взвинченная, а ты начинаешь говорить ей, как правильно, возникнет конфликт, это не воспримется. Надо не только сказать, как правильно и наказывать ее, но и видеть, насколько она в этот момент может это воспринять. Большая проблема, если человек всегда взвинчен и на первое место ставит свое «я» — я так хочу. Но если она и по-своему делает, где-то нужно снисходить. Можно наказывать, а потом по-доброму поговорить. Главное, чтобы не было накала, вражды. В любом наказании должна быть доброта. Проблема в том, что человек начинает жить внешним миром, то есть он смотрит, как живут другие, и подстраивается под этот мир. Воспитание идет не только через семью, но и через школу, через класс. У кого сердце усвоило какие-то духовные законы, тот сбережет и свой внутренний мир, и внешний.

— *Как помочь молодым в выборе специальности? Говорят, что кругом все так плохо. Как быть?*

— Такая ситуация в мире — не до жиру, быть бы живу. Хорошо, если человек по своему желанию, устремлению выбирает какую-то профессию и учится, но, к сожалению, сейчас многое изменилось и приходится подстраиваться, приобретать какую-то хлебную специальность, чтобы человек мог и место рабочее найти, и заработать что-то. Все нужно учесть. Сейчас ребенок чаще идет учиться, чтобы потом получить работу, а не по зову души. Ко мне на подворье приезжала девочка, она закончила философский

факультет в Екатеринбурге, магистерскую защитила. И она говорит: «А куда я могу работать пойти?» Работать негде. Кому эти философы нужны? Никому. Она приехала в Москву, ничего так и не нашла. Пошла в стюардессы, хоть какой-то кусок хлеба зарабатывает. Все, высшее образование в сторону, как уж получается. Образование есть, а работать по специальности ты не можешь.

— *Батюшка, вы говорили о своем пути. Вы имели в виду духовный путь?*

— Есть Промысел Божий, который включает все: и духовное, и телесное. Все жизненные обстоятельства формируют душу. Человек претерпевает какие-то скорби, его внутренний мир формируется, и через это он очищается и приближается к Богу.

— *А если это скорбный путь? Это хорошо?*

— Господь каждому дает по силам, по нужде. Для одного путь может быть скорбным. Люди в лагерях сидели, у них скорбный путь был. А кто-то проживал свою жизнь легко, но и они становились святыми. Это лишь Господь знает. Можешь понести — Господь тебе это даст. В каждое время — свой путь. Вот у нас сейчас один путь. У тех, кто жил пятьдесят лет назад, был другой. У прп. Антония сказано, что последние христиане будут выше первых. Почему? Потому что к концу соблазн греха будет очень велик и подвиг уже будет не в том, чтобы посты соблюдать, поклоны делать, на голой земле спать, молиться часами, а только в том, чтобы не грешить и хранить себя. Но чтобы сохранить себя от греха, от соблазна человек должен и молиться, и поститься, и все остальное делать. У прп. Исаака Сирина написано, что человек будет наказан не за то, что не молился и не постился, а за то, что оставил пост, молитву и стал жить с дьяволом. За жизнь с дьяволом человек будет наказан на Страшном суде.

— *Батюшка, а как понять, ты по воле Божьей этой колеей идешь или это своеволие?*

— А тебе ничего не надо выбирать. Что тебе Господь в жизни дает, тем и живи, а когда начинаешь своим умом жить — вот это мне лучше, а это хуже, тогда это своеволие, ты сходишь со своей колеи.

— *Но человек должен понимать, какая его колея?*

— А что тут понимать? Скорби тебя всему научат. Человек получает скорби тремя путями: болезни, семья и сейчас еще работа. Если у тебя в семье нормально, будут со здоровьем проблемы; со здоровьем все хорошо — будут проблемы с работой. Все время в какую-то колею попадаешь.

— *А если все три сразу?*

— Значит все три. Что ж делать? Значит вот так попала.

— *А болезнь можно вымолить?*

— Можно. Только для этого нужно большое смирение иметь. Отец Паисий как молился... Он говорил: «В миру люди от рака умирают, от разводов страдают, а я, монах, этого не имею, так дай мне, Господи, болезнь, чтобы понять горечь мира, понять, как они страдают». Господь дал ему рак.

— *Батюшка, а на Украине сейчас униатство.*

— Оно и было там.

— *Сейчас оно и в Европу приходит.*

— И в Европе было.

— *Как нужно к этому относиться?*

— Просто молись и спасай свою душу. Ты в православии, вот и будь. Есть и хуже секты и течения. После того как прп. Анатолий (младший) Оптинский отслужил последнюю литургию в Оптиной пустыни, он произнес проповедь о том, что в последние времена восстанут лжеучителя, которые не будут искажать догматы Церкви, они будут искажать Священное Предание. Это гораздо сложнее. Священное Предание — это путь спасения. В Евангелии сказано, что, если не сократятся те дни, не спасется никакая плоть, то есть путь соблазна будет настолько велик, что даже избранные будут поддаваться соблазну и отступать от воли Божьей. Как Господь говорит: «Много званых, но мало избранных». Избранные — те, кто исполняет волю Божью. Поэтому здесь все понятно, все видно: униат, католик или еще кто-то, у них — свое, а у нас — свое. И православного человека взять, пусть он в Церкви, но у него в голове столько намешано, что думаешь: а православный ли он? В отношениях с другими людьми такая гордость выходит. Ко мне как-то подходила женщина, она

пришла в храм без платка, в штанах, и ее выгнали. Она год в храм не ходила, переживала. Я, говорит, не знаю, что делать, как креститься, как кланяться, во что одеваться. Этому всему можно научиться, беда в другом — многие бабушки, пришедшие в церковь, не имеют духовных корней. Они научились креститься, молиться, ходить в храм, свечи ставить, но, помимо этого, нужен еще и дух, любовь должна быть, а это самое сложное, это основное. Вот и получается: вроде ходят, вроде православные, а смирения и любви нет. И в православии можно заблудиться.

— *А если не ходить, вообще ничего не будет.*

— Я о том, что человек должен приобретать смирение. Для этого мы идем. Не для того, чтобы поставить свечку, подать записочку, а для того, чтобы прийти и с Богом побыть, помолиться, смириться самому. Ходить в церковь надо, все правильно. Человек в церкви получает все, но, как у прп. Иоанна в «Лествице» написано, пост не ради поста и послушание не ради послушания, а ради смирения, то есть все, что мы делаем, не ради какого-то подвига, даже молитва не ради молитвы, а для того, чтобы смириться и соединиться с Богом. Это все средства, наша цель — соединение с Богом. Человек должен очищать свой внутренний мир, но наша внутренняя жизнь не должна превратиться во внешнюю — убранство церкви, свечи, в какую сторону кланяться, как ходить, какая иконочка впереди, какая сзади. Конечно, это все надо. Но если не будешь приобретать дух смирения, дух любви, это проблема.

— *А как себя вести, если все время делают замечания, что ты что-то не так делаешь?*

— Когда начинают эти помыслы приходить — правильно я делаю или неправильно, не обращай на них внимания. Если начнешь обращать внимание, не выберешься из этой мнительности, это будет повреждение. Ты будешь все время в страхе находиться, а не смирение приобретать. И если у тебя такое восприятие и все внимание будет сконцентрировано на внешнем, то не сможешь молиться.

— *А если совершил что-то, покался и все равно чувствуешь непрощение? Это от дьявола?*

— Да, от дьявола. От Бога приходит чувство прощения, но при этом все равно остается болезненное чувство удаленности от Бога. У святых отцов написано, что от греха душа повреждается. От греха образуется что-то вроде дырки в душе, потом, когда человек приходит в церковь, кается, покаяние приносит, эта дырка зарубцовывается, но чем больше была дыра в душе, тем больше будет рубец, и нужно время, чтобы он рассосался, поэтому у святых отцов не зря на каждый грех была положена епитимья. Допустим, за грех убийства — 15 лет отлучения от церкви, за блуд — 7 лет, за другие грехи — еще какие-то сроки. Это показывает, сколько душа будет пребывать в таком болезненном состоянии. Признак того, что грех полностью прощен, очищен и рубец рассосался — когда при воспоминании о грехе совесть молчит.

— *Не самокопание, а когда совесть молчит?*

— Допустим, ты совершил какой-то грех, через десять лет его вспомнил, а совесть тебя не осуждает. Это признак, что рубец рассосался.

— *Батюшка, а если совесть вообще не осуждает?*

— В сатанизме есть так называемый путь «самосовершенствования»: начинают совершать грехи для того, чтобы совесть в конце концов замолчала. И когда совесть замолчит — это считается высотой. Если верующий человек совершает грех, понимая, что он делает, и совесть его при этом молчит — это признак смерти, мертвой души. Человек может умереть прежде своей смерти — вот это самое страшное. Он может быть живым, может смеяться, спать, есть, но при этом быть мертвым. И когда у святых отцов идет речь о гневе Божьем, о наказаниях, самым страшным наказанием считается отсутствие наказания. Наказание — это вразумление, но что толку наказывать, вразумлять, если человек мертв? Бог наказывает живых. Совершил человек какой-нибудь грех, а покаяния нет, вот Господь и накажет его каким-то образом — болезнью, еще чем-то, и человек исправляется. А если Господь накажет человека с мертвой душой, тот еще больше озлобляется, поэтому Бог отходит, Он не наказывает его, и такие люди доживают до глубокой старости без особых проблем. Люди спра-

шивают: почему Господь не наказал их? Одних наказывает, а других — нет. Смысла нет, они все равно не вразумятся.

— *А смертные грехи могут быть прощены?*

— Да, они прощаются. Сказано у отцов, что один грех не прощается человеку — нераскаянный. И в Евангелии сказано, что не простится хула на Духа Святого (Мф. 12:31), но это немного другое.

— *А мне непонятно, что значит хула на Духа Святого?*

— У святых отцов толкование на это место такое: речь о тех, кто отвергает Бога, злобствует на Него. Не просто атеизм или отсутствие веры, а озлобление на Творца.

— *Ересь?*

— Нет, ересь — это другое, а тут озлобление, явное богоборчество.

— *А то, что мы раньше не ходили в храм, не знали Бога, — это тоже хула на Духа Святого?*

— Нет, Господь мудрее вас и любвеобильней. Он знает, что дети шалости какие-то делают — ну, не хочет она ко Мне идти, и не надо. Потом пожила немного, через скорби свои прошла и увидела Бога: «Ой, Господи, прости!» И Господь вытаскивает, но душа должна быть готова к Нему прийти, созреть для того, чтобы принять Бога. Вот тогда Господь и приходит. У Бога случайностей нет, и, если вы пришли к Нему в возрасте, значит так было надо. Многие приходят в молодости и уходят. Лучше прийти хотя бы под старость, но остаться до конца, чем прийти и уйти.

— *Батюшка, вы говорили про болезни, помогающие спасению души. Святой Паисий даже просил болезнь. А почему мы лечимся?*

— Господь дал врачей, это от Бога. Если человек заболел, он обращается к врачу. Бывают, конечно, особые случаи. У аввы Дорофея, например, рассказывается о том, как его ученик Досифей заболел, у него болезнь легких была, и он попросил: «Авва, дай мне слово, что ты мой помысел не исполнишь». Тот ответил: «Хорошо». Тот сказал: «Я слышал, что яичной скорлупой такие болезни вылечивают, но ты мне ее не давай, я хочу свой крест пронести до конца». Но это особый случай, и это было от Бога. А вы лечитесь у врачей — такова воля Божья, и отец Паисий у них тоже лечился.

— *У нас врачи посылают к бабкам.*

— Ты ходил?

— Нет, я не ходил, но больных посылали к бабке.

— Может, и есть такое, но это редкость и это неправильно. Врачи, как Бог вразумит, так и лечат.

— Батюшка, еще недавно советское время было, и люди, крещенные в детстве, умирали, не причастившись, не исповедовавшись. Мой отец, например, так и умер, но его отпевали.

— Да, мало креститься, нужно еще и верующим быть. Когда человек верующий, он приступает к таинствам Церкви. У него есть хоть какое-то представление о покаянии, о причастии. Верующий сам будет заботиться о своем исходе из этой жизни, будет думать, как подготовиться. Если человек неверующий, прожил и Бога толком не знает — что доброго сделал, то и сделал, ответственность за его исход уже ложится на родных и близких, они сами проводят небольшую катехизацию или приглашают священника, он подготавливает человека к принятию Святых Христовых Таин. У меня такой случай был. У одного человека случился инсульт, он попал в больницу, а супруга его в храм ходила. Я батюшке говорю: «Ты его знаешь, сходи, причасти». — «Но он не просил». — «Сходи все равно, чтобы понятно было, если он умрет, принял он Бога или отверг». Он пришел в больницу со Святыми Дарами, спрашивает: «Хотите исповедоваться, причаститься?» Тот начал ему рассказывать про «Лето Господне» Шмелева, а потом говорит: «Ну ладно, отец, иди. Я еще не буду умирать, не надо причащать». И отослал его. Вскоре его выписали из больницы, он вернулся домой, а через неделю вышел с собакой погулять, упал и умер. И все. Священник ему предложил: вот Христос, хочешь соединиться с Ним — соединишь, не хочешь — тебя никто заставлять не будет. Он отверг. Здесь все конкретно: принять Христа или отвергнуть. Человеку нужно предоставить право выбора. Если он отказался от Христа, то таинство отпевания уже не действительно, остается лишь форма, а самого основного — примирения человека с Богом — не произошло.

— Под Рождество человека ударили по голове, он целую ночь пролежал на морозе, получил обморожение и оказался в боль-

нице, в полной прострации. Его начали кормить, я стала читать «Отче наш», и он молитву продолжил. Человек православный. Это внутреннее произволение человека, он сам должен к Богу тянуться, да, батюшка?

— Да, конечно.

— Если человек не принял Христа, а его отпели. Это лишь форма?

— Если не было прямого, конкретного отказа от Бога, то нужно отпеть, а там, как Господь управит.

— Ревностные православные говорят, что ИНН — это уже отказ от Бога, и человек, его принявший, не спасется.

— Я думаю, здесь нужно руководствоваться словами отца Паисия: если в паспорте или в карточке есть штрих-код, то не надо его брать.

— У меня много знакомых рыбаков, утонувших в атеистическое время, и я не знаю, крещенные они или нет.

— Ты за них три дня помолись с поклонами, крепенько, и оставь их на волю Божию.

— А если человека не знаешь?

— Можно и по отношению к нему такое правило совершить.

— Этими молитвами сколько чужих грехов возьмешь на себя?

— Нет, ты будешь нести свои, а их грехи берет на Себя Бог. Так и священник — люди на него сваливают грехи, но он от этого не становится грешней, потому что Бог разрешает их грехи. Конечно, тяжело слышать грехи, переживаешь за людей, но не священник берет эти грехи, он только свидетель и на Страшном суде будет свидетелем того, что человек каялся в них. Помните, я говорил, что у человека душа как кинокамера, все на пленку снимает? Так и у священника: кто в чем исповедовался — душа все засняла. Это у святителя Иоанна Златоустого написано — священник является свидетелем твоего покаяния на Страшном суде.

— Это священник, который слышал грехи и их разрешал?

— Да, он будет свидетелем на Страшном суде. В чем покаялся, то и простится; в чем не покаялся, то останется.

— Бывает, люди одним и тем же согрешают, подвержены какой-то слабости и по разным священникам ходят. Получается, у них много свидетелей, что исповедуются в одном и том же грехе?

— Да, имеют много свидетелей, но главное, чтобы они искренне свой грех исповедали, а если такое происходит из ложного стыда, чтобы батюшка о них хорошо думал, то это плохо. А еще хуже, когда грех на исповеди выговаривают так, что священник его не понимает. Был у меня случай. Молдаваночка на исповедь пришла и слукавила, что по-русски не понимает, будет по-молдавски исповедоваться. Молитву-то я ей прочитал, а вот Бог ее грехи не разрешил, потому что обманула. Священник должен понять, какой был грех, тем более, если тяжелый. Таков и устав Церкви о Таинстве Исповеди.

— Батюшка, а если человек умер далеко, с его могилки взяли землю и этой земли насыпали на могилку, где все родственники похоронены. Можно так делать? Говорят, с другого места привези землю, посыпь вот так на кладбище, и у вас его могилка уже здесь.

— Да, можно так делать, но это нужно для тебя, для живой, для духа твоего, а для усопшего это не нужно, он уже Там.

— А вот воины уходили на войну, и с ними защитая земелька была. Это для чего?

— Это земля с родины, они ее с собой носили из любви к отечеству, поэтому, когда человек погибал, насыпали могилку этой землей. Землю называли мать-земля, русскому человеку было привито чувство родины. Сейчас оно уходит, многие уезжают за границу, долго там живут и это чувство теряют. А у русских и евреев всегда это чувство было. Евреи это чувство хранили на протяжении многих веков, поэтому, как только в 50-х годах прошлого века их государство стало создаваться, они сразу там собрались. Никакой другой народ не смог бы так собраться, для этого нужны чувство родины и вера.

— Батюшка, покойники снятся. Как это можно расценить и понять?

— Насчет снов прямо сказано: снам верить нельзя. Если будешь заикливаться на снах, будет повреждение. Приснился — помолись за него, и все. Сам сон забывай. Если тебе что-то нужно, Господь и без сна откроет, а если дьявол начинает долбить, то приходят беспокойство и тоска.

— Я у иконы молилась и просила, и мне во сне было показано. Это расценивать как Божье провидение или свой ум?

— Свой ум. Будешь так расценивать — не повредишься. Когда я в Старый Оскол ездил, у однокурсника останавливался. Он рассказал такой случай. Ехал он как-то на машине в Белгород и увидел, как произошла авария, в которой погибли все. Он видел, как все было, и сам людей вытаскивал. Позже жена одного из погибших, звали его Димитрий, все по мужу плакала и попросила Бога, чтобы показал, как там все было. И вот во сне явился ей муж и сказал: «Сходи в Михайловский храм к батюшке такому-то, он тебе все расскажет». Да, можно считать, что этот сон от Бога, он дан был той женщине в утешение.

— У меня было видение.

— У нас очень хорошая формула есть, которую нужно усвоить: не отвергать и не принимать. Это у греков, и так правильно. Да, как факт. Было и было, не надо этим жить, не надо об этом думать.

— Батюшка, как молиться за умершего наркомана?

— Если Бога не отвергал, как-то старался выпутаться из этого, как за всех молитесь, так и за него молитесь, а если озлобление было, то келейной молитвой. Это уже горе. Алкоголизм, наркомания — это беснование такое, но если есть какая-то надежда, ниточка любви у него, то можно, а если отчуждение, озлобление было, это плохо. Не только наркоманы, но и далекие от Бога люди так уходят. Кто знает, как там они? На милость Божью только надеемся и молимся: «Господи, как можешь, так их помяни». У Бога больше любви, чем у нас всех, вместе взятых. У нас лишь капелька любви, у Бога — океан.

Пюхтица
04.04.2010

Беседа третья

Сегодня мы опять собрались, и мне радостно от того, что можно поделиться сокровенным, поделиться своей внутренней жизнью с людьми, которые тоже живут этой жизнью и все внешнее, что происходит вокруг, обращают во внутреннее. Об этом писали святые отцы. Это то, о чем говорил Господь и ради чего мы живем на этой земле. Сегодня хочу начать с того, что наболело. Мы несколько лет назад уже затрагивали эту тему — тему трезвения. Когда я жил на Афоне в монастыре Кутлумуш, отец Серафим, русский, переводил часть книги отца Емилиана — игумена монастыря Симонопетра. Он написал о трезвении по книге преподобного Исихия. Это его толкование, его мысли. О. Серафим перевел лишь небольшую часть, тоненькую тетрадку. Книга на русский не переводилась, поэтому тем, что запечатлелось в моем сердце и осталось в памяти, мне хочется поделиться с вами.

О. Емилиан говорит о чем? Чтобы понять глубину слов преподобного Исихия, нужно знать древнегреческий, то есть чувствовать ту глубину слов, которую использует преподобный. Он приводит эти слова, дает их перевод с древнегреческого и после этого уже толкует, раскрывает их смысл. Первые слова прп. Исихия: «Трезвение — это духовное художество». О. Емилиан дает перевод этого слова с древнегреческого — «не пей вина». Потом он говорит о дальнейшем его осмыслении: это наблюдение за предметом, внимание к чему-то или кому-то, и внимание это постоянное, неотъемлемое. Он растолковывает понятие «трезвение», о котором говорит прп. Исихий: ум должен быть чист, никакие помыслы не должны проходить внутрь человека. Внимание, наблюдение за своим умом, за его чистотой — это и есть трезвение, монашеское делание. Его слова вызывают во мне такой образ: как Моисей шел и вел за собой народ Божий (впереди него был столб огненный, он видел его и шел за ним, не отрывая от него глаз), так и при трезвении человек улавливает Бога и наблюдает за Ним своим внутренним взором, вперяет в Него свои внутренние очи.

Что значит «внутренние очи»? И что значит «вперять свой ум в Бога»? Как понять, что ты видишь Бога? Когда ум человека становится чист, когда он не помрачен никакими суетными или пустыми помыслами, он чувствует, наблюдает Самого Бога, следует за Ним, видит Его, Невидимого, и видит внутри себя жизнь. О. Емилиан говорит, что помыслы, которые приходят в ум человека и там задерживаются, нужно отсекать, с ними нужно бороться. И это, в общем-то, человеку по силам. Для борьбы со страстными помыслами, блудными или другими, нужны мужество, храбрость. Без отсечения этих страстных помыслов человек не может иметь трезвения, не может достичь внутреннего покоя и чистоты ума. После этого он говорит об общении — человек должен быть общительным. Не в том смысле, что он должен быть разговорчивым, а в другом — он должен душу свою отдавать за других, то есть должен любить. Если человек необщителен или «общительно-эгоистичен», говорит о. Емилиан, он не может иметь трезвения, не может использовать этот метод для своего спасения. Общительно-эгоистичный — тот, кто ради своего удовольствия, тщеславия или какой-то выгоды вступает в общение с другими людьми, то есть им движет какая-то страсть. Он не будет иметь трезвения, потому что сердце дает ему эту страсть и ум помрачается. От человека требуется не только чистота ума, но и живое сердце, которое имеет в себе любовь — любовь к Богу, любовь к людям. Он рассказывает о себе: «С самого прихода в монастырь я занимался трезвением и жил ради этой практики, этого подвига». И прп. Исихий говорит, что трезвение необходимо каждому монаху, каждый должен заниматься наблюдением за своим умом. У него написано, что это стояние ума над сердцем, то есть ум должен быть обращен внутрь человека. Это чистота ума, то есть ум пустой и вперяет свой взор не во внешние предметы, а внутрь себя, в свое сердце, в Бога, который находится внутри человека. Только когда человек будет иметь трезвение, будет идти этим путем, он сможет исполнять волю Божью, потому что будет следовать за Богом. Вот об этом методе — стоянии ума внутри себя — я хотел вам сказать.

О чем еще я хотел с вами поговорить? Духовная жизнь человека заключена внутри его самого, она зиждется на его духовном сердце. В прошлый раз мы затрагивали тему болезнующего, живого сердца. Я хотел бы вновь поговорить об этом. Есть понятие «живое сердце», есть понятие «мертвое сердце». Живое сердце реагирует на все, в первую очередь, конечно, на любовь Божию. Когда приходит благодать, приходит Бог в душу человека и притрагивается к чувствам, к сердцу; сердце реагирует на это и приходит в умиление. На новоначальных этапах жизни сердце реагирует на страсть, которая есть у человека, и это нормально: сердце живое, в нем возникают страстные чувства — пусть оно страстное, но оно живое. У сердца, помимо желаний, есть еще и воля, которая притягивает ум и чувства к тому, к чему она склоняется: уходит к Богу или в страсть. Сердце может гореть в страстях, но, если воля не хочет этого, если она устремлена к Богу, она ослабляет притяжение страстей и склоняется к Божественному. Вот тогда после какого-то периода внутренней борьбы приходит благодать Божия, погашающая эти страстные чувства в человеке. Это мы говорим о живом сердце, нормальном, здоровом. Когда эти страстные чувства поглощаются любовью Божьей, сердце становится уже духовным, бесстрастным и пребывает все время в Его любви. Это сердце когда-то было страстным, жило в каких-то своих страстях, но преобразилось и стало духовным, светлым, очищенным и полным любви.

Есть и мертвое сердце. Приходят страстные помыслы, человек соприкасается с какими-то страстями, сердце только этим и живет, наслаждается этим или, наоборот, приходит Бог и касается сердца человека Своею благодатью, но сердце молчит, человек слышит слово Божие (читает Евангелие, присутствует на литургии, соприкасается со святыми отцами), но сердце при этом молчит. Это признаки мертвости сердечной. Это худшее состояние, состояние поврежденности. Оно может возникнуть из-за каких-то внешних обстоятельств, когда человека загоняют в какие-то неправильные рамки, тиски, и сердце начинает атрофироваться. В Апокалипсисе есть такие слова: «Ни холоден,

ни горяч». Не совсем правильно отнести эти слова к мертвому сердцу, они больше относятся к безразличному человеку — он ни холоден, ни горяч, но это не мертвость сердца. Это состояние поврежденности, но сердце при этом сохраняет в себе некую живительную силу.

Безразличие — третье состояние. В моей духовнической практике было два случая, когда Тело и Кровь Христовы становились по вкусу мясом и кровью. Возможно, сестры помнят, как когда-то причащалась девочка и вдруг не стала глотать и пережевывать Тело, которым она причащалась. После того как отдала эту частицу обратно в чашу, она сказала, что ей стало неприятно от вкуса сырого мяса, а во рту у нее даже слизь была, как будто она действительно ела мясо. Другой случай... девочка из Латвии приезжала и тоже говорила, что у нее во рту причастие — стало мясом, она это почувствовала. Спустя какое-то время частичка опять обрела вкус хлеба. Почему я вспомнил эти моменты? Обеим девочкам было всего по тринадцать-четырнадцать лет, они ходили в церковь, причащались, жили обычной жизнью. Не было у них смертных грехов, из-за которых могло произойти такое явление, но один грех был — безразличие. Безразличие к Таинству Евхаристии, к Богу, к своей душе привело к тому, что они почувствовали вкус настоящего мяса. Это третье состояние тоже есть, и оно губительно, но если Господь дает такие знамения этим людям, как бы встряхивает, вразумляет, то это состояние возможно обратить в живое. Господь часто таким «теплохладным» людям дает знамения, чтоб они вразумлялись, встряхивались, как от электрошока. Худшее состояние — это мертвость, повреждение, из которого очень тяжело выйти. Какое-то глубокое падение происходит или совершается самоубийство, когда сердце становится мертвым. У Иуды было именно такое состояние. Человек не может настолько отступить от Бога, пока не придет к этому худшему, мертвому состоянию души.

Каждый из нас имеет свое духовное сердце, и у каждого из нас оно достигает своей высоты или своей низины. Для меня важно, чтобы это сердце работало, развивалось естественно и

правильно воспринимало те события, что приходят к нам, чтобы в нем была любовь, чтобы оно чувствовало все. Со временем, когда страсти перегорают в человеке, когда человек идет верным путем, оно само одухотворяется и приближается к Богу; все должно идти по ступенькам, происходить постепенно. Если человек начинает перепрыгивать ступеньки, он повредится. Почему преждевременный уход в пустыню всегда считался опасным для человека? Потому что сердце, не приобретшее должного смирения, должного бесстрастия в общежительном монастыре или где-то в миру, не совершенствуется в пустыне. Страсти только притаятся, как бы впадут в спячку и потом, когда после долгих лет в пустыне человек вернется в мир и соприкоснется с ним, дают о себе знать и опять приходят в движение. Сердце достигает бесстрастия, проходит свой духовный рост постепенно, со временем, и для сердца очень важна воля. Она тренируется, становится сильнее благодаря аскезе. Все посты, которые мы соблюдаем, направлены на то, чтобы укреплялась воля, которая склоняет сердце к Богу. Когда она становится более крепкой и сильной, человек отторгается от своих вожделений и притягивается к Нему. А если мы делаем поклоны ради самих поклонов, постимся, воздерживаемся от чего-то просто ради поста или потому, что все постятся, то это неправильно. Все это должно быть ради того, чтобы прилепить нашу волю, нашу душу к Богу. Люди, идущие аскетическим путем, если у них живое, доброе, любящее сердце, достигают бесстрастия быстрее, становятся крепче и ближе к Богу, впускают Его в себя во всей полноте и удерживают Его любовь в своем сердце. Те, у кого волевое устремление слабее или аскетический подвиг меньше, идут своим путем, постепенно, понемногу. Их сердце со временем — с годами и десятилетиями — становится более чистым, уходит от страстей и склоняется к любви к Богу. Очень опасно, когда аскеза уходит вперед, а сердце и любовь отстают, не развиваются — от этого возникает гордость. В своих глазах человек возрастает, то есть становится подвижником, но любовь его остается слишком слабой, крохотной, и Господь попускает ему падения — помрачение ума и прочее.

Я говорю вам о внутренних законах для того, чтобы вы понимали, что все, что происходит с нами и другими людьми, все, что происходит в нашем мире, происходит не случайно, а определено духовными законами. Вы должны знать, что нужно видеть свой внутренний мир, наблюдать за ним. Он развивается по своим законам, как сам человек и все человечество. Святые отцы говорили, что от покаяния народа будет зависеть его судьба. Бог может изменить Свою волю и отменить наказание, если народ кается, то есть меняется внутренний мир людей. Я вам говорил, что покаяние — это изменение. Меняется внутренний мир человека, его помыслы, его душа, и меняется все вокруг него. Если же изменения происходят в душе не одного человека, а многих, то Господь меняет дальнейшее движение судьбы этого народа. Когда говорю о каких-то внутренних, духовных переживаниях, я хочу сказать понятно, чтобы можно было понять, как это действует, что это живое, реальное. Возможно, мой слог не совсем понятен, но вы должны хоть как-то соприкоснуться с этим и, насколько можете, понять, что переживает моя душа.

Вышел перевод книги «Подвижнические наставления» прп. Исаака Сирина, тираж совсем небольшой. Это перевод с сирийского языка на русский. Его сделал ученый, знаток сирийского. Что интересно, прп. Исаак часто использует в своем повествовании какие-то художественные образы — образ моря, образ человека и другие. Когда читаешь его рукопись, складывается впечатление, что, когда он описывал свой внутренний мир, ему представлялась картинка наподобие той, что он переживал внутри себя. Духовные переживания через такую картинку, через эти образы воспринимаются гораздо легче и глубже. Бог — Творец этого мира, поэтому — и это совершенно естественно — то, что в Его сущности заложено, Он отображает здесь, на Земле, и понять природу Божества, Его любовь и духовные законы легче через окружающий мир. У сирийцев палитра природных красок очень яркая, глубокая. Когда читаешь книги других авторов — русских святых отцов и не только, таких образов практически нет. Там скорее рассуждения, логика, нужно вдумываться в то, о

чем идет речь, и если ты логическую нить повествования потерял, то разрушается смысл, а здесь предстает нечто вроде картины, и этой картиной он передает свои внутренние переживания. Так гораздо проще и легче воспринимать. Сирийцы не обладали ярким философским умом, у них другое восприятие, но оно очень интересное и глубокое. В этом его труде говорится о том, что ум должен плавать в водах Священного Писания, что он просвещается от Евангелия и когда достигает чистоты, Бог начинает Сам записывать Свои мысли, слова в уме человека.

Может быть, поговорим об Иисусовой молитве? Она также связана с трезвением, потому что во время нее ум держит в памяти Бога. Когда прививается механическая Иисусова молитва, ум сам начинает понемногу очищаться, вперяется в Бога, и в нем все время происходит как бы наблюдение за Богом. Когда же эта молитва начинает уже действовать в уме и сердце человека, то при ее произнесении начинает болезновать, переживать и само сердце, то есть отвечать на слова молитвы. Вот об этом внутреннем мире души я хотел сказать. Теперь хочу вас послушать.

— *Батюшка, могу я рассказать, как через музыку можно переживать очень страшные вещи, как композитор это делает? Вы слышали про эстонского композитора Арво Пярта?*

— Да, слышал.

— *Его последнее произведение — Симфония № 4 («Los Angeles»). Как сказал сам композитор, симфония вдохновлена текстом канона Ангелу-Хранителю. В начале мне запомнился очень длинный отрывок, дающий представление о мертвом состоянии души, — тут то ли грехи, то ли вообще незнание Бога. Гениальный мастер создал музыку, которая передает это состояние: вы словно находитесь в пустоте — это страшная тьма, мрак и пустота душевная. Терпишь, терпишь и ждешь, когда же появится Ангел-Хранитель. Сказано про него, значит он должен явиться, и ждешь, ждешь. Знаете, это настоящая адская мука. И когда чувствуешь, что уже нет сил, то не ангел приходит, а ангелы тьмы. Он столько сил передал этим адским ангелам. Ты вдруг ощущаешь себя в полном мраке. Это состояние —*

как бы перед адом — полностью проглатывает. Чувствуешь, ничего не происходит, нет никаких особых звуков, и кто-то тебя начинает вытаскивать, вытаскивать, вытаскивать. Вот такие потрясающие вещи. Для покаяния это может быть убедительнее, чем наставления преподобного Исаака Сирского.

— Я скажу немного на эту тему.

— *Сам он лютеранин?*

— *Православный, ему сейчас 70 лет. Тогда у нас о. Ермоген был, и он постоянно приезжал.*

— Не знаешь, что ли? Ходят по монастырю Пярты, а ты не знаешь?! (*Смеются.*) Я тоже хочу на эту тему сказать. Выходила книга про отца Александра Осипова — про его жизнь, его отступление от Бога. Я сталкивался и в жизни с отступлением, с ситуацией, когда человек терял Бога. Он веровал, Господа чувствовал и умиление было, но приходит враг, дьявол, и начинает эту веру разрушать. Когда вера разрушается, в душе человека появляется пустота. Это происходит из-за гордости, хотя, возможно, и другие причины есть. О. Кирилл об этом состоянии говорил: «У гордого человека поврежденный дух». Человек все делает, все правила церковные исполняет, но внутренний дух, поврежденный гордостью, разрушительно действует внутри человека и пожирает любовь Божию. И если есть в душе человека хоть немного вот этой гордыни... Что такое гордыня? Гордыня — это уничижение других. Это не просто тщеславие, превозношение своих способностей, нет. Тщеславие может быть у многих, а вот гордыня — это уничижение. Если эти ростки есть в сердце человека, то со временем, разрастаясь, это начинает пожирать его сердце, начинает пожирать его любовь. Обычно, когда человек приступает к молитве, он получает какую-то благодать, энергию, любовь Божию, а здесь, обращаясь к Богу, он не получает ничего, потому что в сердце дьявол.

Интересно, что когда такое повреждение происходит у человека верующего, воцерковленного, со своим молитвенным и аскетическим опытом, то в его сердце, уже омертвелом, все равно остается любовь к Матери Божией, хотя такой человек может

и веру в Бога потерять. Матерь Божия была человеком, Она нам родная, благодаря человеческому естеству в Ней есть вот эта материнская любовь, и каждый человек знает эту материнскую любовь, помнит ее, и эта память сохраняется в нем, несмотря ни на что. Если человек ощущал своим сердцем любовь к матери, эта любовь остается, она сохраняется. И если он не потерял совесть, он выйдет из прелести, Матерь Божия выведет. Может быть, это прозвучит как что-то не совсем правильное... А как же Христос? Он же Бог. Он что, отошел? Нет. Через эту естественную любовь к матери Он вживляет Свою любовь в сердце человека, и если человек любит свою мать, то будет любить и Матерь Божию, потому что Она — Мать всего рода христианского. К Матери Божией человек должен иметь великую благодарность в сердце своем и любовь, и умиление. Когда я молитву Иисусову читаю, читаю всегда, как преподобный Серафим читал: «Господи, Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя». И в Пюхтице, и на Афоне все связано с именем Матери Божией. Даже когда попадаешь в какую-то внутреннюю пустоту и кажется, что имя Божие где-то высоко, где-то глубоко, до Него не достучаться, и уходишь в опустошенность, имя Матери Божией все равно согревает, потому что Мать не оставит никогда и нигде. Такое состояние утраты веры в Бога бывает, вера может исчезнуть и у крепко верующего человека, готового сложить голову на плахе ради Бога. Это не что-то неизменное — вот я верую, я таким и останусь, нет. За гордыню человек может веру потерять. Гордость пожирает все, она пожирает любовь. И когда кажется, что и веры нет, и душа умерла, к Матери Божией обращен наш вопль отчаяния: «Воззвание в пленениях помышлений моих». Это состояние души, когда не только нет никаких чувств, но и сама мысль оказывается в плену страстей и не может обратиться к небесному, но Матерь Божия из этого состояния смерти выводит, спасает.

Хочу поделиться с вами и другими своими мыслями. Приехал на Афон и помимо минусов и существующих там проблем заметил один плюс — там сейчас нет национальной розни, национализма нет. Это было до революции и после революции —

вражда, злоба, гордыня, но сейчас хотя бы этого нет. Это радует. Если этого нет, уже можно строить духовную жизнь, можно спасаться. Если есть вражда хотя бы к одному человеку, то хоть какую аскезу имей, хоть какие подвиги неси, все уйдет в пустоту, что бы ты ни делал, чем бы ты ни занимался, все исчезнет, обратится в прах. Вот как раз сестра об этой пустоте внутренней и говорила, правильно говорила. Я и на исповеди слышу — кто уходит в страсти, не останавливается до тех пор, пока не опустится на самое дно этой внутренней пустоты, и лишь тогда в отчаянии начинает взывать к Небу: «Господи, спаси меня!» А до тех пор остается еще маленькая гордость — я могу выбраться, я не совсем на дне, у меня есть какие-то силы. Когда же опустится на это самое дно, тогда его «я» скажет: «Нет, все, ты погиб». И надеяться на свое «я» уже нет сил. Только после этого происходит какое-то оживление, но насколько человек уже может взлететь? Кто-то полностью выходит из этой тьмы, кто-то начинает подниматься и на этом пути отходит к Богу, но Господь все равно любит и милует человека, если он отказался от своего эгоизма. Вот эти падения человеческие — и наркомания, и алкоголизм, и другие грехи, блудные и прочие, — во многом (не всегда, но во многом) связаны с гордостью: я могу, я сильный, мне все можно.

— *А можно поподробнее про неэгоистическую общительность?*

— Человек всегда, когда приходит в братство, должен испытывать любовь к своим ближним — братьям или сестрам. Человек есть человек, он изменчив, у него бывают отступления, он начинает падать, и ему нужна поддержка. Плюс братства или сестричества в том, что братья или сестры должны подставить свой локоть, поддержать, и человек в таких условиях остается в строю. Любовь и взаимопонимание в братстве нужно поддерживать. Каким образом? По-разному, даже какие-то праздные разговоры в какой-то степени укрепляют отношения между людьми. Необязательно о чем-то духовном говорить. О разговорах между послушниками и молодыми монахами о Кирилл говорил: «На темы богословские вообще разговора не заводить,

это вызывает споры, и, наоборот, появится озлобление. Только нейтральные темы». Но общение должно быть. Оно должно быть с простотой и доброжелательностью, а если тобой руководит эгоизм, то навредишь себе и другим. Допустим, ты озлобился и начинаешь настраивать одного человека против другого, начинаешь заводить и себя, и других или из праздности все говоришь и говоришь. Человек наполнился, все, больше не надо, он от этого опустошается, а ты все продолжаешь и продолжаешь — и тебе от этого будет плохо, и ему.

— *И этого можно избегать? Можно уходить от такого общения?*

— Это можно терпеть. Убегать, чтобы не нарушить и свой внутренний мир, и чужой, — это уже дело совершенных. Один раз это можно потерпеть, два раза можно потерпеть, потом уже появляется защитная реакция.

— *В каком виде?*

— По-разному. Батюшка учил нас быть маленькими юродивыми, а бегать — это, может быть, уже показывать свой характер, даже свой эгоизм, мол, не грузи меня, я все знаю. В любой ситуации нужно сохранять любовь и свою собственную, и ближнего, чтоб его не обидеть. Пожалуйста, можешь убежать, только другого не обидь. А то можно сказать: «Ты такой-сякой, ты мне надоел», убежать. И что тогда? От одного убежал — к другому прибежал. Один дьявол ушел, другой пришел... Кто еще хочет что-то спросить?

— *Смирения не хватает.*

— Откуда ты знаешь? Как ты это высчитываешь? По какой шкале?

— *Раз не терплю, значит смирения нет.*

— А как не терпишь? Ругаешься или что-то еще?

— *Батюшка, внутренне, внутренне.*

— Смирение проверяется скорбями. Как только тронули, так и открывается, что ничего нет. Если душа здрава, то и смирение есть. Смирение и не может пребывать в своей полноте, если душа нездорова. Мы всегда говорили: есть смирение и смиренчество.

Смирение — это нормальное состояние души. У отцов говорится, что смирение — это дар Божий, это сама любовь Божия, предстояние Его внутри человека. А смиренчество — это такое нездоровое состояние, оно связано в основном с нашим терпением, когда мы терпим сверх своих сил, не по своей мере. Терпение должно приводить к любви, если же терпение приводит человека к озлоблению, то это уже повреждение, то есть воли Божией на то, чтобы терпеть, уже нет. И что бы тебе ни говорили, нужно уходить. Иначе, если повредишься своим терпением, восстановишься или нет, неизвестно. Смирение имеет свою шкалу, свои высоты. Когда Господь показывает человеку его духовную высоту, приходят какие-то скорби, какие-то события, в которых человек должен себя проявить, в которых начинает проявляться его свободная воля. И тогда уже видно, насколько душа принимает это и насколько отвергает. Смирение связано с исполнением воли Божьей — человек все, что с ним случается, принимает как от руки Божьей. Смирение всегда связано с ощущением присутствия Бога, с ощущением Промысла Божьего над собой (Господь тебя ведет) и с трезвением — виденьем Бога. Ты идешь за Ним, как за столпом огненным. Вот это виденье должно усиливаться. Если у тебя этого нет, то смирение твое ложное. Изменение условий и обстоятельств жизни должно давать толчок для оживления духовного сердца. Это может не дать пользы для молитвы, для аскезы, но сложные обстоятельства всегда дают возогревание духовных чувств и ощущение, что ты с Богом и Бог тебя ведет. Когда после 1917 года отцов забирали в лагеря и тюрьмы, многие принимали это как Промысел Божий. Эти жизненные обстоятельства они принимали как посланные Богом, и у них происходило обострение духовных чувств, возгорание Божественной любви — внутри шла работа. Когда они жили в обычных условиях, внутри все было вяло, а от скорбей произошел толчок.

Вот и этот вопрос о смирении. В Древнем патерике случай описывался: один духовник у Бога просил: «Господи, покажи, насколько мои ученики преуспели, насколько они послушны или непослушны». В ответ Господь показал ему через обстоятель-

ства их внутреннее состояние. Так и у нас. Наша жизнь идет, в общем-то, к концу. В сорок лет подводится итог прожитой жизни: человек оборачивается назад и смотрит, что он приобрел, а что упустил, и жизненные обстоятельства, какие-то перемены, искушения показывают, что у тебя за душой. Сам ты не увидишь, не определишь. Только события раскрывают твой внутренний мир. И тем, что ты смог приобрести, ты должен уже жить, и от этого иметь какие-то духовные плоды. Если не приобрел до этого возраста, то это проблема, но, если внутри устройство хорошее, Господь твое смирение приумножит. Через жизненную мясорубку открывается и духовное, и плотское, и земное, и небесное.

— *Батюшка, а как быть, если перетерпишь? Нельзя, лучше высказать?*

— Когда чувствуешь, что озлобление появляется в душе, это знак, что терпеть нельзя, надо обязательно высказаться — рассказать духовнику, матушке или сестрам.

— *Я в прошлый раз вспыхнула на мать Арсению и успокоилась, хотя у меня на нее никакого зла не было.*

— А что ты терпела?

— *Терпела болезни свои.*

— А мать Арсения тут при чем?

— *Она была как бы точкой, в которой случился взрыв. Сейчас я поняла, что затянула с терпением. Сестры, вы меня простите?*

— Тебя давно все простили, не переживай.

— *Батюшка, вы говорите, что бывает мертвое сердце. А бывает состояние живого сердца, похожее на мертвое? И как узнать вообще, живое сердце или нет?*

— Да, живое сердце может быть подобно мертвому. Например, видишь какую-то рекламу, и приходят страстные чувства, сердце реагирует — оно живое для этого мира, но мертвое для Бога. Но все же Бог из этого состояния выводит и воскрешает душу, обращает к Себе. Бывает и совсем мертвое сердце, когда чувств вообще никаких нет, полное безразличие. Вот это безразличие живого сердца нужно отличать от безразличия мертвого

сердца — «окамененного нечувствия», как в молитвослове сказано. Ты молишься, постишься, что-то делаешь, а внутри — пустота, то есть сердце не реагирует на слова молитвы, на слова Священного Писания. Слышим: «Вдова Наинская плакала о своем умершем сыне» — сердце плачет, «Христос Воскресе!» — сердце радуется... А если оно молчит, то здесь нужен анализ ума — насколько этот ум чист, насколько он любвеобилен, потому что любовью обладает не только сердце, но и помысел человека. В уме человека живет образ любви — образ Христа, Матери Божией, святых, хотя этот образ исходит из сердца. Если он возобладает над всем, то у человека есть любовь и живое сердце. Я рассказывал вам, что на исповеди ваши слова, мысли, которые вы мне открываете, те события, искушения, которые с вами происходят, реакция вашей души или ума на эти события говорят мне о жизни души или о ее поврежденности.

— *Самому нельзя узнать, определить?*

— Почему нельзя? Можно. Господь дает тебе соприкосновение с другими людьми, и видна реакция твоей души на душу другого человека. Бывают искушения, человек озлобляется на тебя или что-то еще — как реагирует твоя душа? Озлоблением, ропотом, безразличием? Или любовью, покрытием немощей других? По этим признакам и увидишь, что у тебя в душе происходит. Что для человека главное? Знать, каким надо быть, правильно это или неправильно, какое состояние ты должен переживать. А сердце при этом работает и работает, оно может и молчать. Отцы об этом говорят: необязательно чувствовать переживания, нет, именно помысел становится индикатором твоего состояния. Хотя мы говорим, что сердцу принадлежат чувствования, но в этой ситуации мы говорим о состоянии ума как о реакции сердца на происходящее, но сердце при этом молчит, чувств никаких нет, за сердце говорит ум.

Человек есть человек, в нем есть все: и доброе, и злое. Мы говорили, что каждый из нас рождается со своим характером. Не может быть людей с одинаковым характером. У каждого свои характерные признаки, характерные черты; кто-то мягче, кто-

то тверже. В Евангельской притче Господь сказал: «Позовите добрых и злых». Я думаю, здесь идет речь не только о тех, кто грешил и стал злобным, здесь идет речь о характере. Не все люди рождаются добрыми и хорошими, бывают в хорошем смысле и злые, но и их Господь призывает, и их не отторгает. Нет души, которую бы Бог не мог спасти. Если Он дает человеку жизнь, Он вдыхает в него и душу, и для каждого человека, с любым характером, открыты врата в Царствие Небесное.

Когда-то на Афонском подворье продавали календарь святителя Николая Сербского с отрывками из его проповедей, в одной из них он задает вопрос: «А сколько плодов съела Ева?» И отвечает: «Два — добра и зла, потому что сказано — было древо добра и зла, плоды были отдельные, то есть она съела два плода. Первым она съела плод зла — от этого плода и родился Каин, а от второго плода родился Авель, поэтому произошла такая история нехорошая — Каин убил Авеля. Кто виноват? Плод, который она съела». Вот здесь я не согласен. Он к лику святых причислен, его называли Сербским Златоустом, но как это понимать в духовном плане? Тут понимается в прямом смысле: съела плод — зачала. От кого зачала? От Адама или от плода? Не поймешь. Что, пища виновата? Вот такое толкование Священного Писания. Думаю, его не стоит принимать, это непонятно. Там речь совсем о другом. Если принять это толкование, то получается, как у кальвинистов, что это рок: делай, что хочешь, но будет так, как предначертано тебе судьбой. И как бы Каин от этого ни уходил, что бы он ни предпринимал, он просто злым родился и Авеля все равно убьет. Это неверно.

— *Значит нежелательно вообще его читать?*

— Я не говорю, что нежелательно. Я говорю вам для того, чтобы вы рассуждали и даже то, что у святых написано, с рассуждением принимали. Да, Церковью это благословлено, но то, что там написано, неприемлемо, непонятно, неправильно.

— *Может, есть еще святые, которых слушать нельзя?*

— Нет, я говорю о том, что там правда с ложью перемешана. Это перевод с сербского. Может, он не так сказал, дело в перево-

де, не знаю. Просто хочу предупредить — все за чистую монету не принимайте. У вас должно быть рассуждение. У святых отцов тоже написано, что послушание должно быть с рассуждением.

— *Батюшка, нет у меня хорошей духовной жизни. Сорок лет прожила напрасно.*

— А кто тебе сказал, что напрасно? Когда человек умрет, его жизнь будет прокручена, как кинофильм, — все, что там есть, твое. Никуда не спрячешься и не оправдаешься, все будут смотреть, все будет видно. Только кадры с грехами, в которых ты каялась, Господь сотрет, поэтому и фильм будет о том, как ты стирала, варила и про прочие твои труды. У отцов написано: если не покайся в каких-то грехах, они останутся. У моего друга случай был — он умирал, и вся его жизнь за секунды прокрутилась, вся. Человеческая душа, как кинокамера, все запечатлевает: не только внешние события, которые тебя окружают и в которых ты участвуешь, но и твои внутренние переживания, то, как ты реагировал. Святые отцы говорят, например: когда человек грешит, всегда учитывается, с желанием он этот грех совершал или без желания и у него было сопротивление. Это учитывается. И вот эта камера души запечатлевает то состояние духа, в котором был совершен грех.

— *Очень много мелких грехов.*

— Мелкие грехи сотрутса сами. Когда стирается греховное состояние души, какая-то страсть, то и мелкие грехи стираются вместе с этой страстью. Они не имеют силы. Может быть и такое, что внешняя камера вообще не запечатлела никаких грехов, но внутренняя камера запечатлела страсть, и необязательно она претворилась в дело. Где-то в житиях рассказывается, что умерла девочка лет пятнадцати-шестнадцати, кто-то из отцов молился о ней и увидел, что она в аду стоит. Что такое? Оказывается, у нее была блудная страсть, грешить не грешила, но страсть имела огромную и пошла в ад. Эта камера запечатлела внутреннюю жизнь человека, то, чем он жил. Часто бывают люди, которые грешат напропалую, а оказываются чище, любвеобильнее, чем люди, которые грешат не так, но потаенно, там где-нибудь у себя

втихую. Те люди понаделали грехов, но они этим не живут, а эти тайно делают, их не видно, но они живут этим. А ты говоришь — впустую прожила. Если за эти годы ничего глупого, плохого не приобрела, и то хорошо. Если сердце нормальное, хорошее, доброе, то Господь даст тебе любовь. А от тебя нужно, чтобы было желание любить, и чтобы ты могла ее удержать.

— *Любовь есть, но не ко всем. Одних люблю, других не люблю.*

— Ты не о той любви сейчас говоришь. Ты говоришь о любви человеческой, она у всех есть, а любовь Божия — ко всем, это дар Божий и дается Богом за труды.

— *Батюшка, а как от эгоизма избавиться?*

— От себялюбия? От страстных помыслов, которые приходят к человеку, человек никогда не избавится, если не будет иметь мужества и храбрости их отсечь. Это навык. Нужно тренировать волю. Воля тренируется аскезой и покаянием. Ты хочешь, но осознаешь себя грешником и от себя отсекаешь грех.

— *Бывает, что-то доброе для сестер делаешь, а получаешь, наоборот, во вред.*

— Есть поговорка: «Благими намерениями вымощена дорога в ад». Хочешь как лучше, а делаешь человеку хуже, поэтому, если хочешь что-то сделать, спроси: «Господи, а что Ты хочешь?» Если Бог хочет того же, что и ты, то это пойдет на пользу и тебе, и тому человеку, а если Бог этого не хочет, а ты сделаешь, то твое добро обратится во зло и для того человека, и для тебя. Всегда и во всем ищите волю Божию.

— *Как понять, в чем воля Божия? Рассуждать надо?*

— Воля Божия практикой, опытом определяется. Почему мы, когда в Лавре были, каждый день ходили к духовнику? Помню, послушник Андрей рассказывал, как он в Кутлумуше пришел к геронде и сказал: «Геронда, написано, что духовник должен научить своих чад молитве. Скажите, так ли это?» Он ответил: «Нет, не так. Чада должны впитывать в себя дух духовника». Это как передача молитвы. Духовник находится на какой-то волне, частоте, и чада должны подняться до нее, потому что их духовник разговаривает с Богом на этой частоте. Каждый духовник имеет

свою частоту общения с Богом. Приходишь к матушке, у нее одна частота, она на ней говорит. Приходишь ко мне, я — на другой, но все мы ведем к Богу. И когда человек научается этому, впитывает эту молитву, этот дух, он приобретает навык, этот дух уходит в душу, или в подсознание, как говорят, то есть человек не знает об этом, но со временем начинает ощущать, видеть волю Божию. Главная задача духовника не исповедь, вы можете исповедоваться кому хотите; главное для духовника — открыть волю Божию, и его дух, его молитву вы должны перенимать. Мы говорили, почему очень опасно, когда семинаристы, священники начинают увлекаться компьютером, телевизором. Бог не сможет войти в душу этого человека, и этот священник не сможет открыть волю Божию. Да, он будет отпускать грехи, через него будет действовать благодать Божия. Он будет служить литургию, совершать таинства, но волю Божию он не откроет.

— *Можно на этом моменте остановиться? Насколько эта техника отдаляет человека от Бога? Виртуальный мир захватывает.*

— Мы с вами говорим о внутренних законах души и открываем в первую очередь эти законы. Первый закон души — душа должна быть свободной. Только в этой свободе человек может соединиться во всей полноте с Богом. Православие всегда боролось с мечтательностью. И у прп. Исихия сказано, что дьявол приходит тогда, когда приходит мечтательность. Все игры, фильмы, которые развивают в человеке мечтательность, от дьявола. Эта мечтательность имеет привлекательную форму, она затягивает, затаскивает ум человека, его сердце в себя, и с этим нужно бороться. Да, человек по природе своей не может быть один, а чтобы соединиться с Богом, нужен какой-то подвиг, нужно что-то претерпеть. А когда сил терпеть нет и не хочется, то человек уходит в самое простое — в телевизор, в компьютер. Помимо мечтательности есть и праздное общение, когда человек отходит от Бога и начинает прилепляться к человеку. Оно пагубное, запрещенное и вредит человеку. Человек, в общем-то, живет в пустоте: он и с Богом не соединяется, и к человеку по сути не мо-

жет прилепиться, потому что по своей природе человек может жить или с Богом, или в семье. В православии есть два пути: семейный и монашеский, а когда человек и к Богу не прилепляется, и с семьей не живет, имеет нездоровую, непонятную загруженность общением, то это уродец получается, у которого повреждается внутренняя природа. Если же обрубить это искусственное общение, человек оказывается пустым, начинает сходить с ума, становится истеричным. Это самое страшное состояние. Когда прекращается приток информации, человек уже не живой; он не может этим жить, потому что этого нет, это иллюзия, и начинаются страдания. Бог — это реальность, это сущность. Когда человек живет в семье, это тоже реальность, он за кого-то переживает, это естественно, это в его природе, а здесь виртуальное общение, виртуальная любовь — обман чувств.

— *Батюшка, как мне спастись?*

— Люби других, спасайся через это. Не будешь спасаться, тебе помогут — спасут, в этом большой плюс монастырей. А на кухне благодатное послушание, поэтому не переживай, оно внесет тебя в рай без особых твоих подвигов. Кстати, как тебе там, какие-то проблемы есть?

— *Когда какой-то коллектив, то все хорошо, если ты сам в коллективе, сделал дело, ушел, и нет переживаний. А тут помимо этой работы есть коллектив, который живет вокруг тебя, и надо, чтоб он жил тихо, мирно, они все люди и все разные. Вот вы справляетесь с кучей народу, а я еще не умею. Пока не пыталась справляться, пока смотрю, а подход не знаю, как найти.*

— Пусть они тоже учатся к тебе подход находить, ты же старшая по кухне. Только при взаимопонимании можно вместе послушание нести и молиться. Должность начальника требует мудрости: кого-то надо приструнить или, наоборот, поощрить. При этом дух монашеский, молитвенный должен сохраняться, чтобы на послушание выходили не как на работу. Иначе зачем тогда в монастырь приходить? Нужно, чтобы человек от послушания преуспевал, поэтому от начальствующих должен исходить дух любви, милосердия. Я вам всегда говорил, что первый признак спа-

сения — человек становится добрее, а признак гибели — человек начинает кромсать всех. Если будет от тебя такой дух исходить, то и те сестры будут спасаться. Как они это воспримут — это их проблемы, но Господь с тебя взыщет только это, ты должна этот дух сохранить. И Господь тебе много даст и спасет через других.

А вот и наш садовод-любитель... Нормально справляешься? Розы пропали? Хотели как лучше, а они пропали. Так и в жизни бывает. Что-то делаешь-делаешь, а потом оказывается — надо назад идти. Это как на Афоне: пошел и с тропы сбился, а все идешь, идешь. Если напористый, думаешь — я сейчас выйду, вот-вот, и километр за километром в тупик заходишь, в колючки, уже не пролезть. Рукой махнешь и назад возвращаешься — опять на поворот выходишь, где потерялся. Обидно, время потерял, силы потерял, весь изорвался. И в жизни так же. Вроде подвизаешься, молишься, поклоны кладешь, потом заглянешь внутрь, а там сердце-то гнилое, и все, надо выбираться. От всего, что раньше делал, от всех этих поклонов начинаешь отказываться. Опять пришел в такое мирское состояние, страстное, и пошел обратно, только уже по другой колее, в нормальном направлении. Человек из прелести всегда выходит сначала в страстное состояние, потому что сердце возвращается к своему естеству, а потом начинает снова одухотворяться, когда впитывает в себя благодать Божию, и любовь тогда другая уже.

— *Бывает, после благодати в страсти впадаешь и уныние начинается. И понимаешь, что благодать получишь, а потом будут искушения сильные.*

— У отцов об этом написано: перед благодатью обычно всегда искушения идут или наоборот. Господь мудро все творит, и если человеку предстоят какие-то скорби, Он посылает ему утешение. Утешение не только в том, что это его чувства утешает и душу, но и в укреплении — когда начинаются скорби, память возвращается к этому утешению и знает, что Бог с тобой, Он тебя не оставит. Для новоначальных, для нас такой ритм жизни нормален. Отцы, которые вошли в такую жизнь, умеют сохранять благодать, и эти скорби не выводят их из состояния равно-

весья. Любовь дает силы терпеть. Когда мученики претерпевали муки, они их словно не ощущали благодаря той любви, что у них была. Муки были, но любовь, чувство Божественной благодати превышало естественную боль, поэтому и сказано, что они ее не чувствовали. Нет, чувствовали, но любовь была сильнее. А когда читаешь в Евангелии о страданиях Господа, понимаешь, что Он испытал самое большое искушение — оставленность Богом Отцом. Когда Господь наш Иисус Христос страдал, когда Его пригвождали, всю боль, все страдания, которые Ему причиняли, Он ощущал, то есть Бог Отец не покрывал Его Своей любовью. И Спаситель ощутил все до конца: и глубину этой пустоты внутренней, и глубину боли ран от гвоздей. Так и для человека самое большое искушение — Богооставленность. Тогда все скорби, и внутренние, и внешние, во всей полноте наваливаются на человека. Но Христос это искушение прошел, а значит и в этом может нам помочь.

— *Батюшка, бывают такие обстоятельства, когда человек совершенно не виноват в том, что он совершает. Ему дали такое воспитание, его поставили в такие условия изначально, с самого детства. Я прочитала книгу «Жены-мироносицы». Меня в ней поразили слова о дочери Иродиады. Ну чем эта девочка была виновата? Ее мать научила так поступать.*

— Ее нельзя читать.

— *Ее мать так научила. Книгу я уже прочитала.*

— Понимаете, автор дает свою трактовку Священного Писания, и его толкование противоречит духу Евангелия. Он хочет оправдать грех и эту несчастную Саломею, хочет представить ее как жертву воспитания. Нет, Евангелие говорит, что Саломея совершила осознанный грех, попросив убить Иоанна Крестителя. Хотя понятно, что ей это было совершенно не нужно, она находилась под большим влиянием матери.

— *Ведь в жизни бывает, что человек попадает в такие условия?*

— Помнишь, в отечнике описывается случай, как за двумя девочками-сиротами пришли две женщины: одну монашечка взя-

ла, другую — блудница. Смотрите, какой Промысел Божий: одна, понятно, будет христианкой, а другая — блудницей. С самого начала есть Промысел Божий о человеке, это судьбы Божьи.

— *Вот это и непонятно.*

— Мне тоже непонятно. А что делать? Так рассказывается там. Одна становится такой, вторая — другой.

— *Батюшка, а вот в жизни бывает наоборот.*

— Сейчас да, раньше — реже.

— *Я жизнь смотрю, сколько было реальных судеб.*

— Ты правильно говоришь.

— *Когда я в детском доме принимала детишек, с каким трепетом они о своих мамочках, которые их бросили, рассказывали. Они придумывали всякие истории, только чтобы мамочку или папочку защитить и оправдать, они у них были самыми любимыми, самыми дорогими. Смотришь на них — такие чистые, замечательные растут, а в благополучных семьях порой этого и не найдешь.*

— Да, бывает. Когда человек через скорби проходит, его душа озлобляется или, наоборот, становится добрее, лучше. А в этом случае, правильно вы говорите, человек с самого детства проходит какие-то скорби. Если его душа склоняется к доброму, если он жалостливый, любвеобильный, то он вырастает хорошим, но если душа склонна к озлоблению, если человек эгоистичен, то он повреждается. То же и в благочестивой семье — от самого ребенка все зависит. Если он за родителями тянется, то да, а если только под себя гребет, эгоистичен или под влияние улицы попадает, то вырастает нехорошим. Это уже от природы человека зависит, это Промысел, но все равно у каждого человека сохраняется свободная воля. Он может свою жизнь переменить, может направить ее к Богу.

Пюхтица

10.05.2010

Беседа четвертая

Каждый раз я хочу поделиться с вами своими впечатлениями и переживаниями, поговорить о насущных проблемах, тревожащих мое сердце, и одновременно коснуться ваших переживаний. Приход в монастырь — это полная отдача себя любви к Богу, и сегодня я хочу рассказать об Афоне, о моем вступлении на Святую Гору, о встречах и внутренних переживаниях, которые там были, о видении существующих там проблем, о монахах, их Богомыслии и спасении.

Начну с самого начала. Когда сейчас приезжаешь в Грецию — раньше этого не было — сталкиваешься с миром, с таксистами, и уже появляется лукавство. Людей ставят в рамки, им нужно выживать, зарабатывать на хлеб, и они начинают делать это с помощью какого-то обмана. Во время кризиса этот момент бросается в глаза. Это одно. Раньше греки были честнее, и к священнику было более благочестивое отношение, сейчас — только бы как-то заработать. Это понятно, и сердцем оправдываешь, тем не менее приходится сталкиваться с этими проблемами.

Наконец и сам Афон. Мы приехали с послушником Александром на Афон и сошли с парома на Зографскую пристань — территорию болгарского монастыря. Года три, наверное, там не бывал, но жизнь шла все в том же ритме, те же проблемы. Извне она кажется ненасыщенной, смотришь — все как-то бесчувственно, вся жизнь уходит вовнутрь. С одной стороны, жизнь однообразна и скучна, а с другой — насыщена Божественными переживаниями. Если же человек не сможет уйти в эту внутреннюю жизнь, то он или уйдет, или его жизнь станет подобна каторге. Позже ходили в келью, где было явление иконы Божией Матери «Акафистная», к отцу Афанасию. Он занимается переводами. Побывали у него, поговорили и договорились, что встретимся в Карее и к старцу Евфимию ходим, а он будет нам переводчиком. В какой-то степени я знаю язык, но недостаточно, чтобы изложить все мысли, которые меня гложут, и, кроме того, понять старца. Старец принимает в четверг, субботу и воскресенье — три дня в

неделю. Переночевали в монастыре Зограф и на следующий день пошли в Ватопед. Это на другой стороне полуострова.

Зашли в Хиландарь — сербский монастырь. После смерти игумена Моисея игуменом там избрали отца Мефодия. Хиландарь отличается от других монастырей. У сербов свой темперамент, да и устав такой: игуменьей там считается Мать Божия, поэтому на игуменском месте стоит икона Божией Матери «Троеручица», а рядышком справа стоит сам игумен. Хотя игумен есть и они вроде в подчинении и благословляются, слушаются его, но в то же время в какие-то моменты подходят к иконе Божией Матери со словами: «Мать Божия, благослови. Пойду в келью, отдохну». Кладут поклон Матери Божией, целуют икону, подходят к игумену и говорят: «Меня Мать Божия благословила, я пошел», и игумен благословляет. Это у них уже в крови, как что-то естественное. Для нас это своеволие, а для них — естественно. Здесь свои проблемы: общежительный монастырь не работает на все 100%, элементы идиоритма присутствуют. Идиоритм — это каждый сам по себе. Нет единогласия в братстве, и к новому игумену кто-то относится доброжелательно, с послушанием, а кто-то остается на дистанции. Вот эта дисгармония отношений там существует и бросается в глаза. В этом монастыре мы не стали останавливаться — там стройка после пожара 2004 года, большие ремонтные работы идут — и продолжили путь в Ватопед.

На Афоне все расстояния измеряются не километрами, а временем: тропа или дорога может идти серпантинном, петлять через горы. От Хиландаря до Ватопеда часа четыре идти по тропе. Проходишь мимо Эсфигмена, он слева остается. Совсем рядом, около врат монастырских, проходишь и идешь дальше, поднимаешься в гору, и потом тропа спускается к Ватопеду. В Москве говорили, что Эсфигмен разогнали — полиция выселила всех. Потом сказали, что нет. Вглядываюсь издали: изгнали их или нет? Вижу флаги: греческий — белый с синим, византийский — желтый с черным орлом и черный флаг со словами «Православие или смерть!» Раз черный флаг висит, значит все осталось по-прежнему. Проходим мимо и идем по тропе на Ватопед. Это

время, когда уже змеи выползли. На дорогах еще ничего, а на тропе похуже. Змея может выползти и на камне или посередине тропы лечь, может уползти, а может и не уползти, и ее уже не обойдешь. Веткой или чем-то еще бросишь в нее — может уйти, а может в стойку встать, и тогда ты уже бежишь. Опасность и в том, что наступить можно, они ведь под цвет травы. На Афоне много ящериц, кузнечиков, и, когда идешь по тропе, слышно, как трава шуршит. У ящериц быстрые движения, а змея тихонько ползет. Помню, как-то проходили по тропе из Дионисиата в Григориат. Там горная тропа, и склон близко к колену и даже в некоторых местах к плечу. На этом склоне они греются, и когда слышишь шуршание, страшновато становится. Если по долине идешь, они уползают, а на горных тропах змея немного отступает и притаивается, и что дальше будет — непонятно. На этой тропе как минимум дважды видели змей. И видели — змея лежала без головы; то ли прохожие, то ли какие-то животные это сделали, по-другому их невозможно убить.

Пришли в Ватопед и там остановились. Ватопед считается одним из лучших по образу монашеского жития монастырей, и с него, в общем-то, в наше время началось возрождение на Афоне. С 1989 года, как только отец Ефрем пришел в этот монастырь, утвердился общежительный устав. После этого все остальные монастыри Афона тоже его приняли и перешли с идиоритма на общежитие. Там внешняя жизнь отражает внутреннюю. Все четко построено, продумано до мелочей. Например, прием паломников: сначала привратник встречает и собирает диамонитирионы — разрешения на посещение Святой Горы; потом информация идет к архондаричному — монаху, которому поручено встречать и размещать паломников, тот заранее просчитывает куда кого поселить и сколько у него мест, принимает; после этого гостей провожают в само здание архондарика и там размещают. Размещают по-человечески. Если мы пришли вдвоем, сразу спрашивают: «Вы вместе?» Отвечаем: «Да, вместе». Тогда стараются поселить вместе. В архондарике на подоконниках лежат деревянные таблички «Не ставить на подоконник никаких вещей», «Не ку-

рить». Когда стали восстанавливать монастырь, первым делом взялись за архондарик. Причем восстановили его в лучшем виде, используя все возможности: есть лифт, хотя всего три этажа, туалетные комнаты, душевые, каминны с узорами. Узоры простые, но очень сочетаются с остальным интерьером. Все это создавалось по благословению игумена. Он решал, что нужно сделать, как сделать, а потом художник приступал к работе, закупали мебель. Там все продумано и удобно. Помню, когда я первый раз приезжал в 1997 году, архондарик уже был восстановлен, а корпуса братские были еще полуразрушенными. По кельям ходишь — все скрипит, вот-вот рухнет, на балкон страшно было выходить, а сейчас восстановление монастыря уже практически заканчивается. Лишь небольшой проем в стене нужно доделать, в остальном монастырь почти полностью отреставрирован. Его нужно было полностью восстанавливать, все было разрушено.

Потом пошли на службу, прикладывались к мощам. Служба в греческих монастырях начинается в основном в четыре часа утра. Раньше было больше ночных — они начинались в два, в три часа. В три часа сейчас служба только в Кутлумуше. В остальных монастырях, где мы побывали, служба начиналась в четыреи заканчивалась к девяти. В Ватопеде так заведено: полунощница проходит в одном храме, а литургию служат уже во многих — наверное, в шести или семи храмах идет Богослужение, в маленьких храмиках и в больших. Во многих других монастырях только в одной церкви служат.

В Ватопеде сразу после Богослужения начинается трапеза, поэтому те братья, у которых послушание в трапезной, уходят раньше накрывать на стол. В таком крупном монастыре братии человек сто двадцать и паломников пятьдесят-шестьдесят, и на сто восемьдесят человек нужно накрыть. Накрывают тоже по-разному. В Ватопеде, хотя все в одной трапезной находятся, для братии приготовлена одна пища, получше, для паломников — более простая. В других монастырях, например в Хиландаре или Зографе, общая пища для всех — и для монахов, и для мирян. Я думаю, что Ватопедский игумен так братию подкармливает, в этом ничего

плохого нет. Миряне могут дома поесть лучшую пищу, а братия не имеет такой возможности, питается только в трапезной. Керозма — это десерт, который там подают. В каких-то монастырях она подается отдельно. Обычно керозма подается для того, чтобы братия успела накрыть столы, то есть она устраивается сразу после службы. Это маленькие пирожные, печенье, чашечка кофе, рюмка раки и стакан воды. Длится керозма в течение получаса, потом начинается трапеза. В некоторых монастырях керозму присоединяют к трапезе. Вот такое устройство в монастыре.

В Ватопеде мы переночевали, диамонитирионы забрали и отправились в Кутлумуш. Пришли в Карею, где должны были встретиться с отцом Афанасием, но его еще не было. Он должен был на пароме плыть, потом ехать на автобусе. Мы подождали, автобусы пришли, но отца Афанасия не было. Что делать? Пошли сами, там большая забетонированная дорога ведет на Иверон. Отец Афанасий догнал нас на машине, его монах-грек подвозил. Нас подобрали, и мы поехали вместе. Они едут в кабине, а мы в кузовок сели. Повороты крутые, держаться не за что. Едем, молимся и крестимся, чтоб не выпасть, а греки гонят во весь опор, им только в радость. Приехали к старцу. Проходим мимо бывшей келии знаменитого старца Арсения, подвижника XIX века, это недалеко от монастыря Ставроникита. А отец Евфимий — где-то в пятнадцати минутах ходьбы от этой келии. Он ученик старца Паисия и старца Исаака. Отец Исаак был родом из Ливии, араб, хорошей, доброй жизни. Это тот самый иеромонах Исаак, который писал житие старца Паисия, а отец Евфимий его дописывал, когда старец Исаак умер. Отец Исаак приезжал в Ливию, проповедовал там Христа и своими проповедями, своей жизнью многих привел к духовной жизни. Там началось духовное пробуждение. В келье у отца Евфимия фотография старца Исаака. Афон есть Афон, там нет хороших бытовых условий — видно, что ему было лет 40-45, борода нечесанная, немытая, а глаза пронизательные и лицо умиротворенное. Первый признак старчества, духовной жизни — это умиротворенные черты лица, то есть человек спокоен, есть доброта, любовь внутренняя. Это отличительная черта, которая

бросается в глаза, ее видно. И те послушники, которые подвизаются со старцем, перенимают его дух.

В прошлый раз я рассказывал, как послушник Андрей спрашивал у геронды Христодула: «Геронда, научи молиться. Как молиться-то?» Он отвечал: «Нет, молитве не научишь. Молитва, ее дух перенимаются». Когда человек общается, он впитывает в себя, как губка, дух другого человека. Впитывать в себя Дух Божий — это значит подняться на частоту общения с Богом. Но у каждого человека, духовника своя частота. Это как эфир, там очень много частот. Каждый по-разному, на своей волне, потому что у человека сохраняется свой характер. Господь не упраздняет характер человека, он остается. И каждый, сохраняя свой характер, выходит на общение с Богом. Те, кто начинает общаться со старцем, тоже на эту волну общения с Богом выходят. У греков немного другая волна. Она больше связана с аскезой, подвигами, уходом внутрь себя, работой над собой. Игумен монастыря Симонопетра отец Емилиан говорил о трезвении, вся его духовная жизнь была посвящена этому. На этой волне, на этой работе своего сердца он возрос духовно. Не так, как у нас принято: приходиться на исповедь, открывать помыслы, работать на огородах или еще где-то, нет. Живя в монастыре, исполняя послушание, претерпевая какие-то искушения, приращение страстей, он имел трезвение.

Трезвение — это наблюдение за Богом, постоянное движение ума и сердца к Нему. Если чуть потерял Бога и появилась пустота, сразу начинается работа сердца, ума, всей жизни человека для того, чтобы опять приобрести такое видение. Как Моисей видел столб, который вел его по пустыне, так и здесь. У человека, который обретает видение Бога, трезвение, появляется инстинкт самосохранения. Когда он начинает терять Бога, попадает в какую-то пустоту, в какой-то грех, страсть или дьявольское искушение, его душа сама начинает его вытаскивать из этого состояния, то есть бьет тревогу, это как иммунитет. Если человек, идущий по пути трезвения, теряет Бога, он видит, отчего появляются его искушения и скорби, видит, куда Бог хочет его направить, и начинает понимать волю Божию. Но это происходит, когда уже зарабо-

тается навык трезвения и сама жизнь станет постоянным пребыванием в Боге. Еще раз хочу повторить эту мысль: трезвение невозможно без чистоты мысли, ум не должен быть загружен какими-то головоломками. Да, по-человечески мысли возникают, человек может волноваться, думать, так и должно быть; совсем другое, когда начинается работа мыслей. Мысли не должны рождаться в самой голове, они должны идти изнутри. Тогда это мысли Божии, правильные, которые должны быть. Мысль мысли тоже рознь. Мысли, рождающиеся внутри человека, всегда приносят любовь и покой, подсказывают выход из сложившейся ситуации, приводят к Богу. Это и есть трезвение. Когда я проходил по Афону, тоже старался сохранить пустоту ума, чтобы своего ничего не прибавить: как Господь управит, что на сердце положит от увиденного, услышанного, то пусть и будет. Как оно идет, так пусть и идет — полагаешься на волю Божию. Вот я имею помысел на Горе остаться, свою жизнь посвятить этому. А воля Божия? Как уж Господь управит, все в Его руках.

Пришли к отцу Евфимию. Могила старца Исаака у него прямо во дворе, около стены. Отец Евфимий в саду народ принимал, в архондарике у него люди сидели, человек пятнадцать. Стали ждать, он должен был освободиться часам к пяти вечера, а приехали в час. Вышел отец Паисий, монах, послушник старца, и отвел нас в келию. Там есть маленькая комнатка, где можно полежать, отдохнуть, с книгами и кроватью. Прошло буквально полчаса — видно, старцу сказали о нас — и он сам к нам пришел. Мы поздоровались, и началась беседа. Я говорил, а отец Афанасий переводил. Там решали и свои вопросы — какие книги старца Паисия переводить. В Суроти готовят шестой и седьмой тома о молитве и трезвении. Эти книги должны выйти в конце этого года или, может, в следующем. Кстати, вышли и книги отца Епифания, хорошие книги.

У греков интересны мышление, чувства, ощущение Бога. Они могут эти чувства изложить грамотным и понятным языком. У них осталась философия языка, поэтому многие из них имеют эту возможность, у них дарование от Бога... О книгах погово-

ли, а потом старец спросил: «Отец Рафаил, может, ты хочешь что-то спросить о себе?» Я сказал: «Батюшка, как благословите? Я хотел бы на Афоне остаться. Может быть, келию взять, братию, два-три человека, и жить на Афоне?» Он ответил: «Знаешь, это вряд ли возможно, мало кто пойдет тебе на уступки. Это практически невозможно, но сходи в Кутлумуш. Может, там тебя знают и дадут, а так это тяжело. Сходи, поспрашивай по монастырям, а лучше сделай монастырь в России, сколько-то братии будет, и нормально». Вот так сказал. Я в ответ: «Как благословите, батюшка, как получится. Я своего не хочу, а как будет, так будет». Старец: «Ну давай, сходи». Старцы никогда не навязывают свою волю. Если хочешь, имеешь такой помысел, попробуй, нет так нет. Поговорили еще, он дал кассеты с житием старца Паисия на греческом, благословил нас, и мы ушли.

Дошли до Кутлумуша, переночевали, встретились с братией. Послушник Андрей четвертый год несет там послушание повара, уже научился готовить; отец Серафим — иконописец. Оба — русские. Их состояние — усталость и внутренняя замкнутость. Действительно, менталитет у греков иной, нежели у русских. Они живут в небольшом монастыре и знают только одну жизнь: храм, трапезная, келья. За стены монастыря мало кто выходит, если послушания не несут, то практически не выходят. Вся жизнь у них проходит в этих стенах, в замкнутом пространстве. Духовная жизнь у них протекает, в общем-то, нормально, и они совершенствуются. Русский может такое понести, но для русской души нужна отдушина, свобода какая-то, пространство. Не свобода воли, нет, но все равно какое-то движение должно быть. Андрей более боевой, но чувствует, что жить нечем, становится как рабочий. Не совсем хорошее состояние, хотя, казалось бы, на Афоне, в монастыре, и грехов-то таких и помыслов плохих нет, но душа не развивается, а если не развивается, то начинается упадок.

На следующий день зашли в Иверон, приложились к иконе Иверской Божией Матери и пошли к отцам Николе и Оресту в Никольскую келью. Это около Каракала. Оказывается, я там побывал еще в 1997 году. Мы тогда ошиблись, вместо Каракала сюда

зашли. Она была полуразрушенной, там старец-грек какой-то жил, а сейчас ее отстроили, не узнать. Как сейчас строят новые кельи, монастыри? Отстраивают все по евростандартам, поэтому старый молитвенный дух как-то уходит. Помню, заходил в 1997 году в келью Святой Троицы отца Софрония (Сахарова), она около Агия Павла была. Пройти можно было по тропе, которую мало кто знал. С пирса пробираешься через акации, потом идешь по тропе, с одной стороны — отвесная скала, с другой — обрыв в море, и к келье минут за десять добираться. Заходишь — деревянный пол, нары, на улице водосборник металлический в землю вкопан. Келья прямо под горой, навесик простенький, жестью покрыта крыша, и иконы простые — картиночки такие висели. Попадаешь туда, и молитва сама идет. А потом годы прошли, в 2007 году я зашел опять. Дорогу проложили и все сделали на европейский лад: туалет в скалах, вода подключена, все условия, как в городе. Келью сделали, храм, и все, дух ушел. Внешнее вмешательство влечет за собой повреждение. Конечно, это можно намолить, но того, что было, уже нет. Духа старцев, их молитвы, этой привязки к прошлому, хорошему, духовному, уже нет, оно начинает уходить, ему на смену приходит европейский комфорт. К нему, может, и не привыкаешь, но он все равно остается холодным. Все внешнее должно настраивать на молитву, должна быть симфония души и окружающих предметов. Все должно быть простым, а здесь оно уже не такое, каким должно быть, и мир начинает входить внутрь монашеского бытия. Все строится по проектам мирской жизни, и душа перестает ощущать этот настрой; гораздо легче молиться, когда все к этому располагает. Тогда молитва сама журчит, душа сама, хочет она того или нет, попадает в условия, где настраивается на беседу с Богом, на общение с Ним, а здесь нужны какие-то усилия, занятия, чтобы молитва пошла, это не совсем правильно. Вот такие у меня впечатления.

Пришли к отцу Оресту, келья у него модернизированная, европейская, греки ее отремонтировали полностью, там и мрамора, и плитки много, и туалеты хорошие. Стройка идет, а жизнь духовная не налажена еще. Они вдвоем, постоянной службы нет,

кто как может. Батюшка был там, так они службу служили, только без литургии, обедницу. Но все не так, как хотелось бы, не так, как видится эта духовная жизнь. Она зависит не только от внутреннего устремления человека, но и от той среды, в которую человек попадает, от того, насколько он способен перебороть внешнее и все силы направить на свою душу. Переночевали там, зашли в Каракал — это рядышком, в десяти минутах ходьбы от них — и пошли дальше.

Дошли до источника, где преподобному Афанасию Матерь Божия являлась. Водички попили, посидели, ягод поели и пошли дальше. Нас подобрал монах, румын, и подвез до Лавры. В Лавре Афанасия Афонского мы остановились, нам дали келью. Потом пошли в храм на молитву, приложились к мощам преподобного Афанасия, они под спудом находятся. Вынесли мощи и главы Нила Мироточивого, Иоанна Кукузеля и руку Иоанна Златоустого, мы приложились. На следующий день пошли дальше — на Карули, к отцу Рафаилу из Эстонии. Вышли к кресту, там развилка: одна тропа ведет вверх, на вершину, другая — в Агия Анну, третья — на Карули, четвертая — к келье святителя Василия Великого, пятая — вниз, на Керасью, а шестая — в Лавру. Мы пошли по тропе на Карули. Там есть Ипатьевская келья, она ближе всего к этому кресту, к развилке. Чем она знаменита? Одно время там отец Паисий подвизался, потом долгое время она была заброшена. Уже позже, когда я уезжал в 2004 году, там жили отец Нил, македонец, и отец Исидор из Пярну. Может, знаете? Хороший батюшка. Он перед моим отъездом с Афона сказал мне: «Отец, куда ты едешь? Тут ведь благодать Афона!» А потом год или два спустя о. Нил повредился, и о. Исидор после всех этих искушений ушел на Карули, в пещеру старца Тихона. Там подвизался год или два и вернулся сюда, в Эстонию. Как-то я был в Пюхтице, владыка Корнилий ко мне подошел и сказал, что этот монах просится в Ямы. Я ответил: «Не знаю, владыко, вы сами решайте». Он пожил в Ямах у о. Константина неделю-две и ушел. Сейчас он на Валааме подвизается.

Ипатьевскую келью проходили — там новые насельники живут, покрыли жестью домишки, хозяйство какое-то ведут, оди-

чавшие оливковые деревья обрабатывают. Спустились на Карули, вниз, почти к самому морю, а они живут на Меса Карулях. Меса Карули — это внутренние Карули, спуститься туда можно только по цепям, там в скалы кольца вбиты и цепи натянуты. Отвесная скала и пропасть, обрыв. По цепям спускаешься, дальше пещера, из нее выходишь, опять — по цепям, и потом тропа шириной сантиметров в тридцать, проволока натянута, как поручень. По тропе едва прошел. Потом опять начинаются лестницы, по ним спускаешься и выходишь на площадку с пятью-шестью келиями, там братия живет. О. Рафаил там подвизается. Иверская келия двухэтажная, небольшая, он решил там ремонт сделать. О. Рафаила я встретил на внешних Карулях, он как раз с ребятами из Москвы шел. Сказал: «Пойдем, батюшка, ко мне». Я ответил: «Нет, я уже устал, не пойду». Он в ответ: «Я их сейчас отведу и вернусь». Между внутренними и внешними Карулями — пропасть, они натянули трос и утеплитель, материалы, цемент с его помощью передают. Утеплитель кладут не ради тепла, а чтобы жара не проникала в келью. Большую подушку утеплителя кладут под крышу и в стены, и тогда в комнате свежо. Второй этаж они сняли. Келью будут возводить до второго этажа, чтобы стены были крепкими, а потом крышу положат на новые стропила. О. Рафаил пришел, поговорили, и он вернулся в келию, а мы пошли в Агио Анну. Пришли туда уже поздно, целый день шли и часам к шести дошли, нас покормили. Немцы там тоже были. Путешествовать любят только русские и немцы. И на Гору ходят в основном русские и немцы, а греки редко поднимаются. Немцы с палками путешествуют, как здесь принято, — палки в руки и пошли, в основном пожилого возраста, за пятьдесят.

— *Православные или туристы?*

— Туристы, любознательные такие, хорошие люди. А православные немцы — редкость. Есть католики, есть лютеране. Если они становятся православными, то твердыми и ревностными, это у них в характере. Если что-то приняли, то их уже не сдвинешь. Может, они душой чего-то и не понимают, но умом — очень настойчиво. Это хорошее качество. Они становятся вер-

ными. В Пантелеимоновом монастыре был послушник Павел, немец, хороший такой.

В Агиа Анне побыли и двинулись дальше, думали на Хиландарь, но пошел дождь. Зашли в русский монастырь, отца Варсонофия позвали, с ним поговорили. В Покровском храме, где глава Силуана Афонского хранится, капитальный ремонт начался, реставрация. Фрески на южной стороне монастыря нормально сохранились, а те, что на северной, очень пострадали, храм ведь не отапливался. Они полностью реставрируют эти фрески и полностью ремонтируют полы, потолки, хотя на великомученика Пантелеимона все закончить. Шел дождь. Что делать? Первый монастырь после Пантелеимонова — Ксенофонт. Пришли туда, архондаричного нет. Я вышел, спросил: «Где архондаричный? Мы хотим остановиться». Монах в ответ: «Вы звонили?» Я сказал: «Нет, не звонили. Да мы и не хотели в ваш монастырь, мы дальше идем». Он на меня вопросительно смотрит. Я пояснил: «Дождь идет». Он: «Да-да, понимаю». Дали нам келью, скоро должна была начаться служба. После службы пошли на трапезу. В Ксенофонте тоже у братии пища получше, а прихожанам что-то простое дают.

Переночевали и отправились в Новую Фиваиду к отцу Симону и по дороге зашли к отцу Рафаилу (Берестову). Постучался в келью, она на самом берегу моря. Спросил: «Кто-нибудь там есть?» Отец Кукша ответил: «Нет, нету». Я ему: «Дай хотя бы попить, у нас вода кончилась». Пригласили чаю попить, проходим. С о. Рафаилом обнялись. Он такой интересный, добрый. Очень переживающий, сказал: «Вот меня все гонят, гонят». И рассказал все скорби, что у него в Зографе были, когда болгары его гнали, и о том, какие скорби у него тут, в келье: «Знаешь, отец, у меня в жизни все длится три с половиной года. На Афоне был три с половиной года, на Валааме — три с половиной года, сейчас два года проходят, скоро срок придет, и опять через три с половиной года что-то будет. Я уже боюсь». Поговорили. Он сказал: «Меня с Афона выгнали, я к отцу Николаю на Залит поехал, говорю ему и плачу. А он мне: “Отец Рафаил, тебя не Матерь Божия выгоняла, тебя люди выгоняли”». Поговорили с ним, и он сказал: “Я хочу, чтобы

ты на Афоне остался, чтоб монахам было с кем поговорить, кому поисповедоваться»». Братья, которые у о. Рафаила окормляются — их человек десять-одиннадцать — по всему Афону раскиданы.. Попили чайку, шелковицы поели. Она на ежевику чем-то похожа, только слаще и без косточек, а дерево большое, как орех. Бывает черная, а бывает и белая. У них черная была, уже поспела.

Пришли в Новую Фиваиду, с отцом Агафангелом поговорили, отец Игнатий наш, со скита, тоже там живет. Накормили нас, а на следующий день мы в Хиландарь пошли, часа три хода. Пришли в Хиландарь. Сели ужинать, меня посадили со священниками за стол, тут же сидит игумен отец Мефодий. Рядом сосед — дьякон, молодой парень. Сербь такие здоровые, рослые. Игумен сел, все приступили к ужину. У них осьминогов давали, и несколько порций осталось с утра. А игумен отказывается от этого блюда и отдает осьминога дьякону. Тому переправили, а у нас вермишель только была. Дьякон мне: «Отец, будешь осьминогов?» — «Ну, давай». Поделили пополам, у них по-простому. Казалось бы, такой молоденький, только в монастырь пришел, а совесть у него есть, поступает по-братски — неважно, знает он меня или нет, делится. Когда человек начинает жить в общежительном монастыре, прививается дух братства. В идиоритмическом монастыре все по-другому, каждый сам по себе. Вот такое было у меня наблюдение.

Побыли в Хиландаре, посмотрели. Размышлял: просить или не просить келью? Подумал — нет, не стоит. Пошли дальше. Пришли опять в Ватопед и отправились к отцу Зиновию. Там есть келья преподобного Сергия Радонежского — единственная на Афоне в честь этого русского святого. Она находится недалеко от кельи «Аксион Эстин» (Достойно есть), где было явление Архангела Гавриила. О. Зиновий был одно время хозяином этой кельи, а потом другую себе отстроил, потому что Сергиевская келья находится в очень сыром месте, в ущелье. Греки там не могут жить, русские могли, греки — нет. Им вредно для здоровья, они уходят. И он поднялся наверх, чуть повыше. Это место называется Капсала, там очень много келий. В некоторых келиях мы были, посмотрели, как монахи живут. В общем-то, нормально. У греков есть

своеобразная нищета, и это дает их душевному устройению простоту. Шли по тропинке, там келий много, я заглянул в одну и у грека-монаха спросил: «Как к о. Зиновию пройти?» Он объяснил, я поблагодарил и вышел, а он мне кричит: «Отец! Отец!» Через забор перелез и апельсин достал: «На, держи!» И такой довольный, радостный. У них в крови такое гостеприимство, накормить, напоить — для них удовольствие. И когда человеку что-то приятное сделают, сами от этого радость и любовь испытывают.

Келью мы нашли, но о. Зиновия там не оказалось. Пошли в Андреевский скит. Там нас в гостиницу поселили, мы переночевали, на службе побыли, это в субботу было, и пошли дальше. В Андреевском всех принимают и кормят. Если трапеза закончилась, тебя приведут в трапезную и пищу ты берешь сам, сколько надо. Выставляют кастрюли с оставшейся едой, а позднее трапезарь все убирает в холодильник. Сладкое всегда оставляют, халву, пирожные постные. Все стоит на столе — пожалуйста, бери. Утром, когда служба кончилась, так же все происходило: сам подходишь, берешь, наливаешь.

Утром зашли в Кутлумуш, взяли вещи, документы, которые там оставались, и пошли опять в Новую Фиваиду. Шли с девяти утра до шести вечера по камням. Дорога тяжелая была, стопы болели, жарко. Шел около моря, только рюкзак и обувь снял, в море зашел, погрузился и двинулся дальше. Через час-два уже сухой. Там у них монахам плавать и купаться нельзя. Если и купаются, в Агия Павла бывает, когда жара, то садятся в машину, едут к морю, в подрясниках в море зайдут и поплавают. А купаться, раздеваться запрещено на Афоне.. Пришли в Новую Фиваиду, нас покормили, и утром на катере мы поплыли в Уранополис. В аэропорт приехали за час, взяли билет и улетели. Вот такое было путешествие.

Что я хочу сказать? Очень хотелось бы поднять у нас монашеский уровень жизни и, насколько возможно, возродить ту монастырскую систему, которая была и, в общем-то, сохранилась у греков. Потенциал для духовной, монашеской жизни в России есть, и люди есть, хорошие, неповрежденные, и духовники есть, но самой

системы нет. Какая система? Как я ее вижу? Это духовник и чадо. Греки всегда говорили: «Монастырь не там, где стены, а там, где духовник». Самое простое и лучшее — братство по образцу скитов из пяти-шести человек. Все ключевые послушания работают. Если службы идут, послушания эконома, казначея исполняются, есть духовник — игумен, то этот маленький скит будет функционировать. Лучше, если он будет оторван от мира и будет работать сам по себе, вне мирских условий города или села. Потом, когда все это заработает, люди будут приходить. И если они родственны по духу, они войдут, вольются в это братство, в этот монашеский механизм. Если дух иной, то этот механизм, это колесо монастыря выбросит их наружу, они сами уйдут. Система в целом простая, и думаю, она приемлема. Но как это осуществить?

Грекам гораздо проще. Почему храмы, приходы уходят из других поместных Церквей под Константинополь? Константинополь — самая простая система. Патриарх Константинопольский не вмешивается во внутреннюю жизнь прихода. Они ушли, создали что-то, он туда не вмешивается. Они ему подчиняются, и этого ему достаточно. Патриарха это устраивает и братию, и всем хорошо. Отец Ефрем — настоятель трех монастырей иосифлянских: Каракала, Филофея и Костамонита, ученик преподобного Иосифа Исихаста. Он, когда уехал в Америку, чтобы организовать там духовную жизнь, под Константинополем был и создал около пятнадцати монастырей, люди пошли за ним. Да, монастыри работают. Они построены по образцу афонских, и братство там есть, это возможно. Никто из епископата не вмешивается в их дела. Их устав гласит, что игумена избирает само братство. Епископ может только рукополагать для этого монастыря священников. В России такого не было. Всегда епископ решал внутренние вопросы монастырей, мог менять и игумена, монастыри очень часто страдали от этого. Много зависело от епископа, какой будет он.

Монашеское устройство по образцу других монастырей, как я его вижу, — это одно. Если вспомним Афон, монастырь Симонопетра, там человек пять оставалось, когда в Метеорах открыли

вход женщинам в монастыри и братство отца Емилиана, человек десять-двадцать, пришло туда, там осталось и умножилось. Сам о. Емилиан говорил: «За двадцать лет, что мы живем на Афоне, только один человек ушел от нас». Уход монахов, братии из монастыря — плохой признак, это говорит о том, что в монастыре что-то не так, что в нем есть что-то нездоровое. Когда же из монастыря никто не уходит, народ держится — это хороший признак, это значит, что монастырь богоспасаемый и духовная сердцевина в нем есть.

Второй момент: русские монастыри, как о. Ефрем Ватопедский говорил, допустили одну ошибку — там нет схимничества. Схимничество — это планка духовной жизни, к этой планке человек должен стремиться. Это полное отсечение от мира. Наша малая схима что подразумевает? В какой-то степени я могу входить в этот мир, с ним общаться, у меня есть спектр общения с миром. Схимник никуда не перемещается, его внешняя деятельность ограничивается, он занимается только спасением своей души. Оно более высокое, к этому нужно стремиться. О. Паисий говорил, что лучше в молодости принять схиму. Лучше пусть она немного испачкается, но человек действительно станет схимником, чем в старости принять, и она будет как одежда, а внутреннее состояние не будет соответствовать внешнему.

Когда о. Ефрем приезжал в Россию и у него была встреча с президентом Дмитрием Медведевым, то он говорил, что Россию спасет монашество. Что это значит? Монашество должно нести здоровый поток общения, здоровый поток духа. Это образец, на который другие люди, миряне, должны ориентироваться. Когда человек погружается в этот мир, он начинает им жить, этими страстями, этими приражениями, и у него повреждается внутреннее восприятие мира. Он мир уже воспринимает неправильно, то есть внутренние чувства искажаются, мышление деформируется, он становится больным. Я соприкасался с прихожанами в Москве — у некоторых был поврежденный, нездоровый ум, и в церковь приходят люди уже с повреждениями. Идея о. Ефрема правильная: должен быть какой-то образец здо-

рового жития — человек, который любит, и душа его должна быть ясной, живой. Когда есть такой образец, люди будут стремиться к нему, по формуле: с преподобным преподобен будешь и с развратным развратишься. Монах по идее должен быть светочем, образцом. И очень плохо, когда люди смотрят на нас как на образец, а образца нет. Одно дело, когда мы имеем какой-то внешний соблазн, и другое, когда это соблазн наших мыслей и чувств, когда у нас самих повреждения. Вот это худшее, для мира это удар. Людям необходим ориентир. Когда же они свой взгляд обращают к монастырю и видят, что и там деформация, то остаются без опоры, без этого ориентира. Поэтому я вам всегда говорю: вы не только отвечаете за свою душу, спасаете себя и живете в своем монашеском кругу, но от вас исходит дух, эта волна, на которой вы выходите на общение с Богом, и на нее должны настраиваться миряне. Вы ведь так или иначе соприкасаетесь с людьми, и если христианского образа в вас нет, то появляется разочарование, происходит дезориентация людей.

Евангелия бывает недостаточно, чтобы обрести образ Христа, гармоничный образ действий и мыслей, поэтому самое легкое и простое — черпать его от другого человека. Есть, конечно, проблема — после периода социализма у нас подрублены корни христианства, православия. Тем не менее мы должны быть любвеобильными, добрыми и нести в себе дух христианства. И монастырь должен иметь духовное преемство, а оно заключается в том, что младшие перенимают дух любви от старших и через них выходят на общение с Богом. Если же старшие не перенимают от предшествующих поколений эту любовь, то возникает проблема — младшим не за что зацепиться. Может, у кого-то есть вопросы, насущные или ненасущные?

— *Батюшка, вы сказали, что греческие монастыри сохранили в себе правильное устройство и монашеский строй жизни. Чего не хватает русским монастырям? О чем именно идет речь?*

— Речь идет о том, повторюсь, о чем греки говорят: «Монастырь не там, где стены, а там, где старец». Вокруг старца образуется братство, и тогда идет преемство духа, потому что настоящий, хо-

роший послушник становится таким, как его старец. Я у греков видел — келиоты живут по двое-трое, ребяташки приходят совсем молоденькие, проходят годы, и они становятся похожими по походке, даже внешне на своего старца и внутренне, конечно, тоже. Это в хорошем, добром смысле слова. Взять наши лучшие русские образцы — Оптину и Глинковскую пустынь, те, что сейчас в памяти. Там была духовная преемственность, были старцы. Интересна история Оптиной пустыни. Монастырь, в общем-то, ничем не отличался от других, но туда пришел отец Лев (Наголкин) с шестью своими учениками. Монастырь дал ему возможность жить так, чтобы около него окормлялась братия. И началось перерождение обители. От него уже пошло духовное преемство. Это преподобные Амвросий Оптинский, Иосиф, Анатолий младший, старший и многие другие. Новый старец, а за ним следующий принимал дары Святого Духа: и прозорливость, и мудрость, и рассуждение. И это у них сохранялось вплоть до закрытия монастыря.

— *А какие-то женские монастыри могут быть примером?*

— Ну, конечно.

— *Какие, например?*

— В женских монастырях духовный расцвет был тогда, когда они находились под окормлением какого-либо старца или старицы, но старица тоже у кого-то окормлялась. В таких случаях монастырь переживал духовный подъем. В настоящее время считается одним из самых духовных монастырей Ормилия. Это монастырь, который основал старец Емилиан из Симонопетра, игумен. Он сейчас в преклонных годах, живет в этом монастыре и их окормляет.

— *Это в Греции?*

— Да, недалеко от Афона. Туда очень большой приток, но сейчас не принимают, потому что келий нет, а живут они по одному — такой у них устав, чтобы духовной жизнью жить. Сестры там из разных стран, и из России есть. Сейчас духовное возрождение, подъем в этом монастыре. Его духовность зависела именно от старца. Не от того, что кто-то из монашествующих более выдающийся, нет, а от старца Емилиана.

— А бывали ли игумении выдающейся жизни, вот как игумения Таусия, игумения Арсения?

— Мы говорим немного о другом. Бывают, конечно, но мы говорим о преемственности.

— А мне кажется, что тон в монастыре должна задавать игумения.

— У греков по-настоящему, по-хорошему игумения всегда является чадом старца. Взять монастыри Ормилия, Суроти. Кстати, Ормилию строила братия. Дохиарская братия тоже строит женский монастырь где-то в Греции. Но там старец, он руководит монастырем, и игумения не является движущим мотором или центром монашеской жизни. В российских условиях немного иначе, здесь во многих случаях движущей силой, духовным толчком была игумения, но ее тоже окормлял старец. Старец не всегда мог окормлять женский монастырь, поэтому, если она окормлялась у кого-то, созревала духовно подле старца, то это происходило вне монастыря, а в монастыре уже она становилась старицей. В России немного по-другому.

— Батюшка, простите, я не поняла: в Сергиевской келии вы просто хозяина не нашли? Вы не спрашивали, можно ли остаться?

— Нет, там румыны живут. Он жил раньше в этой келье.

— Вы себе там не нашли другую келью?

— Нет, здесь, как о. Евфимий правильно сказал, свои планы не реализуешь. И с другой стороны, там надо как-то выживать, ты должен ради пропитания что-то делать. Греки-келиоты живут там в основном в зависимости от монастырей. Монастыри им помогают, дают макароны, сухари, еще что-нибудь. А если сам, то нужно где-то деньги добывать, покупать все это. Кто-то из братий ладан делает или что-то еще, а потом едут в Россию продавать, то есть зарабатывают как-то. Такой вариант возможен, но это тяжело.

— Батюшка, о. Рафаил строит себе келью... то есть любовью может начать там строить? Или разрешение какое-то нужно?

— Разрешение должно быть, хотя бы устное, от игумена Лавры. Другое дело — служить. Жить — пожалуйста: ты пришел, проблем с государством нет, документы есть, паспорт, виза. Монастырь не гонит — живите, а служить — это другой вопрос. Если служить, то нужно разрешение, это не так просто. Он как монах только на жительство претендует, больше ни на что.

— Батюшка, я читала, что в праздники они друг к другу в гости ходят. У них ведь есть общение? Неужели они замкнуты в себе, сидят всю жизнь в своем монастыре и никуда не выходят?

— Кто-то выходит, а кто-то нет. Ходят на панигиры, престольные праздники, но не все, три-четыре человека. Был еще один момент интересный. Когда мы второй раз проходили, остановились в Хиландаре переночевать. Пришел батюшка из Красноярска, он в возрасте и здоровьичка особо нет. Я спросил: «Как тебя зовут?» Он ответил: «Отец Савва», тоже монашествующий. «Ты откуда приехал?» — «Я из Ватопеда». Разговорились. Он не на той остановке сошел с парома. В Эсфигмене вышел. Пришел в этот монастырь, келью ему дали, его принял архондаричный, но прежде, чем ключ дать, он часа полтора рассказывал ему про Константинопольского патриарха. Сказал, что пришел в келью и часа два сидел, такое напряжение было. Больше двух часов не смог там находиться, рюкзак взял, келью закрыл, ключ принес и, ни слова не говоря, бежать. Он никогда не общался с ними, особо и не знает зилотизм этот, а вот пришел туда, и на него ушат злобы вылили. Когда человек озлобляется, когда этим живет, у него действительно повреждается и душа, и психика. И он правильно ощутил: у них там нельзя быть, там повреждение целого монастыря. Духовный закон работает на все сто процентов. Если ты имеешь злобу хоть на одного человека, правильное твое озлобление или нет, ты повреждаешься, то есть ты отпадаешь от любви Божией. У них озлобление на Константинополь, оно там постоянно подогревается, постоянно об этом говорят, постоянно в этом состоянии живут.

— Батюшка, а раздражение — это что-то другое или тоже отчасти злоба? Оно вспыхнет, потом уйдет и не остается негативного отношения к человеку.

— Раздражение раздражению рознь, есть раздражение, которое появляется от злости, от состояния сердца. Здесь нужно смотреть. Если у тебя нет злости на человека, раздражаешься, но злости нет, то это скорбь. Это тоже плохо, но это не злоба. Отцы говорят, что никакого гнева не должно быть, если это происходит, значит нет еще должного бесстрастия. Раздражение должно уходить. Когда человек живет по воле Божией, то заходит в свою колею какую-то, и Господь знает, что ему нужно, какие скорби, какие утешения. Бог по этой колее человека ведет, он получает необходимое и в свое время достигает, насколько может, полноты любви, полноты благодати и совершенствуется. Главное для тебя — не выходить за эту колею и выполнять волю Божию, оставаться в трезвении, в этом потоке жизни. Нарушил волю Божию — все, идет повреждение, потому что те средства, которые Господь применяет, и жизненные ситуации уже не смиряют, а начинают повреждать душу.

— *Хочется иногда от всех убежать, закрыться, чтоб никто не трогал.*

— Тоже неправильно. Что Господь дает, то дает. Первый признак спасения, это всегда было и есть — человек становится добрее. Душа должна совершенствоваться в любом случае, природа ее такова. Живая душа движется, она не может достигнуть какого-то уровня и остановиться. У любви нет границ. Например, у меня послушник что-то делает и мне не нравится это, я чувствую, что появляется раздражение, но это мой грех. Я не могу смириться с тем, что он не так делает, и покрыть его немощь. Позже я в себе это перемелю немножко, смирюсь, но сам факт, что во мне есть раздражение, — это признак нехватки смирения. Этого не должно быть. Помню, на Кавказе жил отец Гавриил. Он к своему послушнику подходил и все говорил: «Не знаю: сказать тебе или не сказать? Нет, не скажу, ты смущаться будешь». Один раз подойдет, второй. Тот ему отвечал: «Старец, слушай, не томи меня, лучше скажи». И о. Гавриил выговаривал ему за какую-то провинность. Был у о. Гавриила послушник Миша. В первую седмицу Великого поста службы длинные. У

них в келье все эти службы идут. Ну, Миша стоял-стоял, потом бац — на колени встал, на стол руками оперся, молится. А о. Гавриил подвижником был, хоть у него и ноги поломаны были: на костылек обопрется и всю службу стоит. Он к Мише подходит и тихонечко на ухо: «Миша, Миша, ради Христа, давай постоим». Тот встанет, постоит-постоит, ноги подкашиваются, опять хлоп — на колени. Отец подходит и опять: «Ради Христа, потерпи немножко». Хороший был старец. У него всегда было это смущение: сказать или не сказать.

А у нас часто бывает — нет никакого смущения, сразу взял и выпалил. Пусть другие смущаются. Душа очень нежная и всегда чувствует, когда ее обижают и идет напор чьей-то воли или когда она сама на кого-то напирает. Сколько раз в жизни, часто на исповеди, когда на меня начинали исповедники напирать, чувствовал, как душа начинала сжиматься. Или, наоборот, начинаешь что-то свое вдавливать и чувствуешь — повреждаешь себя и другого человека. Это неверно, неправильно. Будьте чуткими к своей воле и своей душе. Она очень нежная, тонкая, повредить ее легко, а вот восстановить трудно, поэтому лучше промолчать, как в Священном Писании сказано: назидание можно сказать тому, кто его воспримет, и лучше промолчать, если его не воспримут. Часто такое выговаривание происходит от того, что человек не может совладать со своей волей или не имеет привычки ее обуздывать. Нужно держать свою волю в узде, то есть обращать ее на самого себя. Если этого нет, то несовершенство других людей приводит в раздражение. Любить нужно, добрее быть к человеку, а правильность и строгость только раздражение и злобу вызывают... Евгения, а у тебя как дела?

— *Как всегда.*

— А как у тебя всегда?

— Хорошо.

— Смотрите, я вам всегда говорил, худшее состояние — это беспечность, равнодушие по отношению к себе и ко всем. Бойтесь этого. Сердце должно быть живым, когда-то может и озлобиться или еще что-то. Как-то я думал над гордостью. Когда у

человека гордость, это не значит, что я кого-то осудил, нет. Гордость — это состояние души, которое обезличивает другого человека, когда человек не видит в другом человеке человека — создание Божие. Не видит ни злого, ни доброго, он вообще для него перестает быть личностью. Вот это худшее состояние, это гордость. Если осудил — это плохо, это грех, это тоже нехорошее состояние, но ты все равно в этом человеке видишь человека, пусть неправильного, грешного, но человека. Поэтому знайте об этом состоянии, почувствуйте его. Как-то на Афоне я был у отца Венедикта, заходил к нему на келью. У него была книжка про Нюрнбергский процесс, кажется, она называлась «Тайны Третьего рейха». Что смог, за вечер прочитал. В первых главах описывается личность Гитлера, о нем ведь мало говорилось. Автор подчеркивает, что у него было чувство превосходства, чувство значимости, и это чувство им руководило, оттого у него и мнительность была. В ней приводились последние слова подсудимых, помню слово Ханса Франка. Он сказал: «Все, что с нами, немцами, произошло, произошло по причине отступления от Бога — мы забыли Бога и отошли от Него». Можно сказать, что его слово было духовным, то есть прозрение наступило; другие тоже в конце говорили о Боге и свою судьбу предавали в руки Божьи.

— *Это как человек, который прожил жизнь и под старость говорит: «Почему, душа, ты мимо рая прошла?!» Горше не бывает.*

— Да, такой момент у меня в памяти остался. У о. Кирилла есть воспоминания о войне, он все время спрашивал себя: «Почему все это происходит: война, люди гибнут?» Когда же под Сталинградом на берегу Волги он нашел Евангелие и стал его читать, то ему все и открылось. Он сказал: «Я тогда все понял». Причина понятна — тоже отступление от Бога. Вся жизнь становится бесцельной, если в ней нет Бога. Человек живет, а зачем? Поэтому, насколько можете, имейте трезвение, наблюдайте за своей душой. Отец Евфимий в конце нашей встречи тоже сказал — внимай себе, будь внимателен к своей совести, к своим страстям, замечай, когда ты им потворствуешь и когда противостояшь, будь внимателен к людям.

— *О борьбе со страстями... Если ты голоден или устал очень, ты злой и на всех чуть ли не кидаешься, а когда наелся, ты добрый, хороший. Как противостоять этим страстям, если у меня упадок сил?*

— У новоначальных такое есть.

— *Предпочитаю есть и быть со всеми в хороших отношениях. Я действительно осознаю действие страсти.*

— У новоначальных внутреннее состояние во многом зависит от внешнего. Когда человек приходит к духовной жизни и наполняется любовью, у него есть внутренняя энергия, он ею живет, а когда благодати не хватает, кончаются внешние силы, и начинается истощение, человек начинает озлобляться. Получается прямая зависимость внешнего от внутреннего и внутреннего от внешнего.

— *Я на обеих лопатках перед этой страстью лежу. Что делать?*

— Поешь, и все проблемы решатся. Вспоминается житие преподобного Макария Египетского. Он весь пост не ел и не пил, делал вид, что ел, и братия очень смущалась из-за этого, хотя там и подвижники были. Жили, и не было такого искушения — зависти. Не было такого человека, и все подвизались, все были добрыми и хорошими подвижниками, а появился тот, у которого аскеза больше, и возникло чувство зависти, такое, что они говорят игумену: «Если ты не уберешь этого человека, мы уйдем из монастыря». Это тоже в какой-то степени повреждение. Люди подвизаются не ради любви, не ради Христа, а ради подвига, и Господь это открыл. Хотя преподобный-то Пахомий не видел этих грехов, не открывал ему Господь. Только с приходом преподобного Макария эти негативные моменты открылись.

— *Один святой перед смертью сказал: «Я еще не начинал жить монашеской жизнью».*

— А что ты подразумеваешь под монашеской жизнью? И что святой отец подразумевал? Суть монашеской жизни — полное умирание, отсечение своей воли, своего «я». А монастырь должен создать все условия для этого, и монах, послушник будет обретать этот монастырский дух, если будет упраздняться, в хорошем

смысле слова, его воля. Когда воля упраздняется из любви, эгоизм умирает. Одновременно с умиранием этого нашего «я» возрастает Божественное «я», Божия любовь, и появляется духовное рассуждение. В прошлый раз мы говорили о повреждениях воли, о самоубийстве послушников из-за неправильного послушания и других моментах, из-за которых это происходит. Из-за того, что послушание полностью отсекало все чувства, — и Божественные, и плотские — сердце становилось пустым, неболезняющим, мертвым и духовное рассуждение полностью отсутствовало. Монастырское послушание должно приводить к умиранию нашего «я» и рождению в душе Божественной любви. «Не я живу, но живет во мне Христос», — говорил апостол Павел. Вот это должно произойти. На литургии, помните, человек должен ощущать, что совершает таинство Христос. Христос в нас живет.

В житии отца Иоанна Кронштадтского рассказывается, что, после того как открылся в нем дар исцелений, пришла бабушка и сказала: «Молись, батюшка, чтоб внук мой исцелился». Он отвечал: «Да кто я такой?» Она ему: «Ты можешь его исцелить!» Он в недоумении: «Как я могу дерзать?» А он уже воплотил в себе образ Христа — вещи свои нищим отдавал, помогал им всячески и сострадал. И когда она с властью произнесла: «Давай, так надо!», он с дерзновением попросил, и Господь дал, потому что в нем уже запечатлелся образ Христа, в нем эгоизм уже растворился. Интересно, что отец Иоанн жил в миру, среди всей этой кутерьмы, деньги и все у него было: и пища, и жилье. Тем не менее он образ Божий в себе сохранял и подпитывал его через литургию, то есть через постоянное умирание своего «я». В литургии это «я» должно умирать, он это чувствовал. Все его произведения, его записи действительно говорят о том, что он переживал это умирание и не мог жить без литургии, потому что сохранение этого состояния, образа Христа требует усилий, наблюдений над собой, нужна постоянная работа. Когда человек действительно участвует в литургии, живет ею, то эгоизм уходит, не зря отец Ефрем Ватопедский, игумен, своим братьям в монастыре три раза в неделю благословляет причащаться, то есть они живут литургией.

В миру отсечение своего «я» каким-то другим образом тоже возможно, но в основном, наверное, через страдание. А в обычных условиях — это приобщение к литургии и понимание ее. На службе нужно не просто прийти на исповедь, поисповедаться, сдать грехи и причаститься, не это, нет. Нужно переродиться, а если этого не происходит, то человек как пришел, так и уйдет пустым и безблагодатным. Вы должны постигать суть — суть молитв, суть таинств, чтобы понимать, какими надо быть, что должно происходить и что вы должны получить через это таинство. Когда умом это понимаешь, в душе может даже ничего не меняться, не надо переживать. Главное — иметь устройство. Не настроение, а устройство, то есть свою душу надо подчинить образу, который я имею в уме своем, таким я должен быть. Если у меня в душе раздражение, озлобление, то я не хочу быть таким, не хочу и все. Я должен быть добрым и смиренным. Я через ум свой создаю формулу для своей души. Хочет она или нет, но она должна быть такой. Со временем она такой будет, но если я не имею этого правильного образа в уме, то получается ежик в тумане — идешь-идешь, а как и куда выйдешь, неизвестно. Это неправильно, поэтому я должен настраивать свою душу. Господь нам открылся для того, чтобы мы знали Его. Из Евангелия мы черпаем Его душевное устройство и должны к этому стремиться. Святитель Игнатий Брянчанинов не зря говорил, что ум должен плавать в словах Священного Писания и держать перед собой тот образ Христа, который нам открыт.

— *Вы говорите про послушание, но мне не очень понятно. Мне кажется, если человек будет полностью отсекал волю, то станет безразличным к послушанию, усердия не будет, а ведь усердие у Бога тоже очень ценится. Покойная мать Савватия приснилась одной из сестер. Сестра ее спрашивает: «Ну как там?» А она говорит: «Я строительница Киево-Печерской лавры». — «А как же ты сподобилась такого?» — «Мне Господь даровал за усердие». Она была очень старательной в послушании. А если полностью свое упразднить, мне кажется, это будет рождать безразличие. Может, я чего-то не понимаю? Как это совместить? Но любовь к послушанию есть.*

— Когда я на Афоне в Дохиаре послушание нес, игумен всегда говорил, что того из братии, кто собирает мало оливок по немощи своей, не осуждай, пусть он так делает, а ты собери больше за него, ради Христа. Наверное, такое усердие Господь принимает. Я видел, как греки собирали. Я по-русски одну ягодку взял, бросил, а грек как машина пошел, вот у него усердие. Да, он делал ради Христа, то есть делаю не ради себя, не ради кого-то там, а ради Христа. Все, что ты делаешь, — ради Христа. Усердие должно быть. Что такое усердие? Это чувство. Надо, чтобы в послушании участвовали чувства. Что такое усердие?

— *Любовь к послушанию.*

— Правильно, но послушание нужно разбить на две составляющие. Первая — исполнение воли Божией, это нужно любить, это внутреннее послушание. А вторая — какой-то труд, это внешнее послушание, в него не нужно вкладывать чувств. Вот полы мыть. Какая тут любовь? Делаешь и делаешь. У отцов как было: капюшон надвигали себе на глаза, чтоб не видеть, как хорошо подрезают ветви. Допустим, я небесстрастный человек, в келье уберешь, а потом ходишь — как хорошо, ни пылинки. Соринку увидел, хлоп — убираешь. Какая после этого будет молитва? Начинает рассеиваться взгляд, начинаешь обращать внимание на внешнее. Что-то сделал хорошо, а после только и смотришь на свою работу. Помните, у преподобного Нила Сорского? Ворота привезли в монастырь, повесили. Братия вышла: «Как хорошо!» А преподобный Нил: «Неправильно повесили». Перекосили их — вот теперь правильно, и у всех интерес к воротам прошел. Поэтому любовь любви рознь. Это тонкий момент, не надо привязываться ни к пению, ни к чтению, ни к труду, но делать нужно с любовью.

Пюхтица
10.06.2010

Беседа пятая

Хочу поделиться с вами своими переживаниями, думаю, что эти переживания волнуют и ваши души. Когда душа и ум человека пребывают в Боге, человек живет в любви, однако в силу каких-то причин человек может выйти из этой области, отойти от Бога и уйти в другую, где Его нет. Мы говорили, что Бог везде: нет ни одного места, где бы не было Бога. Но вот мы говорим о той области, где Его нет, — это область страстей, область гордыни, в которую погружается наше «я» и тем самым отчуждается от Него. Это и есть понятие «кромешной тьмы» у святых отцов — удаление от Бога, так они говорят об аде. Мы сейчас говорим об аде души. Человек на протяжении всей своей жизни то с Богом, то без Него. Спасение же заключается в том, чтобы человек соединился с Богом и пребывал в Нем.

В душе человека есть и область Божества, и область страстей. Человек отступает от Бога и уходит в страстную область. Почему происходит это отчуждение, уклонение от любви Божией? Чтобы стоять в Боге, в области любви, человек должен ее ощутить, ее знать. Без этого знания мы не сможем пребывать в Нем, не сможем спастись. Когда мы говорим о Боге, мы говорим не о каких-то далеких идеях, а о самых близких, самых дорогих и знакомых нашему сердцу. Первое, о чем я хочу сказать: человек должен познать Бога, познать Его в самом себе. Человек должен знать Бога своим сердцем, чувствами, умом. И как мы говорили в прошлый раз, чтобы идти за Богом, нужно иметь трезвение. Состояние трезвения появляется, когда ум проходит через материальную сферу и уходит в другую область, где нет тварности, — в область Божества. Это состояние ума человек должен ощутить, обрести, должен быть навык стояния ума в области Божества, а после к этому стоянию ума подключается и сердце, болезнующее, страдающее сердце. Вот тогда человек уже полностью входит в Бога, но первое погружение происходит благодаря уму. Это условие, без которого сердце не может быть в Боге, это ос-

новная наша задача. Без этого невозможно говорить о спасении, борьбе с грехом и страстями.

Когда человек познает область Бога, он познает и противоположную сторону — область отчуждения от Бога, область страстей, которая уводит в сферу плотских чувств. Это уже другое стояние ума, но интересный момент — ум уходит в область безбожия, это тоже своего рода безумство, но это другое безумство. Устроение такого ума совсем другое, корень всего этого совсем другой. Такой ум не пробивает толщу материального, он уходит вниз, в свои чувствования, в плотскую игру и начинает жить плотью, поэтому не зря сказано: когда Господь наказывает за грехи, Он отнимает ум, человек становится безумным. Это безумство появляется потому, что ум становится другим — он уже живет плотской жизнью. Описав эти два состояния — ада и рая — внутри нас и нашего ума, хочу коснуться и того, каким образом и почему наш ум, наши чувства отходят от Бога и уклоняются в эту другую сферу.

Чтобы быть в Боге, нужен навык. Если человек приобрел это понимание, это познание Бога, у него есть уже какой-то опыт. Это чувство благодати. Его определяет наше сердце, наш дух. Но я хочу сказать и о том, каким образом человек может входить в эту область Божества, то есть должен быть не только опыт познания Бога, не только чувствование благодати, но и сам путь вхождения в эту область. Из-за своей невнимательности, отсутствия трезвения или нерадивой жизни мы часто отходим от Бога, поэтому очень важно возвращение к Нему, очень важно этот путь знать и помнить. Помысел мне говорит, что путь этот — трезвение. Покаяние — это изменение. Когда человек кается, он отрешается и уходит от страстных мыслей и чувствований за пределы материального мира. Этот уход ума в безвидное состояние и есть возвращение в область Божества. Каждый из нас должен это знать, иметь опыт вот этого возвращения и понимание, что такое покаяние, что оно делает.

Покаяние — это не только перечисление грехов, не только понимание, что это плохо, а это хорошо, или приход на испо-

ведь. Да, грехи прощаются, но для нас важно не только прощение грехов, но и возвращение к Богу, соединение с Ним, поэтому я хочу, чтобы вы опытным путем знали вот этот путь возвращения к Богу, путь изменения ума. Когда ум обращен к Богу, то сердце меняется и человек начинает многое видеть по-другому. В этот момент, момент покаяния и раскаянного сердца, нужно, чтобы Господь в вас действовал. Устраните свою волю, устраните свои мысли, и Господь будет с вами, Он будет руководить вами, вашими чувствами, вашими мыслями. И вокруг вас изменится и все остальное: обстоятельства, люди, все. И вы увидите ситуацию, которая казалась злой, враждебной, уже по-другому.

Почему же ум и сердце человека отклоняются от Бога, почему эту благодать Божию они быстро теряют и возвращаются в страстную область? У человека есть корни грехов, страсти, и они будут у него до конца жизни. Их покрывает только благодать Божия, и как только благодать отступает, эти страсти приходят в движение и начинают предъявлять свои требования. В житии преподобного Антония Великого сказано, что он подвизался в могиле лет пятнадцать и, дойдя до отчаяния, воскликнул: «Господи, где Ты?» Господь явился ему и сказал: «Я был рядом с тобой». Важно, чтобы ум человека стоял в Боге, потому что с умом связаны движения человеческой души. Стояние ума в Боге связано с волей человека, как только ум теряет это стояние, это трезвение, воля поработается страстями и уходит в область безбожия. Господь Своим Промыслом через это житие показывает, как важно движение нашей воли к Богу. Когда попушением Божиим происходят какие-то падения человеческие, здравый человек эти падения обращает себе во вразумление. Он начинает работать над своей душой, находит причину своего повреждения и начинает ее устранять.

Чтобы побороть страсти, отвлечь ум от них, потребуется самопожертвование. Без жертвенности невозможно выйти из области страстей, области безбожия, потому что страсти сладостны и связаны с чувствами человека. Как только человек поддается унынию, сразу начинает действовать наше ветхое «я»

и затягивает ум в ложный покой — до Бога далеко, высоко, мир с Богом потерян, но ум не может попасть в сети. Сердце может быть окамененным, может потерять благодать, но ум всегда способен выйти из печали и уныния и пройти эту область материального. Мы говорили, что русская икона созерцательна. Когда молишься, прикасаешься к этим иконам, то словно уходишь за границы материального, тварного мира. У греков аскетические иконы, на них — борьба с грехом, но смысл, в общем-то, один. У русских мировосприятие более спокойное: если я ощутил Бога, я его полюбил, то мне больше ничего не надо, все, я ушел. У греков иначе: икона говорит — я не люблю тебя, моя плоть, потому что я люблю Бога, я буду бороться с тобой и уйду от тебя к Богу. У них более воинствующий дух, который давит плоть, уничтожает ее и восходит к Богу. Думаю, и у наших отцов был такой путь аскезы, но сердце русского человека очень склонно к любви, оно открыто для любви, поэтому мой помысел говорит, что наш путь к Богу лежит не через борьбу с грехом, а через погружение в Бога. Когда ум и сердце погрузятся в любовь Божию, борьба не нужна, ум тогда стоит в Боге, его больше ничто не интересует.

Когда на исповедь приходят люди, я могу им рассказать только о нравственных законах, дальше я не иду, потому что только Бог Сам может открыть Себя. Если человек внутренне Его не знает, очень тяжело объяснить, что нужно делать. Ради познания Бога мы отсекаем свои греховные желания, ради этого мы постимся, молимся, ради этого мы уходим от плотской жизни, удовольствий, комфорта. Но когда человек познал Бога, о нравственных законах мне говорить уже не надо, потому что человек сам понимает, что ему нужен Бог, а все это наше ветхое мешает с Ним соединиться. Святость многих отцов и сестер была основана именно на этой любви, даже потеряв ее, они снова ее обрели. И аскеза в русской традиции существует не ради борьбы с грехом, а ради любви к Богу. Человек делает поклоны, молится, читает Евангелие, исполняет заповеди Божии не ради того, чтоб грех его не поработал, а ради любви к Богу. Любовь себя реали-

зует во внешней среде, то есть в самой жизни человека, в его общении, в его связи с этим миром.

Господь часто попускает нам отступления, чтобы мы почувствовали нелюбовь, чтобы сердце отталкивало это, не желало этого и устремлялось к любви. Но горе нам, если потеряв Бога и уйдя в область страстей, мы умом и сердцем прилепимся к этой сфере, к этому аду. У человека всегда есть выбор, все происходит не без Промысла Божьего. Бог видит каждого из нас, видит наши ошибки, искаженные помыслы, которые мешают нам во всей полноте соединиться с Ним. Человек прикасается к Божеству, но эти заземленные маленькие помыслы как некие камни или нити держат его и не дают ему приподняться над землей. Чтобы эти камни сбросить с себя, обрубить эти концы, Бог часто опускает человека назад, в грязь, и тогда он осознает, что вот эта прелесть мешала ему, и в этом падении освобождается от неправильных мыслей и восходит на Небо. Не всегда то, что происходит с человеком худого и плохого, есть плохо. Вспомним примеры из житий святых. Они рассказывают о том, как, пройдя отступления и грехи, эти люди поднимались к Богу и стяжали большую благодать и любовь. Не зря Господь в Евангелии говорит — кому больше простится, тот больше возлюбит. В этом человек тоже познает великую милость и любовь Божии. Бога мы познаем не через Его правду, а через Его любовь. Часто мирские люди задают вопрос: «Почему человек творит неправду, зло, а Бог его не наказывает?!» По справедливости, он должен быть наказан, но человек верующий и действительно знающий Бога находит Его в милосердии, не в правде. Если Бог наказывает, то наказывает милосердием.

В Евангелии есть слова: «Трудно богатому войти в Царство Небесное». Раньше эти слова как-то проскальзывали мимо, я не вникал в них, а сейчас внимание заострилось на этом, хочу поделиться с вами. Господь видит сердца людей. У человека богатого, который ушел в материальный мир, ум работает уже по-другому, он начинает гнаться за наживой. Даже когда человек делает что-то доброе, например, подарок от сердца, его ум все равно

ищет какую-то выгоду. Пусть он ее не получит, но все равно в уме это остается. Такой ум не может подняться на Небо, пройти сферы материального, тварного, он за них зацепился, на них зациклился. Для спасения необходимо изменение ума, проблема вовсе не в богатстве, не в материальных благах и комфорте. Господь указывал именно на состояние души человека, а не на то, что он богат и не может от этого отказаться. Его ум как бы заблокирован, закрыт для Бога; поток любви Божией не может войти в душу этого человека не потому, что Бог не хочет, а потому, что человек не может принять Божество.

— Батюшка, вы говорили про безвидное состояние, это же самое высокое состояние.

— Это не высокое состояние, это обычное состояние, которое может быть у каждого человека, даже самого грешного.

— От чего это зависит? От занятия Иисусовой молитвой?

— Любая молитва, не только Иисусова — это состояние ума. У святых отцов идет именно об этом речь.

— Это как-то непонятно.

— Молитва может по-разному проявляться, даже через добрые дела. В молитвослове сказано: прежде чем молиться, успокой свой помысел, ни о чем не думай и хотя бы минуту-другую посиди, после этого приступай к молитвословию. Вот это безмолвие ума — разве это не молитва? Молитва. Она достигает своей цели только тогда, когда ум покоен, когда душа умиротворена. Вот тогда ум начинает молиться. Он должен отрешиться от всего: меня нет — я умер. Это условие настоящей молитвы, а если ты занят суетой, помыслами о работе или о чем-то еще, молитвы не будет, связи с Богом не будет. Бог живет в другой сфере — бытия-небытия, с земными помыслами туда не вступишь, поэтому молитва имеет свои законы, молитва — это соединение человека с Богом. Когда человек умирает, он соединяется с Богом, тогда молитва ему уже не нужна. Когда он живой и хочет соединиться с Богом, он тоже должен на время умереть. А монах, по сути, должен быть мертвым.

— А что такое безразличие?

— Безразличие появляется, когда сердце пустое, непереживающее, окамененное. Это относится к состоянию сердца, а не ума. Это худшее состояние.

— Оно отчасти может быть и покоем?

— Это ложный покой. Многие состояния ума похожи: когда ум стоит в Боге и когда он стоит в страстях. Во втором случае он тоже становится безвидным, тупым, но по-другому, корни другие, природа такого состояния другая — он полностью погрузился в свои страсти, в свои чувствования, в материальное и от этого отупел. Так и здесь, безразличие — это погружение в пустоту, в плохую пустоту, где ничего нет, никаких сил, и ничего не надо: ни материального, ни духовного. Это душевное истощение, то есть душа не живет ни грехами, ни Богом. Это безразличие появляется не только в миру, от каких-то депрессий и всего прочего, но и в монастырях от неправильного послушания. У святых отцов сказано: послушание не ради послушания, послушание ради смирения. И если ты делаешь какую-то работу (по-гречески — «дьяконима»), ты должна от этого приобретать смирение. Если при этой дьякониме сердце опустошается и не заполняется чувствами, любовью, то это повреждение. Это неправильное послушание, хотя человек может быть и в монастыре. Причина такого повреждения либо в духовнике, который дает послушание, либо в самом послушнике, который неправильно послушание воспринимает. У послушания несколько целей: во-первых, послушание должно освободить сердце от страстей, сделать его пустым; во-вторых, оно обязательно должно наполнить сердце любовью, состраданием. Если оно только опустошит, но не заполнит, это плохо. У прп. Иоанна Лествичника было сказано, что человек должен приобрести болезнующее сердце — это всегда полнота чувств, добрых, сострадательных чувств. Если этой полноты нет, а от послушания человек приобретает пустоту, то он становится зомби.

В книге владыки Антония (Блума) рассказывается, как послушник пришел к старцу и сказал: «У меня помыслы хульные», а тот ему ответил: «Ну, иди, удавись!» Он пошел и повесился, а

этот старец за голову схватился, всю жизнь каялся в том, что он сказал, а тот сделал. Так проблема-то в чем? Почему он так поступил? Это неправильное послушание. Проблема в том, что от послушания человек приобрел пустоту, там не было страстей, но он не приобрел любви, не обрел сострадательное, болезнующее сердце. Вот эта пустота не была заполнена любовью, Богом. Бог — это всегда мудрость, Бог — это всегда полнота. Такой поступок был совершен от неправильного послушания, от того, что человек исполнял послушание ради послушания, а послушание — ради смирения. Так и у некоторых сестер есть повреждения, потому что от послушания они приобретали опустошение, нездоровое, неправильное, душу не заполнили любовью и приобрели озлобление.

— Тебе дают работу — ты должен ее сделать. Человек старается, но ему тяжело и появляется озлобление. Как выплыть из всего этого?

— Если человек начинает озлобляться, лучше ему не приходить в монастырь, а если он тебе не по силам, нужно менять, или сказать духовнику, чтобы поменяли послушание. Если появляется озлобление, то получается по словам отцов: «Приходим как ангелы, уходим как бесы». Не зря в монастырях были духовники, которые наблюдали за внутренним, душевным состоянием человека. Почему всегда говорилось об Иисусовой молитве? Иисусову молитву нужно всегда творить под чьим-то руководством. Она опустошает душу человека, освобождает ее от страстей, но в то же время она должна наполнить ее любовью. Человек занимается ею и говорит: «Батюшка, столько молюсь, а ничего не получается». Причина одна — нет болезнующего сердца. Иисусова молитва очень быстро прививается, когда сердце хорошее, любящее, у отцов говорится: «Пошла молитва». И вот когда сердце начинает работать, начинает болезновать, тогда Иисусова молитва становится медленной, внимательной, пронизательной. Если сердце еще холодное, молитва может двигаться быстро; на сердце нужно обращать внимание, потому что из сердца все исходит. Ради него, в общем-то, весь наш труд.

— Живешь в монастыре и со временем какие-то грехи перестаешь ощущать. Например, пост перед причастием уже тяготит, кажется, необязательно его соблюдать. Или не прочитавешь вечерние молитвы и не чувствуешь, что это грешно. Душа большие грехи чувствует — осуждение или обиду кому-то нанес, об этих грехах она искренне плачет, а сел за стол, не помолился и не чувствуешь, что это нужно, это становится как-то второстепенно.

— Такое может происходить по двум причинам: одна — это ухудшение состояния, когда приходит безразличие и молитва, вся жизнь становятся механикой, обыденностью, это худшее, это отступление, упадок; вторая — когда человек пребывает в Боге и для него утренние и вечерние молитвы — эти рамки — перестают существовать. Человек всегда пребывает в молитве и рамки ему мешают, ограничивают его свободу. В первом случае это отступление от Бога, а во втором, наоборот, горение любви, высота молитвы. Но я думаю, у вас первый случай, поэтому старайтесь себя принуждать к тем правилам и нормам, которые есть в Церкви.

— Но почему тяжести греха не чувствуешь?

— Вы сами смотрите, тяжести в обоих случаях не чувствуешь: там идет повреждение, человек не ощущает греха, а здесь как бы святость. Дело даже не в том, прочитал ты или нет, а в том, в Боге ты или без Бога. Цель всех молитвословий — направлять человека к Богу, а если человек уже находится в Боге, если он молится постоянно, то зачем ему эти средства?

— Батюшка, а можно на конкретном примере? Вот, например, гостиничное послушание... Как приобретать и раскрывать в сердце любовь, сострадание, чтобы сердце жило и не было пустым?

— Я думаю, если послушания связаны с механической деятельностью в закрытых домах, кельях, то здесь приобретать теплоту сердечную лучше через ум. Сначала ум устоится в Боге, а после него уже разогреется сердце, то есть через молитву, а не через сестер, общение с людьми и соперничество чужим скор-

бям, именно через молитву свое сердце разогревать и приводить в состояние любви. Одно дело, когда монашествующие или послушники сталкиваются между собой на клиросе, на работах, где кто-то на кого-то озлобился, кто-то что-то сказал, и тогда есть возможность смириться, человека оправдать. Там более четкая работа над собой. А здесь, когда наедине с собой, сложнее, здесь через послушание, через отвержение своей воли. В монастырях послушание гостиничного больше похоже на послушание келейного жития, оно требует от человека быть сформированным, то есть его сердце уже должно быть насыщенным, но если этого нет, то только через молитву, иначе никак, других путей, чтобы сердце заработало, просто нет. Главное, чтобы никакого проявления своей воли у тебя не было. Понятно, нет? Через молитву. Здесь Господь проверяет состояние человека, ставит его в такие условия, что тот анализирует, правильное оно или нет. Всегда, когда проверяется внутреннее состояние, человек попадает в какие-то искушения, соприкасаясь со своими близкими. Когда соприкасается, проверяется его внутренний мир: Божий он или нет, любит он или не любит, есть раздражение или нет. Если молитва правильная, хорошая и уводит в Божественные сферы, то человек будет любить ближних своих и у него не будет раздражения. Как бы там ни было, он никогда не будет раздражаться. Если раздражение есть, то молитва неправильная, то есть в душе нет гармонии и нужно что-то менять, о чем-то задуматься, что-то неверно — или какой-то помысел, или какое-то устройство.

Если при каких-то скорбях, в отношениях с ближними сердце любящее, покрывающее немощи других, то все нормально, то есть душа развивается и приближается к Богу. Но если этого нет, если нет болезнующего сердца, нужно что-то делать. Обычно духовник сразу меняет послушание, не может этот человек быть один, его в такие переделки посылают, чтобы гнойники души вылезли, этому человеку до поры до времени одиночество вредно. Поэтому в монастыре всегда был духовник, он следил за развитием души, для кого-то это полезно, а для кого-то — вредно. Все люди

разные, нет одинаковых, душевное устройство у каждого свое и характер тоже. Для одного нужно одно, для другого — другое.

— *Батюшка, в житиях мучеников первых веков рассказывается о том, что Господь давал им такую благодать, что они практически не чувствовали боли, то есть уходили в молитву и происходило очень много чудес. Почему сейчас этого нет?*

— Да, это у преподобного Исаака Сирина. У него описывается, по какой причине мученики не чувствовали боли. Я приводил уже этот пример, еще раз приведу. Как-то в Лавру приезжал майор Димитрий, он был в Чечне и рассказывал такой случай. Когда они стояли в Грозном, к нему подошел солдатик с Евангелием. Солдатик показал страницу с описанием распятия Христа и спросил: «Как Господь на кресте страдал?» Его заинтересовало распятие Христа. А потом в эту же ночь этот солдатик пошел в караул, его и еще четырех ребят бандиты взяли в плен и распяли на столбах. Когда наши отбили их, все умерли, а этот еще живой был. Когда начали его снимать, этот солдатик сказал: «Не надо меня снимать, Христос со мной. Я чувствую Бога, Христа». Его сняли, в машину положили, и по дороге он умер.

О чем я хочу сказать? Мы всегда говорим о том, что у человека внутри две личности: его «я» и Христос. Христос должен возрасти в человеке, а наше «я» умалиться, то есть наш эгоизм. Когда приводится пример первых святых мучеников, речь идет о том, что в них жил Христос, и когда они страдали, Христос полностью их как бы поглотил. Так и с этим парнем. Он не был святым, он был простым пареньком лет восемнадцати-девятнадцати, но там, на кресте, он ощутил в себе Христа. Христос в нем возрос, и эта боль, это распятие дало ему благодать, его эгоизм ушел, и благодать заполнила его полностью. В житиях приводится факт, но не говорится, насколько в них воцарился Христос, этот момент мук там не раскрывается с внутренней стороны.

Вспоминается житие праведного Ионы Одесского, он жил в одно время с отцом Иоанном Кронштадтским. Батюшка Иоанн говорил приезжавшим к нему одесситам: «Что вы ко мне приезжаете? У вас есть свой святой в Одессе». И отправлял их в Одес-

су. Отец Иона многих исцелял и бесноватых тоже. Как-то привели к нему бесноватую женщину, она кричала. Он ей сказал: «Замолчи!» Она опять кричит. Он ей снова: «Замолчи!» Она кричит. Тогда он к ней подошел и сказал: «Посмотри мне в глаза». Она посмотрела и замолчала. Что она увидела? Она увидела Христа! Формула апостола Павла «Не я живу, а живет во мне Христос» — одна из основных, и мы ее должны воплотить в своей жизни. Я думаю, что и те мученики ощущали в себе Христа.

У нас не совсем правильный подход. Мы прославляем их за страдания, за муки? Да не за это. Мы должны описывать не то, как они страдали, как мучились, как терпели, а как в них проросло это духовное семя Христа. Почему мы прославили благоверных князей Бориса и Глеба? Они ведь не за Христа пострадали. Мы прославили их за то, что в них воплотился Христос, что в них жил Христос. По их жертвенности мы видим, что Христос в них был. Я думаю, необходимо такое видение мучеников.

А вопрос правильный. Сейчас эти жития читаешь и не чувствуешь, что ты черпаешь из них благодать, потому что благодать человек черпает от Бога, а здесь образ святого, реализовавшего в себе образ и подобие Божии, до конца не раскрыт. Есть хорошие жития новомучеников, но и там больше раскрыта внешняя сторона их жизни. Почему жития святых писал святитель Димитрий Ростовский? Ему дар был дан такой. Он мог раскрыть подвиг, а подвиг без соединения с Христом не подвиг. Много людей на земле пострадало, погибло, но святых среди них мало.

— *А как от многозаботливости избавиться?*

— Как батюшка Кирилл говорил, сейчас спастись будут маленькие юродивые — те, которых ничто земное не интересует. Как идет, так и идет. Сделали так — хорошо, сделали по-другому — и это хорошо. Ум не различает, хорошее или плохое, нужное или ненужное. Человек живет внутренней жизнью.

— *А в быту это надо постирать, это погладить, не забыть то сделать и это. И так в течение дня эти дела постоянно висят над тобой, тяготят, и ты всегда занят бытовыми вопросами.*

— Главное, чтобы это не довлело над тобой, не было главным.

— *Это состояние помыслов: как идет, так и идет... А не будет это вести к безразличию, равнодушию? Где здесь грань?*

— У святых отцов написано: «То, что происходит само собой, — это от Бога», а дальше идет такая маленькая сноска: «Если при этом сердце человека здоровое», то есть не в прелести. Все, что идет само собой, от Бога, человек принимает это как волю Божию и от того получает пользу. Если же у него повреждено сердце, то жить по этому правилу нельзя, он повредится. Тогда действительно будет прививаться равнодушие, беззаботность. Ко всему, что происходит, он будет безразличен.

— *У нас говорят: «Значит так надо». Великая мудрость нужна, чтобы это различать.*

— Я же говорю, если сердце у человека здоровое. Если оно здорово, он будет принимать волю Божию. Что от Бога — принимать, остальное отталкивать.

— *Но человек не может определить, здоровое у него сердце или нет, ведь очень легко ошибиться.*

— Поэтому в монастыре всегда был духовник, матушка, сестры. Человек приходил в здоровую сферу.

— *Ой, как трудно спастись, даже боязно. Мудрости нет.*

— Что такое спасение? Это соединение с Богом. Бояться этой жизни не надо. Человек должен укрепиться в стоянии в Боге, в сфере Божества — это главное. Прп. Исаак Сирий говорит, что ум, постоянно пребывающий в Боге, как только прикоснется к какому-то злу, к скверне — событие нехорошее произойдет, помысел недобрый придет или что-то плохое увидит — сразу отталкивается от него и уходит к Богу. Получается, то, что кажется нам злом, становится причиной большего сближения с Богом. Только зло приблизится, и ты, столкнувшись с ним, уже в Боге, потому что ум, душа все равно работают на самосохранение. Вот как работает подсознание. Ты не пойдешь зимой в холодной воде купаться или, прежде чем погрузиться в воду, воздух в легкие наберешь и под водой не будешь дышать — так работает инстинкт, ты сохраняешь себя, это автоматически действует. И

у детей инстинкт самосохранения есть. Так и душа, познавшая Бога, соприкоснувшись со злом, защищает себя. Прошение «Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию» и говорит о том, как важно нам быть в благодати, тогда и чувство самосохранения нас бережет.

— *Батюшка, чем человекоугодие отличается от снисхождения к немощам ближнего?*

— Человекоугодие считается грехом. Это значит, что ты заискиваешь перед кем-то ради сохранения мира или доброго расположения к себе. А снисхождение к немощам идет от любви, это один из признаков правильного стояния души, а Бог покрывает эти немощи. Человекоугодие же — для сохранения ложного покоя внутри себя; ты говоришь неправду для того, чтобы этот человек хорошо к тебе относился.

— *Но ведь бывает, ты так поступаешь, чтобы не обидеть. Человек обидится, если ты ему правду скажешь.*

— Ты так можешь поступить, если знаешь, что человека не вразумишь никак, будет один скандал. В Священном Писании сказано: если знаешь, что человек вразумится, вразуми его, а если знаешь, что не вразумится, то не надо, врага себе наживешь. Это можно здравому человеку говорить, и ты сам чувствуешь, какова воля Божия: сказать или нет. Где-то действительно нужно дать отпор человеку, который не вразумляется, чтобы не дать распространяться злу. Есть люди, которые понимают только силу. Но и на это нужно от Бога благословение, чтобы самому не повредиться. Если с Богом живешь, то Он Сам дает душе такое вразумление, и она таким образом себя сохраняет.

— *Батюшка, есть выражение у старца Паисия: воля брата — это воля Божия. В одной из его книг говорилось, что если у человека сложный характер, то стараться во всех ситуациях исполнить его волю.*

— Правильно, если она не греховная.

— *Это не человекоугодие?*

— Нет.

— *То есть это ради сохранения мира?*

— Тут даже не ради сохранения мира, а просто такое устройство — когда человек живет в послушании и может что-то сделать, он сделает. Если же это чего-то греховного касается, этот закон уже не действует. Я вам рассказывал, что добрый, настоящий послушник на Афоне сразу виден. Его окликнешь, и он уже делает шаг к тебе, для исполнения твоей воли. Он идет по своим делам, а ты его окликнул, и он все свои желания отсекает, у него уже их нет, он сразу делает шаг, чтобы исполнить твою волю, и своего ничего не имеет. Вот такое должно быть устройство. А тут коснись чего, сразу начинается бурление. Это признак того, что дух послушания не привит. Ради любви человек должен все оставлять, даже молитву — это у святых отцов написано.

— *Если человек свое послушание закончил, а его ближний — нет, но ему это безразлично. Значит у него тоже повреждение?*

— В афонских монастырях братство образуется вокруг духовника, вокруг игумена, игумен руководит всем. Он участвует во всей работе, во всем послушании монастыря. Там заканчиваешь и идешь другому помогать до окончания рабочего времени. Здесь немного по-другому. В какие-то моменты можно пойти и помочь, а в какие-то — лучше не надо, иначе загрузят и не выберешься. По благоразумию нужно поступать. Здесь не все так просто.

— *Батюшка, я хотела спросить об Иисусовой молитве... про внимание на первоначальном этапе. Есть ли польза, если молитва читается механически? Или обязательно, как вы говорите, сразу сердце подключать?*

— Сердце Господь подключает к молитве, сам никак не подключишь. На первых порах Иисусова молитва всегда будет иметь механический уклон. Сосредоточить внимание на Иисусовой молитве ты можешь только в короткие промежутки, потому что ум не стоит в сердце человека, он не стоит в той области, в которую ты его загоняешь, начинает искать развлечения. На Афоне часто практикуется быстрая молитва. Но эту молитву нужно обязательно чередовать с сердечной, чтобы не привыкнуть к такой механической молитве, потому что, если она усвоится, потом ты от нее не избавишься, она войдет в практику, это плохо.

— Как чередовать?

— Чередовать с внимательной молитвой. Быстрая молитва произносится, чтобы не было помыслов, она чередуется с медленной, в которую уже вкладывается внимание, ум. Быстрой молитвой помолился, помыслы отбросил и переходишь к внимательной молитве. Пока помыслы снова не начнут собираться, ты можешь молиться спокойно, а когда пустые помыслы начнут досаждают, опять переходишь к быстрой. Душа это автоматически чувствует, и сама двигается, переходит с одной молитвы на другую. Я у о. Гервасия спрашиваю: «Как ты молишься?» А он в ответ: «Как пойдет». Он правильно говорит, он не думает о том, как сейчас будет молиться. Устал ум от внимательной молитвы — перешел на быструю. Помолился, отдохнул — быстрая молитва дает разгрузку, можно не пребывать в праздности и одновременно отдохнуть — и перешел к медленной, сердечной молитве.

Оптинские старцы занимались одной сердечной молитвой, но четкого, ясного описания, как заниматься Иисусовой молитвой, в Оптиной пустыни я не видел, не читал. Они были загружены послушанием, у них был старец, поэтому у них, благодаря ему, не было пустых помыслов, которые бы их в беспокойство вводили. Им не нужна была быстрая молитва. А в наше время для русских монастырей, думаю, более правильная практика — чередование молитв. На одной только внимательной молитве построить свое спасение, свой подвиг не совсем целесообразно, так как ты своей волей часто ходишь. Быстрая молитва — для борьбы, она очищает ум и сердце для сердечной молитвы, поэтому без нее ничего не получится.

— Ее прямо во время работы творить или когда отдыхаешь?

— Все монашеские послушания связаны в основном с механической работой. Редко у кого-то из сестер интеллектуальное послушание. Гораздо сложнее заниматься Иисусовой молитвой на таких послушаниях. Во время физического труда Иисусова молитва не прерывается, и душа развивается, когда ты трудишься. В Дохиаре мы трудились с утра и до заката солнца. Там монахи все вечернюю службу знают наизусть — все стихиры, 103 пса-

лом и все остальное — они остаются на работе, собирают оливки, никто им не мешает, и про себя прочитывают всю службу. Иисусову молитву тоже нужно с чем-то чередовать, она тоже утомляет. Оттого что мы немощны, нужны и какие-то другие словословия. О. Паисия писал: когда уныние, печаль находили, он тропарики пел и другие песнопения, чтобы воспрянуть духом, и когда печаль уходила, он переходил на Иисусову молитву словесную, а потом и бессловесную.

— Батюшка, а Псалтырь еще читают?

— Читают. Главное тут — поймать дух Псалтыри. Псалтырь очень хорошо помогает, это песни, стихи, поэзия, а поэзия всегда связана с ритмикой, и когда эту ритмику поймаешь, тогда ум, сердце, чувства очень быстро погружаются в то, что ты читаешь, и начинаешь понимать, Господь начинает просвещать. Без этой ритмики тяжело понимать Псалтырь, чтение получается механическим. Русский перевод, может, передает смысл и более понятен, но он не передает поэзии, того, что было задумано. У пророка Давида, когда он на гуслях играл, это от души шло. Отец Михаил (Бирюков) писал рассказы о войне, о гонениях. Есть у него рассказ про батюшку, он в лагере сидел, за какую-то провинность его поставили под капель, и он заболел менингитом. Его положили в больницу, а потом как инвалида из лагеря отпустили, он вернулся домой. Там описывается, что он читал одну только Псалтырь. Читал, читал, и ему открылся дар прозорливости. Он многих к Богу привел, видел души людей, а читал одну Псалтырь. Кому как на сердце ляжет. Кто-то приходит и говорит, что Псалтырь не идет, а другое что-то идет. О. Кирилл говорил, что он через Евангелие с Богом соединяется. Он Иисусовой молитвы не знает, только через Евангелие. У батюшки сердце было живым, сострадательным, поэтому он впитывал слова Евангелия, понимал их и многие отрывки из Евангелия и Апостолов прямо наизусть зачитывал.

— У нас праздники такие тяжелые бывают, тяжело проходят для нас. Из колеи выбиваешься полностью и потом, пока набираешь силы, не молишься совсем, а когда становишься свободнее, тогда начинаешь молиться. Тут начинаются другие

праздники, и опять все теряешь. Так происходит периодически, и ничего не набираешь.

— Я думаю, заботы на праздники приносят такую пользу: ни о чем другом не думаешь, нет никаких мыслей. Главное, чтобы греховных помыслов не было.

— *А потом успокойнее, и уже стараешься молиться.*

— Господь всегда дает по нужде. Вот дать тебе все условия для молитвы, я думаю, тебя после этого нужно будет оттуда забирать. Ничего не получится. Молитва всегда требует от человека определенной подготовки. Это школа молитвы, и к молитве нужно приучаться, потому что просто сидеть молиться не получится, не настолько мы святые, не имеем мы настолько непрестанную молитву. Наша молитва во многом связана с нашим движением. В движении всегда легче молиться, потому что помыслы отсеиваются, и молитва становится более чистой. Во всех этих встрясках есть Промысел Божий. Они для того, чтоб человек приходил в себя от чуждых помыслов. Ведь такой распорядок везде есть. В Ватопеде пять или шесть панигеров. Каждый панигер они чистят, готовят, делают заготовки для гостей. Это очень тяжело, все это тоже выбивает, но у них есть и будничные дни, когда они могут восстановиться.

— *У нас помимо этого бывают дела: надо келью убраться, постирать, еще что-то сделать, а на это столько времени уходит, устаешь, и я тоже вечерние молитвы не читаю.*

— Ну, что делать? Только вы сами себе этих дел не набирайте, а то получится монашеское житие в бытовых вещах.

— *У меня послушание церковное и в богадельне. Порой не знаешь, как быть: и в церкви много работы, и богадельня нуждается в помощи. Как быть? В выходной хочется отдохнуть, а отдыхать совестно. И в то же время думаешь, что потом не хватит сил на послушание. Не знаешь, как поступить.*

— Если есть возможность, есть в монастыре глухие места, уходи и там молись. Если твой отдых связан с молитвой, с Богом, с Богообщением, то уходи, а если отдыхаешь, отлеживаешься — это не совсем правильно, начинаешь себя жалеть, а потом формируется привычка.

— *Видишь, что работы много, и совестно отдыхать.*

— Если есть возможность отдохнуть, можно и отдохнуть, всю работу не переделаешь. Если будешь молитвой заниматься, то молись. Если не можешь молиться, лучше иди и помоги. Если есть благословение, что можешь отдыхать, то отдыхай, не смущайся, работу сделают. Работа не ради работы, работа ради смирения, а то за работой погонишься и ничего не получится.

— *Но смирение не приобретается.*

— Работа очищает душу, но она не может заполнить ее, не может дать живое, болезнующее сердце. Сердце нужно заполнять. Ту пустоту, которую ты приобрела от работы, нужно заполнять. Через молитву или через сестер, через соприкосновение с ними, через любовь к ближнему идет ее наполнение, и приходит смирение. Смирения без болезнующего сердца не бывает. А когда ты выходишь на послушание как на повинность, это неправильно, тогда лучше тебе на эту работу не выходить. Люди в миру выходят на работу ради семьи, там есть жертва. Им эта работа, может, и не нужна, но ради семьи они ее делают. Здесь тебе эта работа тоже не нужна, но ты идешь, чтобы приобрести внутреннюю свободу, свободу от страстей, но ее нужно заполнить Божественным. Если этого заполнения нет, появляется повреждение.

Когда появляется озлобление? Когда человек устает, работа его выматывает и он еще соприкасается с теми, кто его жалеет, — такой бедный, несчастный, так загрузили работой, а если человек еще и внутри выпотрошенный, пустой, то реакция на эти передраги — озлобление. И пошло повреждение, уже не остановишь. Вроде и послушание нес, но в результате повредился. Когда человек вступает на путь послушания, своего внутреннего мира он часто не видит, не следит за ним, поэтому всегда должен быть контроль духовника. Если человек смиренным пришел, он еще может что-то приобрести, как-то развиваться, а если он не имеет таких понятий и не имеет должного смирения, то он озлобится. В монастырь приходят не только воцерковленные, но и невоцерковленные, мирские, и если они со своим укладом остаются, то к этому укладу они добавляют худшее приобретение —

озлобление. Духовная жизнь строится на законах. Нарушение этих законов влечет за собой повреждение. Как духовное развитие, так и отступление от него зависят от этих законов. Вот сейчас ты о чем говоришь? О том, что душа не наполняется. Ты идешь по грани, и неизвестно, влево или вправо перетянет, но так будешь идти до поры до времени. В какой-то момент все равно душа уклонится туда или сюда. Ты или обогатишься и твой помысел, твоя душа начнут обогащаться любовью, или начнешь озлобляться. И если ты начнешь умничать, рассудочность включишь, то твоя душа будет тоже отчуждаться и озлобляться, ты будешь видеть неправильность других и строить спасение своим умом, вот здесь к тебе дьявол прилепится.

В чем механизм послушания? Он опорожняет душу, но ее нужно заполнить. Этот шаг заполнения души — ответственный момент. Если человек пустит это заполнение на самотек, то может случиться повреждение, и тогда все — в самом начале повредишься, так и покатится, появится навык накопления нехорошего, злобного. Если прелесть исправляли трудом, то озлобленную душу так не исправишь. Если же там пошло и повреждение помысла, то человек будет спасаться только терпением самого себя. Такому человеку уже ничто не поможет.

— *Батюшка, вы сказали, что наполнение происходит через молитву, через сестер... Как это понять — через сестер?*

— Через любовь, через отношение к ближним. Когда ты сталкиваешься со своими ближними, ты сталкиваешься и с хорошими их качествами, и с плохими. У святых отцов сказано: через притирку друг к другу происходит совершенствование человека, когда человек начинает терпеть немощи других. Вот что такое: «Воля брата твоего — Божия воля»? Всегда делай шаг к исполнению воли ближнего своего. Цель всех послушаний — отсутствие своей воли, себяжаления. Если человек не отрубит себяжаление, он никогда не выйдет из плотской сферы, его ум, его чувства всегда будут склоняться к этим пристрастиям.

Пюхтица
26.07.2010

Беседа шестая

В мире появляется все больше сект и течений, которые увлекают людей и уводят на путь гибели, отторгают от Церкви. Недавно разговаривал с человеком, который проповедует неоязычество, то есть возвращение к религии предков, и говорит, что славяне — очень древний народ, у них была своя вера, а христианство — вера «пришлая», не наша. Люди, которые нетвердо стоят в христианстве и не усвоили духовные азы, поддаются соблазну. Мы все должны иметь твердые корни православия, христианства. Они кроются в знании Бога умом и опытным знании Бога нашим сердцем. Без этого внутреннего знания наша вера будет слабой. Вера, как и жизнь, не стоит на одном месте, она пребывает в движении. Христианин должен все время духовно развиваться, должен совершенствоваться. Христианское совершенство — это любовь и смирение. Если на своем жизненном пути мы приобретаем эти необходимые качества души, то идем верным путем к Богу. В этом случае мы сохраним веру до конца своих дней, каким бы искушениям ни подверглись со стороны плоти или со стороны соблазнов идеологических — других вер, другого восприятия этого мира и Бога. Каждый из нас должен время от времени присматриваться к своему внутреннему миру: что имеем и чего не имеем, каким я был вчера и какой сейчас.

Душа человека проходит путь борьбы и искушений. Преподобный Ефрем Сирийский говорит о том, что дьявол знает немощи каждого человека и одного держит за одни грехи, за одни страсти, другого — за другие. У каждого из нас есть страсти, пусть не большие, а какие-то маленькие, но все равно они есть. Наша душа как некий сосуд или водоем: если в нее бросать камни — наполнять страстями, она начнет волноваться и появятся волны. Если же бросать камни постоянно, вода никогда не успокоится, все время будет бурлить. Так и душа человека. Когда человек впадает в искушения, вода приходит в движение, то есть душа начинает жить этими страстями: сребролюбием, блудом, чем-то еще. Вот тогда

нужен покой, нужно оградить себя, уберечь от искушений, которые будоражат душу. Одного покаяния недостаточно, оно необходимо, но нужно еще и время, чтобы душа успокоилась. Когда в душу приходит мир, человек вновь соединяется с Богом.

К человеку часто приходят страстные, лукавые помыслы. Если они находят ответ в душе, если человек их принимает или оставляет без внимания, не отвергает, а пропускает в свою душу, то они, как червячок, который поселился в коре дерева, начинают ее точить. Эти помыслы проникают в ствол нашей души, там живут, понемногу сверлят и делают свое дело — пожирают и делают трухлявой нашу душу. Дерево красиво с виду, плодоносит, а внутри гнилое. Подует ветер — оно не выдержит и рухнет. Если в молодости или, может быть, в детстве, юности человек не отторг и принял помысел, то Господь устраивает его судьбу так, что человек впадает в искушения, и тогда таящийся внутри червячок — этот помысел — выходит наружу. Он открывается в грехах человека, в его падениях, страстях. И это милость Божия, благо, потому что через это Господь спасает душу человека, для Бога важно его внутреннее состояние, его внутреннее здоровье. Важен даже не грех, который он совершил, важен его внутренний мир. Человек живет, казалось бы, праведно, но потом что-то непонятное с ним происходит. Взять пример бывшего митрополита Киевского Филарета (Денисенко). Господь попустил — он чуть патриархом не стал. Когда же он отпал от Церкви, это было благом для него. Бог создал все условия, чтобы этот внутренний грех, этот помысел, эта гниль — гордыня, которая в нем жила — вышла наружу и раскрылась. Когда его запретили и лишили монашества, у него была возможность покаяться в гордости, но он не пошел этим путем, хотя прекрасно понимал ситуацию, и что самое плохое — остался в своем гнилом состоянии. Он не отверг свой поврежденный внутренний мир, он его удовлетворил. И это самое страшное. Господь благ, Он хочет, чтобы все люди спаслись, а спасение — это здоровье души, это смирение, это любовь. И Он эту гниль — гордыню, страсть — выводит наружу. Если с нами происходят какие-то искушения, приходит озлобле-

ние, то это Промысел Божий. Это не какая-то случайность, это Бог хочет нас исправить. И если человек не исправляется по внушению духовника или других людей, то через грех он сам может понять, вразумиться и исправиться. Суть в том, что любой лукавый помысел, который человек принимает, который не отвергает, остается внутри него, и от него нужно избавиться. Если человек от него не освобождается, он погибает. Промысел Божий, если человек спасается и любит Бога, обязательно откроет червоточину в его душе. Но чтобы избавиться от этого, нужны смирение и мужество.

Хочу еще поговорить с вами о послушании. Мы на эту тему уже говорили, когда я вернулся с Афона. Хочу затронуть эту тему вот по какой причине. Сейчас вышла книга архимандрита Лазаря (Абашидзе) «Голос заботливого предостережения». Эти слова — цитата из труда святителя Игнатия Брянчанинова, в котором речь идет о послушании. В общем-то, она является критикой книги «О послушании» отца Доримедонта (он на Афоне живет). В своей книге о. Доримедонт критиковал слова святителя Игнатия о том, что полного послушания старцу сейчас уже нет, нужно спасаться через Священное Писание, книги святых отцов, их поучения и таким образом двигаться к Богу, таким идти путем. Эту мысль святителя Игнатия он подверг критике, сказав, что необходимо слепое послушание — это истинное послушание. Архимандрит Лазарь, в свою очередь, критикует о. Доримедонта и утверждает, что святитель Игнатий правильно написал. Это кратко о книгах.

Относительно книги «О послушании» о. Доримедонта скажу, что он не совсем прав. Святитель Игнатий делился опытом своей жизни, и он верен, им может и должно пользоваться русское монашество. Отец Лазарь приводит много примеров и подтверждает, что святитель Игнатий писал правильно: есть путь спасения по Священному Писанию и по святым отцам, это тоже послушание. В то же время о. Доримедонт пишет о слепом послушании и тоже исходит из собственного опыта. Такое послушание действительно на Афоне есть. Архимандрит Лазарь

подверг критике слепое послушание, сказав, что его уже нет и на него опираться нельзя. Когда речь идет о Ефреме Катунаском, Иосифе Исихасте и о послушании, он говорит, что это не слепое послушание. Здесь о. Лазарь неправ. Он делает ту же ошибку, что и о. Доримедонт. Он говорит о том, чем сам не жил, чего сам не испытал. Архимандрит Лазарь действительно знает послушание по святителю Игнатию, но послушания афонского он не знает, ему оно непонятно, однако он подверг критике послушание отцов, которые там подвизались. В своей книге он критикует афонское послушание. Он напоминает, что отец Ефрем и его старец были зилотами. Отец Ефрем настоял на том, чтобы перейти в православие, но старец все время роптал и хотел вернуться к зилотизму. В этот момент о. Ефрем потерял внутренний покой, потерял благодать. Он пошел к старцу Гавриилу в Дионисиат спросить, как надо поступить. Тот ему ответил: «Упокой своего старца», то есть поступи так, как он тебе говорит. Отец Ефрем принял решение вернуться к зилотам, хотя, по свидетельствам, был голос от Бога: «Идите в Константинопольскую Церковь». Однако законы послушания говорят о том, что нужно слушаться старца. И он поступил так, как они говорили. Для о. Лазаря этот переход был непонятен: как можно было исполнить послушание, но отступить от православия и идти в погибель? Он о. Ефрема критикует — он послушался, хотя это был каприз старца, а когда у них не хватало воды, то настоял на том, чтобы построить цистерну для сбора воды. О каком тогда послушании идет речь? Это вообще не послушание. В житии сказано, что хоть он и настоял, чтобы поставили цистерну, принудил старца согласиться, а старец не хотел и был недоволен, зато в келии была вода, не надо было ее издалека носить. Здесь о. Лазарь открывает свое непонимание того послушания, того духа, который процветает на Святой Горе.

Речь о том, что у старца есть дух. Когда о. Ефрем настаивал на православии, он давил любовь старца, он принуждал, от чего сам повредился, потому что любовь, я вам говорил, очень нежная, хрупкая. Когда он настаивал на своем и ломал дух старца, он сам

себе повредил; восстановиться можно было единственным путем — опять подчиниться духу своего старца. Ситуация же с водой житейская, здесь можно было настаивать на своем, и старец в итоге это принял, смирился и был очень даже доволен. Афонское послушание, которое святые отцы называют слепым послушанием, — это семейное послушание, это чувство семьи. В семье всегда один общий дух, который исходит от главы семьи — от старца. Но семья — это не тюрьма, здесь нет тупого подчинения, всем управляет любовь. Старец в простых бытовых ситуациях не настаивает, не давит своих чад, и такое, можно сказать, непослушание в духе любви происходит.

Заострю ваше внимание на этих двух послушаниях: одно послушание — по Священному Писанию, по святым отцам; второе, живое послушание — это духовник и чадо, в послушание внедряется любовь. При этом духовник может быть совсем не святой жизни, он может быть обычным человеком; главное, чтобы от него исходила любовь. Когда у старца Паисия спросили: «У кого можно окормляться?», он ответил: «У человека, у которого не поврежден помысел, у которого есть связь с Богом». Человек может иметь свои немощи, это не становится препятствием для исполнения слепого послушания. В России тоже была школа слепого послушания. Это практика Оптиной пустыни. Когда отец Лев (Наголкин) пришел в Оптину, он насадил там это древнее послушание, эту схему — старец-послушник. После этого началось преемство. Интересный момент — жизнь келейника была очень суетной, как в миру, народ постоянно приходил. Сам о. Амвросий вспоминал, что времени хватало только правило исполнить, а остальное — суета, народ приходил. При этом старцы были прозорливы, были молитвенниками и жили в любви. Как могло это быть: человек не уединялся в келии, не уходил в затвор и при этом был совершенен? Можно сказать лишь одно — существовала вот эта правильная связь послушника и старца. На основании своего опыта скажу, что афонская практика старчества помогает быстрому взлету, быстрому очищению души — человек очень легко соединяется с Богом. В какой бы суете ты ни

оказался, в каких бы трудах ни был, ты летаешь как на крыльях. В Глинковской пустыни такая же была история: такая же суета, столько же людей, но при этом был духовный расцвет, потому что эта древняя система послушания сохранялась. Есть еще понятие преемства, означающее: дух старца передается послушнику. Такое действительно есть. Это дух любви, молитвы, послушания. Господь многие дары — прозорливость, молитву — дает для окормления людей. При этом человек был чист сердцем.

Мне хотелось бы возродить это семейное послушание, афонское, древнее, хотя в полной мере, конечно, эта схема не работает, но все равно я чувствую, что этот дух послушания соединяет меня и многих из вас. В то же время я не отвергаю и другой путь — жизнь по святоотеческим книгам, по Священному Писанию, подчинение священноначалию, друг другу. Выбор зависит от души человека и от его характера. В основе наших с вами отношений — обе системы послушания, и они, в общем-то, работают. Не надо смущаться, если что-то будет не так. Пусть каждый следует своему внутреннему призванию и находится в послушании, как подсказывает ему его сердце.

— *Не очень понятна разница между афонским семейным послушанием и послушанием по святителю Игнатию.*

— Афонское семейное послушание дает быстрый взлет душе, она быстро очищается и не имеет задних помыслов. Когда человек живет по другой системе послушания, ему предоставляется некоторая свобода. Есть еще один момент. Помните, я говорил, как на Афоне замечал, что послушники становятся похожими на своего старца даже внешне, походкой, речью, всем, то есть они становятся похожими как отец и сыновья, они становятся его детьми, хотя не родные друг другу. Но главное, что послушник перенимает внутреннюю схожесть со своим старцем, склад его души. Послушание по святителю Игнатию предоставляет свободу, поэтому человек претерпевает гораздо больше скорбей и искушений, подводных течений, борьбы. Этот путь к Богу очень тернист и долог. Всегда говорилось, что в таком семейном, древнем послушании идет быстрый взлет. Помню рассказы о старце

Сампсоне (Сиверсе), у него было это семейное, древнее послушание. Когда старец умер, его чада не могли найти себе старца по духу, потому что этой традиции, этого семейного послушания не было. Были хорошие духовники и о. Кирилл, но такого послушания, как у о. Сампсона, к тому времени практически не было.

Каждый духовник передает свой опыт — что имеет, то и дает своим чадам. Я боюсь духовных ошибок: благословения, которые исходят от духовника, могут повредить человеку, поэтому я всегда стараюсь дать человеку по его силам, по его душе, столько, сколько он может принять. Даже когда внутреннее устройство человека не совсем правильное, путь исправления души не должен быть мгновенным. Нельзя сразу ломать, надо постепенно, понемногу, потихоньку, и человек сам придет в норму, придет к правильному устройению.

Я хотел бы, конечно, насколько это возможно, оживить эту практику послушания, чтобы вы сами ее почувствовали, запомнили и сохранили. Мне давали слушать воспоминания монахини Димитрии. Я думаю, что в те послереволюционные годы в монастыре еще в какой-то степени был этот семейный уклад. Старца не было, но это чутье, этот опыт все равно жил, он оставался среди сестер. И если обычная схема — духовник-чадо, то здесь была связь — сестра-сестра. Эта связь, таким образом, жива. Может быть, и не было этого центра — духовника, но семейный уклад сохранялся и любовь в сестрах жила. Этот уклад жизни в монастыре в принципе сохранился. У старших сестер этот дух любви, послушания был особенно заметен. Сейчас это перешло другим сестрам. Хочу сказать старшим сестрам: в отношениях с младшими имейте любовь, чтобы послушницы впитывали в себя этот монастырский дух. Когда я благословляю не по любви, потом Бога прошу, чтобы Он не попустил исполниться моей воле, — даже если я правильно говорю, но без любви и настаиваю, ломаю волю человека, это неправильно. Даже если цели хорошие, добрые, но насаждаются силой, в душе происходит отторжение, повреждение, и потом ей нужно время, чтобы прийти в себя, успокоиться и опять начать свое движение в Боге. Я хочу попро-

сильно вас: не идите как ежики в тумане, а взлетайте как птички. Старайтесь чувствовать и понимать, действительно ли вы находитесь в корабле спасения.

— Батюшка, я прочитала в одной из книг, что некоторые святые любили страдания, болезни, были преподобные, которые имели раны и не обращали на них внимания. А бывает, человек думает, что живет с Богом, а на самом деле находится в прелестном состоянии.

— В последнее время все больше стал думать о моем отходе из этой жизни. Я прекрасно осознаю, что душа как лента, на которой запечатлены все события моей жизни, вижу, что вся она — один грех, что душа склонна ко злу, любит это зло и живет им. Я смотрю со стороны на свою душу и вижу, как Христос на нее смотрит, как Он видит ее. Обращаюсь к Богу и говорю: «Господи, я недостойн рая, я недостойн быть с Тобой, потому что я такой. Как Ты хочешь, так и поступи со мной: хочешь — возьми меня к Себе, в Свой рай, а хочешь — опусти в ад. Но куда бы Ты меня ни отправил, я буду Тебя любить». Вот это все чаще и чаще предстает перед взором, и слезы сами накатываются. Тут один момент — душа плачет о своих грехах, и второй момент — она плачет от любви к Богу, то есть душа переживает одновременно и скорбь, и радость, радость любви. Я вам говорил, что у православных безумная вера, которая не подлежит никакой логике, и в одном порыве соединяются радость и скорбь.

У прп. Исаака Сирина есть фраза: «Раньше в Сирии монах назывался плачущим». Это было естественным у монахов, слезы бывали разные: новоначальные, промежуточные и совершенные. У него эти уровни слез описываются. Монах в первую очередь определялся, опознавался по слезам, поэтому преподобный и говорит, что плач рождается из покаяния, видения своих грехов или когда ум человека просвещается мыслями свыше, или от любви к Богу. Когда человек обретает смирение, он может распознавать помыслы — откуда они. Духовнику нужно распознать помыслы, понять, откуда он, а пришедшему на исповедь — принять это как волю Божию, как истину.

— У нас мысли, батюшка, заняты работой: какие праздники будут, как справиться, как людей покормить, чтоб все хорошо было.

— Однажды, когда я в Дохиаре был, отец Григорий, игумен монастыря, рассказывал в трапезной после обеда эпизод из жизни старца Филофея (Зервакоса). Старец ел хлеб, открыл рот и застыл. И так старец сидел минуту, две, три. Послушник смотрит, а тот в созерцание ушел. Прошло какое-то время, он в себя пришел, и послушник его спросил: «Старец, где ты был?» Он отвечал: «Я вкушал небесный хлеб». Человек видит какие-то вещи, предметы, и в то же время он начинает через этот мир видеть Тот. Вот ты зажигаешь свечи, и у совершенного монаха по идее должна появляться ассоциация с Горним миром. Еще отмечу, что есть два состояния в обычной бытовой жизни: некая умеренная неряшливость и чистота до блеска. В первом случае душевный настрой — не привязываться ни к чему земному, тебя здесь ничто ни привлекает, поэтому все остается немного невзрачным. И наоборот, когда все блестит, нужно иметь более совершенный дух и себя настраивать — Царство Небесное такое же чистое, надо, чтоб и душа такой же была. Если такого созерцания, понимания, чувствования нет, то этот порядок будет отвлекать от внутреннего мира. Любой вариант нужно воспринимать по-доброму и с мудростью.

— Батюшка, когда как успеешь: успел — порядок будет, не успел — будет непорядок.

— Как получится, что ж поделаешь. Не получается, чтобы всегда ровно было. У нас только у матери Евфалии ровно, она спасается, давно уже в Горнем мире, в этом мире не живет уже.

— Батюшка, прочитала, что великие старцы искали совершенного послушания, а Господь им не дал по какой-то причине. Они много страдали по этому поводу, мучения претерпевали, даже старец Паусий. Такие примеры приводятся.

— Послушники старцами становятся, поэтому если человек ищет исполнения воли Божией, он станет старцем. На протяжении всей истории Церкви бывали рассветы и закаты. Господь

возбуждал сердце послушника, и он начинал искать полного послушания воле Божией, чтобы этот огонь ревности по Бозе не погас в нем. Господь устраивал его путь: давал духовного отца, благодаря которому он нес свое послушание, или человек сам смирялся и совершенствовался в подвигах и скорбях. Бог всегда выдвигал людей, которые искали истинного послушания.

— Я к тому, что они в одно время жили. К отцу Серафиму, кажется, Антоний приезжал и искал этого совершенного послушания. Но старец открыл ему, что нет воли Божией пребывать ему в этом послушании. В то же время его сестры дивеевские пребывали в полном послушании.

— Они пребывали, но он им сразу сказал — когда я отойду, вы останетесь сиротами. Тогда они сиротами-то не были, отец у них был.

— Я о том, что в одно и то же время Господь одним дал послушание, а другим — нет, хотя и те, и другие хотели его.

— Даже дивеевские сестры во всей полноте не познали его. Они прикоснулись к этому, потому что преподобный Серафим был их старцем, но больше никогда этого не имели, только в самом начале эту основу получили, но там все время такие искушения и скорби были. Возрождение проходило вспышками, и у о. Доримедонта, в общем-то, правильная мысль. Он говорит, что возрождение слепого послушания возможно даже в преддверии прихода Антихриста.

— Во времена гонений были священномученики, у них было много духовных чад.

— Да, был и отец Алексей (Мечёв), московский батюшка, у него окормлялась матушка Иулиания (Соколова), очень хорошей жизни была. В Лавре много икон написала. Дух любви, мира был у нее, и благодаря ей иконописная школа в Московской духовной академии возродилась.

— Такое время было, монахов разогнали, они жили, где придется. Эта система должна работать и в самом монастыре.

— Эта система может работать везде: и в миру, и в монастыре. Одно зависит от старцев, а другое — от самого человека, кото-

рый находится в послушании, не каждый может нести полное послушание. Я вам рассказывал, что из Латвии приезжают люди, у которых есть большая склонность к этому древнему послушанию. Я не знаю, откуда она. У них пустынька, где жили отец Таврион, отец Косьма. Там сохранялось такое послушание, это уже семья. Латвия, Эстония — оазисы православия. Я говорю об этом не потому, что они там святые или больше молятся и меньше грешат, не из-за этого, а именно благодаря послушанию. В России сейчас все разрознено, каждый живет сам по себе, поэтому очень много повреждений. Там нет этой ячейки. В храм пришел, помолился, поисповедался, причастился и ушел. Никто никого там не знает, и нет желания быть вместе.

— Есть, наверное, где-то общинки?

— Что-то есть, конечно.

— Батюшка, в этой книге есть интересный пример. В Дивеево матушка игуменья не благословляла старишю по кухне давать хлеб сестрам. Преподобный Серафим сказал, что надо было потихоньку давать и тем бы спаслась.

— Мысль правильная, потому что нарушается закон любви. Цель послушания в чем? Чтобы любовь жила, чтобы она развивалась, а если послушание не следует закону любви, человек начинает ломаться. Вот преподобный Серафим и указывает на то, что нужно жить истинным послушанием, о котором святитель Игнатий говорит, — рассуждением.

Пюхтица

30.08.2010

Беседа седьмая

Сегодня мы опять собрались, и наша беседа будет о переживаниях души. Когда ты их замечаешь, то осознаешь, что внутри тебя происходит. В каждой беседе — наш личный опыт. Я призывал вас обращать внимание на свой внутренний мир. Ум должен внимать движениям сердечным. Мы уже не раз беседовали на эти темы, но я и сегодня хотел бы более подробно об этом поговорить.

Смысл человеческой жизни — в спасении, то есть в соединении с Богом. В этом вся суть нашей жизни, всех страданий и мук. Этот вопрос самый главный, самый значимый. Спасение, в общем-то, состоит из трех ступеней. Одна ступень — это навык: навык молитвы, навык церковной жизни, навык устремления к Богу, к любви. Вторая — это аскеза, то есть внутреннее напряжение, которое делает человека трезвенным бойцом, воином. И третья ступень — это болезнующее сердце. Сердце, которое внимает Богу, которое внимает страданиям и Божественным, и человеческим. Живое сердце. Я думаю, что эти три ступени основные, и хочу каждую из них разобрать отдельно.

Самая главная ступень, без которой не будет спасения, — это болезнующее сердце. Только сердце может вмещать в себя Бога, только оно может жить с Ним, потому что Бог есть любовь. Христос сказал: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем». Господь указывает, что главное — сердце, его суть, а это кротость и смирение. Он не говорит об уме или внешних проявлениях жизни, а только о внутреннем, о сердце. Я думаю, это основное, то, ради чего все и крутится вокруг, ради чего мы живем. Главное, чтобы заработало, обогатилось Богом сердце и открыло в смирении и кротости свои створки, чтобы вместить любовь Божию. Ради этого — вся наша жизнь, все наши подвиги и все, что нас окружает, все, что нами движет.

Чтобы сердце заработало, стало болезндовать, необходимо исполнять какие-то законы. Один из них — это навык. Это первая, основная и, можно сказать, базовая ступень, которая является

основой для остальных. Навык делает нас целеустремленными. Жизнь становится не хаотичной, не беспорядочной, а направленной на главное, основное — на обретение Царствия Небесного. А это значит отрешение от внешней жизни и сосредоточенность на внутренней. Это скорее некий механический навык, в котором участвует больше наш ум, наша воля, наше тело, а сердце при этом может оставаться холодным.

Вторая ступень — это аскеза, внутреннее напряжение. Отцы говорят, что надо идти средним путем, то есть делать по своим силам и чуть-чуть сверх того. Вот тогда и происходит духовное обогащение: ум и сердце укрепляются в стоянии в Боге, и появляется внутреннее трезвение. Эта ступень тоже необходима в деле спасения. Если она отсутствует, если наша плоть, а за ней и душа не трезвятся, не находятся в добром, хорошем напряжении, то весь наш внутренний мир ослабевает. В таком случае слова, события, скорби, чтение Евангелия или житий святых не доходят до нашего сердца, они остаются на уровне ума и воспринимаются поверхностно. Когда же душа пребывает в хорошем, нужном напряжении, она помогает и сердцу быть активным, живым. И вот когда посредством поклонов, поста, послушания монастырского наше тело начинает пребывать в подтянутом состоянии, оно заставляет и душу быть чуткой и живой. Душу приводят в такое же состояние болезни и скорби. В этом случае тело может быть изнеженным и не приученным к аскезе, но душа при этом будет трезвиться. Когда человек переживает и болеет физически, от тела переходит напряжение на душу. Ее приводят в напряжение разные причины, и они — в руке Божией.

Многие становились святыми не от аскетических подвигов, а от каких-то скорбей или болезней. В житиях святых часто говорится о телесном подвиге. В наше время все больше будет приходиться скорбей и болезней, от них будет напрягаться наша душа. Скорбь или болезнь приносят боль, и это напряжение человек может воспринять по-разному: претворить в добро и обратить свой помысел от боли к Богу, смирить его и сделать добрым или от этой боли, от этой скорби ожесточить свое сердце и сделать

помысел злым, ожесточенным. В аскезе телесной тело приходит в изнеможение, и душа напрягается. Тут не нужно особого рассуждения или наблюдения за страстями. Хотя отцы говорят, что и аскеза может приводить не к Богу, а к дьяволу, то есть подвиг телесный, который человек совершает, тоже может быть прелестным. Здесь, я думаю, речь о том, что подвиг совершается не ради смирения, не ради любви, подвиг ради подвига. Тут гордыня — «я могу», я такой сильный. В житийных материалах ошибка подвижающегося была именно в этом: подвиг был направлен не на приобретение смирения и любви и уходил в количество, не в качество. «Я могу, а ты не можешь», — и появлялась гордость. И от этого человек не спасался, а, наоборот, погибал.

Всегда смотрите, что Господь с вами творит, каким путем ведет вас к Себе. Кому-то Он дает путь подвига аскетического, а кому-то — путь скорбей. Но отцы говорили, что в последние времена тот аскетический путь, которым шли первые отцы, отойдет, люди не смогут его понести. Скорби и болезни заменят этот более трудовой путь. Итог должен быть один — человеку нужно приобрести трезвение, постоянное стояние в Боге.

Хочу подвести итог, сказать еще немного о ступенях и построить некую лестницу. Первая необходимая ступень — это навык, который закрепляется в памяти, уме человека, это наше волеизъявление. За этим следует стояние в этом навыке, в этом стремлении, чтобы сердце имело постоянную подпитку от ума. Камень можно раздробить каплей, которая постоянно капает и — кап-кап-кап — потихоньку-потихоньку разбивает этот жесткий камень. Как говорят, вода камень точит. Нужно создать напряжение, оно необходимо, и тогда поток эмоций и мыслей устремится к сердцу. Само сердце при этом может оставаться холодным, может реагировать и добром, и злом на происходящие вокруг события. Оно еще не устоявшееся, жесткое, может, еще неживое, и эта аскеза, эта постоянная капля необходима, и Божий Промысел о нас — наши скорби и переживания. Все это ради того, чтобы сердце заработало и стало живым. Если какие-либо отступления и бывают, то они должны быть кратковременны; вот как сердце у здо-

рового человека — бывает, дает сбой, но быстро возвращается в свой ритм. Так и тут: что-то кольнет наши чувства, но потом они быстро возвращаются к любви. Главное, чтобы эти сбои не были постоянными, а редкие сердечные выпадения могут быть.

Со временем сердце уже знает, каким оно должно быть, ощущает волю Божию и состояния любви не теряет. Мы всегда говорим, что спасаемся через исполнение воли Божией, а исполняет ее сердце человека. Когда человек ощущает, чего Бог хочет от него, что Бог дает, а что отнимает, он чувствует Его руку. Вот такую внутреннюю схему, схему спасения я хотел вам описать. Бывают случаи, когда человек минует одну или обе эти ступеньки, и сразу приходит третья. Бывает, но редко. Общий путь, которым в основном все идут, проходит по этим трем ступенькам. Но бывает и сразу — когда сердце не повреждено и соприкасается с благодатью Божией, оно ею живет, ею горит и уже не теряет благодать, эту Божию любовь.

Прелесть уводит от главного, от смысла жизни; она мешает сердцу стать любящим, плачущим, соболезнующим. Когда в душу приходит дьявол, сердце каменеет, становится бесчувственным и неправильно реагирует на мысли, события, скорби, болезни, которые приходят к человеку. Прелесть очень часто выражается через помысел человека. Когда душа повреждается прелестью, повреждается и помысел. Бывает, исповедуешь бесноватых людей и сталкиваешься с тем, что их помысел поврежден. К сожалению, приходится констатировать тот факт, что поврежденный помысел встречается все чаще и чаще и у людей небесноватых. У многих повреждается помысел, из-за этого искажается видение Бога и Промысла Божьего. Если человек верующий, он думает, что идет к Богу, исполняет волю Божию, а на самом деле исполняет волю дьявола. А если неверующий, то у него все переключается на страсти или психические заболевания.

Конечно, мне бы очень хотелось видеть каждого из вас спасающимся, стоящим на этих ступеньках спасения. Обычно поднимаются на все эти ступени сразу, но бывает и так, что люди становятся только на первую ступеньку, и на этом их путь спасения

заканчивается. Они получают какие-то навыки в молитве, появляется какая-то привычка, и дальше этого не идет. А бывает, что и вторая ступенька задействована, но нужно идти к третьей. Если человек не доходит до третьей ступени, а остается на этих двух уровнях, то Господь, может, и спасает, но тех духовных плодов, которые Он дает трудящемуся, спасающемуся, не вкушает. Вышла книга «Жития мирян», греческих, в одном из житий говорится о том, что если человек подвизается, старается, тянется к Богу, то Господь уже ближе к его концу воздает ему и человек вкушает дары Святого Духа. Трудящийся достоин вознаграждения, и его путь должен быть увенчан дарами Святого Духа. Душа открывается, она уже созрела, она может принять в себя благодать Божию и не только держать ее в себе, но и отдавать людям. Благодать открывается по-разному, она проявляет себя в прозорливости, в исцелении бесноватых или больных. Она часто проявляется в добром, бесстрастном сердце, в бескорыстии, любви, самопожертвовании — это тоже дары Святого Духа, хотя они и не так явно выражены. Такие дары, как прозорливость, исцеление, раскрываются в общении с другими людьми и подвергаются искушению тщеславию, а дары любви принадлежат только сердцу человека, его внутреннему миру.

Хочу еще поговорить с вами о помыслах. Когда человек теряет трезвение, то есть вторую ступеньку, необходимое напряжение, вражьи помыслы начинают проникать в душу, и он становится склонен к мечтательности. Когда же человек начинает уже вкушать соки этой мечтательности, душа попадает в другой мир и теряет реальность. Всегда, когда ум становится мечтательным и теряет трезвение, душа становится подобна помойке, словно все хорошее из нее вытащили и облили помоями. В этом состоянии она может находиться какое-то время, сколько — зависит от самих мечтаний и от того, сколько наслаждалась ими душа. Очищение зависит от нашего подвига — нужно потрудиться, чтобы благодать Божия вновь посетила нас и привела душу к покаянному чувству, а сердце опять заработало в своем живом ритме. Таким образом, вторая ступенька нужна для того, чтобы

не допустить прелести и дьявольских помыслов в душу. Если она отсутствует, мы будем все время кувыркаться в этой скверне. Самое плохое, что у души есть одна особенность: если ты пропустишь эти страстные помыслы внутрь себя, она их запоминает. Даже если ей было плохо от них, она одновременно ими услаждалась. И если приходят те же помыслы и не находят отпора, они снова входят и производят то же действие, что и ранее, и душа вновь получает ту же скверну. Легче дать им отпор в первый раз, тогда душа останется чистой и не будет знать этой скверны и притяжения страстных, худых мыслей. Но если она это уже вкусила, то нужен подвиг, чтобы противостоять этим помыслам. Это уже борьба. Страстный помысел не уходит, он имеет над тобой власть. Ему уже не скажешь: «Я тебя не знаю», потому что душа ответит: «Знаю-знаю». Помысел начинает долбить, он может долбить долго и упорно, и в этот момент нужно это понять, почувствовать и не дать ему войти. Если дать себе послабление, то он пройдет внутрь и душа опять осквернится. Так может продолжаться очень долго, поэтому, если попались на дьявольскую приманку, без подвига, без труда уже не обойдешься. Здесь необходимо самопожертвование. А если у тебя любовь к своей плоти, к таким услаждениям и чувствам, то никогда не освободишься.

Ко мне в скит парень как-то пришел и сказал: «Батюшка, я наркоман, не такой наркоман, чтобы колоться, но мне было интересно почувствовать другое состояние, соприкоснуться с дьяволом». Он говорит правильно. Когда человек открывает свою душу для каких-то страстей, он соприкасается не только с пришедшей к нему страстью, но и с другой сущностью, входит в другой мир. Этот человек хотел соприкоснуться с другим миром, в этом он прав. Я думал о том, что происходит, когда дьявол входит внутрь человека. Чем отличается бесноватый от человека, в которого входят страстные помыслы? В душу человека дьявол не может войти, он поработает тело. Душа неприкосновенна, она остается до конца своих дней с Богом, это Его царство, Его мир. Душа может только дать согласие на то, чтобы внутрь человека

вошел дьявол, тогда он становится бесноватым, или это происходит по поущению Божьему. Бесноватость нужно отличать от дьявольских помыслов, которыми человек может жить. Думаю, неправильно сказать, что дьявол входит внутрь и там пребывает, — это неверно, это что-то другое. Но когда человек впускает в себя эти страстные помыслы, дьявол обретает над ним такую же власть, как и при порабощении тела. Страстное порабощение гораздо хуже, оно влияет на спасение. Если бесноватый может спастись — это не затрагивает его сердце и чувства, то здесь человек добровольно впускает страстные помыслы и порабощается страстями, и это уже влияет на его спасение. У святых отцов сказано, что бесноватые через свою скорбь, страдание спасутся. О страстных же людях и отцы, и Евангелие говорят, что это погибельное состояние. Бесноватый беснуется не по своей воле, а здесь воля дьявольская добровольно исполняется человеком. Это самое плохое, и для дьявола более ценно.

В Древнем патерике приводился пример. Сын жреца увидел в храме, как восседает дьявол, а бесы приходят и дают отчет о том, что сделали. Один во время свадьбы учинил раздор, и произошло убийство. Он спросил: «Сколько времени у тебя пошло?» — «День». — «Наказать, очень медленно!» Другой потопил корабль, тоже медленно — «Наказать!» Пришел третий и рассказал, что 30 лет он соблазнял монаха и тот пал. Дьявол от радости посадил этого беса себе на колени и одарил всячески. Понимаете, бес не входил в монаха, он волю его поработил, надломал. Монах — слугитель Божий — отошел от Бога и впустил в себя дьявола. Это состояние погибельно для человека и в житии упоминается. Помысл человека, состояние его души очень важны для спасения. Если он потеряет чувство присутствия Божьего, то придут дьявольские помыслы, страстные, горделивые, которые ведут к отступлению от заповедей Божьих и от Бога. И благодать Божия оставляет человека.

Есть ли у вас вопросы? Вы читаете, думаете, живете монашеской жизнью. Может быть, вы не согласны с чем-то или есть дополнения к моим словам?

— Батюшка, а тот человек, который хотел соприкоснуться с другой реальностью, бросит наркотики?

— Он-то бросит, но не так это просто. Чтобы бросить, нужно приобрести другой, Божий мир. Это огромный труд. А повреждение уже есть в сердце человека. Очень тяжело, очень трудно.

— А к вере он пришел?

— Там вихрь мыслей, желаний, непонимание смысла жизни. Я все чаще и чаще сталкиваюсь в своей жизни и священнической практике с людьми хорошими, очень хорошими, которые смысла жизни не понимают и не ищут. И каким бы такой человек ни был хорошим, добрым, он будет пропускать дьявольские мысли, а они ведут к отторжению от Бога, к нарушению заповедей Божьих, иногда ради какого-то блага, ради какой-то непонятной любви.

— Это состояние исцелимо или уже навсегда?

— Повреждение повреждению рознь, но оно всегда оставляет отпечаток в душе. Бывают повреждения, оставляющие очень глубокий след. Человек спасается, но всю полноту любви Божией уже не может вместить. Есть повреждения не такие неизгладимые, к ним можно в какой-то степени отнести страстные, блудные, связанные с плотью. Хотя прп. Иоанн Лествичник говорит, что если было падение, то уже не может быть полной чистоты. Но в творениях святых отцов все же есть примеры, когда люди покаянием и своими подвигами достигали еще большей высоты. В общем, насколько я понимаю, страстные повреждения можно изгладить. Но повреждения, касающиеся области духа, — а дух повреждает гордость — оставляют отпечаток на всю жизнь. Человек спасается, но до конца ощутить, вместить в себя любовь Божию не может. Все зависит от глубины повреждения. У того же прп. Иоанна Лествичника написано, что если кто-то приносит покаяние в ереси, то по уставу через 40 дней он уже может приступать к святым Таинствам, а если во блуде, то на 15 лет отлучают. Думаю, здесь многое зависит от того, насколько человек был пропитан этой ересью, насколько она пустила корни.

Возможно, это было лишь принятие мысли, но повреждение может коснуться и духа. Искренние баптисты, протестанты, если они всем этим жили, а потом приняли православие, сохраняют несколько иное восприятие Бога, эти корни остаются. Форму меняют, а прежняя суть сохраняется. Так же и старообрядцы, если они глубинно верили и исповедовали свою веру: они принимают православие, но этот дух у них все равно присутствует.

— *Это касается всех переходящих из других конфессий в православие?*

— Если они уходили глубоко, прочувствовали свою веру, то, в общем-то, да. Если человек просто изучал поверхностно, то для него это не повреждение. Если бы он остался там, то да. А он вышел, и ничего. Вот как говорят о немцах? Если они принимают что-то искренне, то уходят в это полностью, всей душой и становятся глубоко верующими. Это их национальная черта. Они в основном протестанты, евангелисты, но, когда переходят в православие, у них серьезное обращение происходит. Жития святых рассказывают о том, как языческие жрецы принимали христианство и становились подвижниками. Те корни языческие были немного иными, чем сейчас. Это уже история. А нынешнее неоязычество — это уродство, дух противления православию, христианству.

— *Каковы причины озлобления?*

— Причины могут быть разными. На основании собственного опыта могу сказать, что это бывает, когда начинаешь чрезмерно усердствовать, молиться, трезвиться, чересчур серьезным быть. Начинаешь искусственно себя напрягать и чувствуешь, что внутри себя замыкаешься. Молишься, молишься, а до живой жизни, до того, что вокруг тебя происходит тебе вроде и дела нет, сердце отчуждается. Когда ты сам в себе заключился, ни с кем не разговариваешь, постоянно в таком сжатом состоянии, то через какое-то время — через день или два — чувствуешь, что ты озлобился, то есть тебя уже начинает раздражать, если кто-то что-то не так делает или тебя о чем-то спрашивают, мельтешат перед глазами и тому подобное. Происходящие со-

бытия пытаются вывести тебя из внутреннего мира во внешний, и это начинает раздражать и озлоблять. Пока сердце не приобрело смирения, не ожило в любви, в добре, не стало живым, такое самозаключение приводит к озлоблению. Это прелестное состояние, оно не угодно Богу. Тишина в сердце приходит от скорбей, от внутренних переживаний, и это от Бога. Тогда она сама ляжет на сердце, будет внутренний покой, исихия сердечная, и события, происходящие вокруг тебя, будут давать пищу для внутреннего покоя, для твоего единения с Богом и не будут выводить из себя.

Помню, служили, в алтаре стоял и в себя погрузился, а старший меня спросил: «Что ты так? Ты чего?» Это сразу стало заметно, и я понял, что что-то делаю не так, так не должно быть. Бог — это любовь, милосердие, а какое тут милосердие? Раздражение какое-то, озлобление, прелестное состояние. Все в свое время приходит, поэтому искусственно создавать мир в своей душе и заключаться в себя не надо. Господь Сам Своей Любовью притягивает человека к Себе. Я как-то рассказывал вам, как у о. Гервасия спросил: «Геронда, скажи, как ты Иисусову молитву творишь? Погружаешь в сердце свой ум?» Он смотрел, смотрел и ответил: «Как пойдет». И он прав. Когда силы есть и ум трезвый, то он погружается внутрь и там молится. Когда же устают, выходит и уже словесной молитвой живет. При этом душа сохраняет свое правильное, нормальное устройство, не перенапрягается. Кто уже достиг высот, тот погружается внутрь себя и в этой любви, в этой исихии стоит. Но когда я не достиг этого, а искусственным путем себя заставляю, я поврежусь, и Господь меня накажет, так как взошел на духовный крест, не пройдя телесного. Может быть озлобление и от других причин. Я вам сейчас рассказал о том, что сам испытал.

— *Батюшка, а если не имеешь сердечной молитвы и просто молишься? Имеет силу такая молитва?*

— В прошлый раз мы говорили о том, что все время оставаться на ступени механической молитвы не надо, сердце должно участвовать. Пусть оно участвует, необязательно в молитве, пусть

переживает. У прп. Исаака Сирина есть наставление — нужно молиться и своими словами. Обычно своими словами человек молится, когда он что-то переживает, когда идет внутренняя работа. Когда же внутренних переживаний нет, человек обращается к Богу с теми молитвами, которые нам оставили святые отцы. Практика своей молитвы известна с древности. Не надо искать высокопарных слов, слова могут быть простыми, они могут быть из Священного Писания, из Псалтири — те слова, что легли на сердце человеку.

— *Если нет сердечной молитвы, имеет ли силу молитва? Я имею в виду, когда молишься за какого-то конкретного человека.*

— Волевое устремление должно быть. Если у тебя волевое устремление к добру есть, хотя сердце при этом и молчит, то сила у молитвы есть. Сердце движется только благодатью Божией, это Господь дает. А наша воля в наших руках. Если я свою волю направляю к добру, прошу Бога о чем-то добром, хорошем, то эта молитва будет иметь силу, она действительна. Только молитва должна быть волевой, не механической. Когда ко мне приходят на исповедь или на молебны, я стараюсь, чтобы было волевое устремление молитвы к Богу, насколько хватает сил, насколько моя воля жизненна. Вот эту волевою молитву, прошение о ком-то или о чем-то, или о себе самом слышит Бог. Мы говорим о волевой молитве, но в какой-то момент она переходит в сердечную, то есть от большого стремления ума чувства начинают нарастать и когда достигают своего апогея, сердце загорается и начинает гореть любовью и состраданием.

Объяснить это схематически невозможно, потому что Бог открывается только опытным путем. Всему свое время. Одно дело — понять, другое — исполнить. Помните, я вам говорил? Самое важное в деле спасения — не только двигаться к благодати Божией, не только ее приобрести своими добрыми делами, благодаря таинствам, покаянию, но и суметь сохранить. Наша работа, наш подвиг заключается в том, чтобы подготовиться к Таинству Святой Евхаристии, но гораздо важнее — сохранить его благодать. Часто приходится наблюдать, как человек готовился,

говел, причастился и через минуту, через час эту благодать потерял. Интересно, что у греков практика сохранения благодати после принятия Святых Таин существует. Я встречал многих, кто не ел до двух часов или другой подвиг на себя возлагал, чтобы сохранить себя после Таинства Евхаристии. У нас обычно причастился, и опять будни пошли. Отец Ефрем Катунакский сокрушался об отцах: «Как вы можете? Только причастились, вышли из храма и тут же начали беседу». Но потом он отступил от этого, понял, что начал осуждать других, и прекратил говорить отцам, что они неправильно себя ведут. Сам же берег себя после причастия и хранил благодать Святых Таин.

— *От чего зависит сохранение благодати?*

— Все зависит от сердца, насколько оно в любви Божией, в молитве. Святые отцы хранили благодать от причастия до причастия.

— *Как часто они причащались?*

— По-разному. Те, кто жил в пустынях, причащались нечасто, может, раз в полгода. В общежительных монастырях чаще. В Ватопеде, к примеру, часто причащаются — три раза в неделю. Там все нацелено на то, чтобы человек находился в трезвении, в добром напряжении, чтобы устремление было и жизнь была. Если убрать из афонского жития причастие, то жизнь станет немножко пустой, скучной, можно так сказать. А когда появляется целеустремленность, она насыщена, несмотря на все тяжести и скорби, несмотря на чувство одиночества. Когда человек причащается, когда он устремлен, эту пустоту и одиночество заполняет Господь, Его благодать. Живут от причастия к причастию, ожиданием этим. Чем оно короче, тем лучше: человек не успевает уйти в уныние. Самая монашеская болезнь — уныние, на почве одиночества.

— *Батюшка, а как приобрести страх Божий?*

— Страх Божий — это чувство присутствия Божьего внутри и вне тебя. С потерей страха Божьего ты теряешь все. С него начинается вера, пишут святые отцы, поэтому, если ты почувствовала, что потеряла чувство присутствия Бога, то хоть об стенку бейся, но возвращай его. Если ты его не вернешь, то дальнейший твой путь ни к чему не приведет. Бывает, Господь попускает по

какой-то причине, и человек теряет страх Божий. С его потерей теряется и вера — такое чувство, что Бог ушел из сердца, Его нет. Но у человека есть еще воля и ум, то есть своим волевым стоянием в Боге он снова это приобретает. Есть описания таких случаев. По каким-то грехам или по особым причинам бывает такое попущение Божие, но если человек твердо стоит, то Господь одаривает его верой. Мы говорили, что Господь на Кресте пережил самое большое искушение — богооставленность, то есть чувство потери Бога. У отцов сказано о том, что последние христиане ощутят на короткое время это состояние, и это будет самым сильным искушением из всех возможных. Никакая страсть не может сравниться с этим состоянием. Господь о нем говорит: «Если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть», поэтому берегите страх Божий.

У отца Сампсона (Сиверса) в келье была поясная икона Спасителя, больше всего в ней привлекали глаза Спасителя, открытые, глубокие: Всевидящее око всегда смотрело внутрь тебя. Такие иконы возбуждают и углубляют чувство присутствия Бога, то есть человек все время ходит под Богом не только в своих делах и движениях, но и в мыслях. У святых отцов написано, что они стеснялись собственной наготы, потому что было чувство, что Ангел стоит рядом и Господь видит, смотрит. Это чувство было у отцов, его знали, его всегда держали и углубляли в себе. Когда страх Божий все больше углубляется, то есть человек все сильнее чувствует присутствие Божие, в какой-то момент у него открываются внутренние очи. Особенно это чувство раскрывается в литургии, в момент пресуществления Святых Даров, когда страх Божий охватывает всего человека. Отец Ефрем Катунский терял сознание от этого, настолько он был проникнут этим чувством. У нас оно на самом низком уровне, а там — до потери сознания. Вот это апогей, это предел, когда чувства не выдерживают присутствия Божьего.

— *Страх Божий и вера — это одно и то же?*

— Страх Божий — это чувство, а вера — это и чувство, и знание, понимание. От знания Бога происходит и правильное со-

стояние. А страх Божий — это уже само чувство присутствия Бога внутри меня и вне меня.

— *А если человек не имеет страха Божьего, то он не имеет и веры?*

— Вера принадлежит и уму. Чтобы потерять веру, нужно и волевое отречение, как в советский период: это было отречение от Христа, от веры сознательное, волевое. А чувство не зависит от воли человека. Настоящая вера всегда имеет чувство присутствия Бога. Почему часто бывает: человек Бога признает, но в Него не верит? Потому что нет ощущения присутствия Бога, оно не всем дано, а может, и есть, но он его не развивает, не общается к нему, не удерживает его в себе.

— *Надо стараться его развивать?*

— Конечно, это надо развивать. Любовь и страх Божий вместе, все переплетается. Страх Божий — это чувство присутствия Бога: Бог во мне, это любовь. Я это внутренне ощущаю. От этого я страдаю, этим я живу.

Во время литургии мы слышим слова: «Со страхом Божиим и верою приступите». Да, себя надо настраивать, поэтому и говорится о трезвении: имей чувство страха Божьего, настрой свои внутренние чувства и памяти о Боге, умом обратись к Нему, то есть всем своим существом, насколько это возможно, уйди в это таинство, в то, что сейчас совершается. Помните, на литургии поется: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!» Эти слова связаны с историей о том, как мальчик был поднят на небо и услышал ангельский глас. Эта молитва направлена на то, чтобы оторвать человека от земного. Если он не оторвется от суетных дел, от своей земной жизни, то не сможет соединиться с Богом, не сможет вкладывать в уши Божии свою молитву. Это вы должны знать. Когда во время литургии поется «Святый Боже», нас призывают отрешиться от земного, и потом, когда уже само Таинство совершается, священник говорит: «Горе имеем сердца!», то есть хотим иметь на Небе свои сердца. Если человек не отрывается, если остается погруженным в свои мысли, в свои заботы, в свои хлопоты, то литургия проходит мимо.

— Батюшка, у нас бывают иноверцы, и неверующие стоят в храме во время службы.

— Именно ради этого и читаются молитвы об оглашенных: «Изыдите, оглашенные, изыдите».

— Сейчас никто никуда не выходит.

— Здесь речь вот о чем: Дух Святой сходит на верных, которые пребывают в Боге, которые исповедуют Бога и умом, и сердцем. Хотя никто никуда не выходит, эти слова обращены именно к тем, кто не принимает Бога, не верит или в своих мыслях пребывает. То, что вы называетесь православными, не означает, что на вас всегда сходит Дух Святой. Нет, в разряд оглашенных можно попасть в любой момент: как только попал в какой-то грех или суету, Святой Дух не сходит не потому, что не хочет, а потому, что не может, — душа закрыта. Помешать схождению Святого Духа иноверцы не могут.

— Но раньше их просили выйти не просто же так?

— Да, сейчас не просят, сейчас они стоят, но тем не менее Дух Святой сходит. Если бы Дух Святой не сходил, то одного такого шпионом послать и все — не совершается Литургия. Как было бы просто. Во всем, даже в таких вопросах, познавайте Бога — Его величие, Его любовь, Его мудрость и простоту.

— Батюшка, бывает, в храме невозможно молиться — такая суета.

— Старец Василиск и прп. Зосима Верховский были отшельниками, пустынниками. В их житии сказано, что ходили они в приходской храм. Молились, причащались и опять уходили в пустыню. Может быть, и суетно, но, когда молишься, ты не обращаешь внимания ни на кого и ни на что.

— Тогда молились по-другому, серьезней.

— Да нет, я не сказал бы. Сейчас, может быть, из-за того, что атеизм прошел по стране, появились изменения. Почему, допустим, православие за рубежом в расцвете, в лучшем состоянии, чем на территории России? Люди оказались вдали от родины, и это положение способствует объединению людей вокруг Церкви. Они образуют братство. Они более сплоченны и образуют

семью — это то, что должно быть, что было задумано с самого начала церковной жизни. В первые века в каждый город назначали епископа. Он должен был организовать свою паству, стать им отцом. В «Деяниях апостолов» рассказывается о том, что новообращенные христиане приносили свое имущество, а Анания и Сапфира были наказаны за то, что обманули и утаили часть имущества. Раньше была такая система — как семья, одно целое. А сейчас в российских условиях пришел, исповедовался, причастился и ушел. Никакой семьи там нет. Прп. Анатолий Оптинский (младший) говорил, когда революция произошла: «Корабля церковного нет, но обломки остались, и на обломках тоже возможно спастись», то есть в одиночку. За обломок ухватится один, два, а на корабле все вместе могут плыть и спастись.

— У кого как. В маленьких городах, в сельской местности есть общины.

— В России общин практически не осталось. В Греции из-за того, что они были под турками, есть общины. Турецкий гнет объединил греков, и они сохранили церковный семейный уклад. А в России, наоборот, революция разъединила людей. Но я не возражаю, хорошо, конечно. Очень хорошо. «Каков поп, таков и приход» — от священника тоже многое зависит, от того, какую духовную базу он дает людям. Есть, конечно, такое, но мало, в основном в центрах — в Москве, в Питере, может быть, где-то на периферии — в Вятке, где-то в Сибири, но это редкость. В основном все инфантильно. Очень часто приходится сталкиваться с тем, что люди не понимают Бога. Внешнее можно учить, это приемлемо, но внутреннее ощущение — что должно произойти после нашей смерти, после нашего перехода, понятия «рай» и «ад», что стоит за этими словами, — повисает. Ведь ад не в муках, нет, суть ада в том, что человек не может соединиться с Богом. Это самое мучительное, самое страшное для человека. Многие отцы просили, чтобы Господь показал им не рай, а ад — какую боль приносит ощущение отторжения от Бога. А рай — это соединение с Богом, любовь, блаженство.

— В Питере, во Владимирском соборе, проходят катехизаторские курсы. Они занимаются со священником, и после этих трехлетних курсов их общение не прерывается. Они встречаются, собираются. Общие свадьбы, замечательные встречи, ночные литургии. И очень много сейчас таких приходов.

— Дай-то Бог.

— Есть много людей, которые считают, что если у них есть внутреннее чувство, то этого достаточно, чтобы попасть в рай. Они не подозревают, что есть таинства, не хотят идти в церковь.

— Это как Раиса Горбачева. Я стоял у мощей Преподобного, когда они с Михаилом пришли и не стали подходить. Она сказала только: «У меня Бог в душе». Все остальное лишнее. Это непонимание Бога. Церковь дает человеку путь спасения, а здесь человек имеет чувство присутствия Бога, но дальше никуда не идет.

— И как им помочь? Они же не хотят лично потрудиться, здесь среди паломников таких тоже много.

— Только Бог это может, Своим путем. Ты никогда до них не достучишься, никогда ничего не сделаешь до тех пор, пока не будет разрушена прелесть, а ее основа — упертость. Если человек стоит на чем-то своем, у него нет авторитетов. Он так считает, и все, ничего не сделаешь. Это его воля. И нам Господь не разрешил ее ломать. Это его желание.

— Такие люди часто встречались в советское время.

— Если у человека нет этой упертости, ему каких-то знаний не хватает или просто не понимает чего-то — это другой вопрос. А если у него уже сложилось мировоззрение, и эта упертость появилась, то здесь только Бог может вмешиваться и исправлять, а человек — нет.

— Батюшка, есть душевные, но неверующие люди. Что с ними будет?

— Можно уповать только на милость Божию. Как Господь управит, так и будет. Если Господь тебе откроет, что с ними будет, думаю, твое сердце этого не выдержит, не надо знать. Есть моменты, которые Господь закрывает. Что-то полезное для на-

шего спасения Он открывает, а что-то, что бесполезно и чувствовать, и знать, скрывает. Говорят: «Те люди, которые хотят умом объять Бога, сходят с ума». Эти вопросы повредят твоей душе. Отдадим их спасение в руки Божии.

— Я не могу сказать доброму человеку, что он пойдет в ад. Мое сердце этого не принимает.

— У тебя хорошее сердце, и когда ты сталкиваешься с людьми, которые не знают Бога, оно начинает болеть, переживать за них. Так и святые отцы молились за весь мир — преподобный Силуан и другие. Их любовь не могла равнодушно на них смотреть. Вспомним опять слова апостола Павла: «Не я живу, но живет во мне Христос». Так и вы живите Христовым сердцем.

Раз коснулись спасения, еще кое-что скажу. У мусульман очень крепкие семейные корни. Многие из них видят истинность, правоту христианства, но держатся за свои корни, то есть за любовь к близким, и это не дает им соединиться с Богом. Те народы, у которых так развиты земляные корни души, не могут их обрубить и прилепиться к Богу, ко Христу. Христос — это совсем другая ветвь, Небесная. Господь сказал: «Я пришел разделить человека с отцом его и дочь с матерью ее», то есть семьи будут разделяться по своему отношению к Христу, а тех, у кого семейный очаг очень крепкий и построен еще и на религиозной основе, это все связывает и не дает им соединиться со Христом. Вот так, ничего не сделаешь. Это тоже нужно принимать: «Господи, как Ты даешь». Даже эстонцы, они же христиане, лютеране. И те глубины, которые открывает перед ними православие, они чувствуют, они к ним подходят, но боязнь оторваться от своего родного, насиженного и куда-то улететь не дает им этого сделать, и в конечном итоге они остаются при своем.

— У меня такой вопрос: страх Божий и память смертная взаимосвязаны?

— Давай разберем это понятие — память смертная. Вот я живу-живу, а потом меня вдруг больше нет, моя жизнь кончится. Человек думает о смерти, о том, что придет конец его жизни. Душа отрешается от земного, и мысли, чувства обращаются к

другому, горнему миру. Человек становится как бы блаженным, его будто здесь нет, он тут не живет. Понятие «память смертная» уводит в бытие Божие, в наше соприкосновение с Богом, соединение с Ним. Святые отцы пишут, что к человеку сначала, до веры в Бога, приходит память смертная, то есть размышление об том, что эта жизнь когда-нибудь закончится. В то же время вера начинается со страха Божьего, тут есть параллель. В уставах Церкви написано, что, когда монах приходит на место своего отшельничества, он первым делом должен выкопать себе могилу, чтобы возбудить память смертную, чтобы она у него была и он не заземлялся, чтобы чувствовал, понимал, что все тленно.

Вопрос хороший, правильный... Приходит память смертная, и она рождает страх Божий, то есть это идет одновременно. Мысль о смерти рождает чувство присутствия Бога, и, наоборот, одновременно со страхом Божьим человек ощущает и тленность этого видимого мира. Но когда отсутствует страх Божий, а есть только память смертная, будет один животный страх, боязнь физической смерти или безразличие. Может быть разное устройство человеческой души — один боится умереть, а другому безразлична эта жизнь, она ему надоела, он устал от нее.

— *Есть такое высказывание: смерть — это то, что происходит с другими людьми. Ведь осознать свою смерть мы не можем, это таинство. Только святые люди, живущие глубоко в Боге, отрешившиеся от земного, живут в этом таинстве. У обычного мирского человека страх перед физической смертью. А у безразличного человека это безверие?*

— У каждого по-своему. Возьми Иуду. У него была страсть — сребролюбие. Она настолько в нем укоренилась и развилась, что он, зная, Кто перед ним, зная, что это Христос, что это Бог, предал Его. И после того, как увидел, что предал Христа на смерть, он от этой страсти не освободился. Он сделал шаг, чтобы уйти от нее, чтобы не было этих внутренних мук. Может быть, безразличие к смерти происходит от душевных мук. Человек ищет способ уйти от них, уйти от этой боли — уснуть, раствориться, веря в то, что после этой жизни другой нет. Помните, я вам рассказы-

вал, что в моей практике был случай, когда Святые Дары, Тело и Кровь Христовы, человек действительно ощутил, как кровь и плоть. Это были простые девочки, не великие грешницы, но у них было это безразличие. Я думаю, что безразличие — один из самых больших грехов, очень нехорошее состояние. Человеку все равно, что он приступает к Таинству, он понимает, что происходит, но ему это безразлично. В Апокалипсисе есть слова: «Ты не горяч и не холоден, извергну тебя из уст Моих», то есть такое безразличие — богопротивное состояние, оно очень далеко от Божественной любви.

— *В это состояние может же любой впасть?*

— Да.

— *А за что это бывает?*

— За отступление от Бога.

— *За какие грехи?*

— Мы часто под грехами подразумеваем какой-то поступок, но это может быть и движение сердца. Думаю, первая причина — это наш эгоизм, себялюбие. Мы говорили, что спасение — это когда наше «я» умалется, а Христос возрастает. Безразличие — это когда Христос в нашем сердце умалется, а возрастает наше «я». Все наоборот.

— *Это, наверное, как у сатаны? Он знает, что пойдет в ад, и от этого еще больше озлобляется.*

— Это немного другой момент, это богоборчество. Вся сила направлена на то, чтобы сделать больно другим. Здесь безразличие — человеку ни до чего нет дела, а богоборчество — это зло: я погибаю и всех остальных за собой утяну. Это уже апогей.

— *Что такое бесчувственность? От чего она?*

— От уныния больше. Я думаю, здесь безразличие связано с волей человека. Воля бездействует, становится неживой. У нормального человека воля подвижна, а у этого человека воля как бы атрофирована. Воля не может быть в покое, она воспитывает, движет душу в одну или в другую сторону. Я говорил, что у сердца бывают откаты на какое-то время, когда оно сбивается с ритма. И это ничего, ну, среагировало неправильно, страсть кака-

я-то осталась в сердце, но оно живое. А вот когда оно ни на что не реагирует, оно мертвое.

— Батюшка, может, этих девочек воспитывали без любви или слишком строго?

— Речь не о том, как их воспитывали. Я говорю о состоянии души.

— Но они же молодые еще ...

— Да, вся жизнь впереди, все может перемениться. Господь Себя и открывает таким образом, чтобы привести человека в чувство.

— Батюшка, вы сказали, что бесы души не касаются, а живут больше в нашей плоти. Мне кажется, что это немножко не так.

— А как?

— Когда душа поражается бесом, от этого появляется расслабленность воли. Воля — это же область души, оттого и поражена какая-то конкретная часть души?

— Поражение возможно, но сама душа — это то место, где живет только Бог, она Ему принадлежит. Да, она может повреждаться. Но, согласно догматике, благодать крещения сохраняется человеком до второго Суда, она не отнимается, даже если он отходит от Бога. Падшие ангелы — хоть и духи, но творения. Творение не может войти внутрь души, только нетварный Дух Божий может в ней пребывать. Окончательный Суд зачем? Если человек становится Божьим, то благодать крещения при нем остается; если же противником, отнимается. Но это произойдет после Второго Пришествия, после окончательного Суда. Только тогда определится их окончательная субстанция. А поражение такое может быть, но я думаю, не столь важно в это углубляться.

Пюхтица

29.10. 2010

Беседа восьмая

Сегодня я хотел бы поговорить о Боге и о любви, о том, что такое любовь. Бога невозможно объять и понять во всей полноте, но я попробую о Нем рассказать, насколько это будет в моих силах. Все берет начало от Бога Отца. Бог Отец — это как бездна, в которой рождается Сын. От Бога Отца, из этой сущности, исходит и Дух Святой. Что такое спасение? Это погружение в эту бездну, в Бога Отца, уход в этот мир Божества. Понимание загробной жизни у многих сводится к примитивизму, и та жизнь кажется подобием этой. Но ничего подобного там нет, органов чувств не будет, и ощущать, видеть, воспринимать друг друга посредством органов чувств люди не будут. Там иное — посредством благодати, любви, энергии Божией человек будет соприкасаться с Богом, видеть Его, соединяться с Ним и погружаться в Него. Именно так понимая Божество, я хотел бы вспомнить и о первородном грехе. Этот вопрос не всегда раскрывается в творениях отцов или богословов. О нем всегда говорят завуалированно, но попробуем вместе над этим вопросом поразмышлять.

Бог наполняет собой все. Вот эта бездна — Бог Отец — везде, и Он насадил рай. В Священном Писании переплетаются буквальный смысл и духовный, и когда говорится о рае, то речь идет не только о земном рае, в который попал Адам, который Господь насадил для него, но и о Рае Небесном, то есть об этой бездне — Боге, в котором жил Адам в свое время. Бог наполнял не только внешний мир, но был и внутри человека — эта бездна была и внутри него. Первородный грех, это удаление человека от Бога произошло в результате его свободного выбора, когда человек вошел в противоречие с волей Божией. Желание человека стать богом без Бога, то есть самостоятельным, единоначальным, разрушило его единство с Богом, после чего произошел переворот в его душе, произошла внутренняя катастрофа, трагедия. Бог остался вовне, но внутри человека Бога уже не было. Первопричиной первородного греха была воля человека,

а последствием явилось удаление Бога из его души, поэтому до пришествия в мир Христа, до того как Он прославился, люди оставались без Бога. Все, даже пророки получали благодать извне, не изнутри, даже Матерь Божья. Она не согрешила ничем, ни одним движением сердца не отступила от Бога, от Его любви, от Его воли, но и Она — «честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим», как ее называет Церковь — нуждалась в том, чтобы этот первородный грех был исцелен, и Она не могла наследовать Царствие Небесное без искупительной жертвы. И вот когда произошло спасение человеков, когда Господь сошел душой во ад, тогда произошло соединение человека с Богом. При крещении мы говорим — прощается первородный грех, то есть Бог опять входит в душу человека и там пребывает, человек соединяется с Богом. В Евангелии Господь говорит: «Царство Божие внутри вас есть». Когда погружаешься внутрь себя, хотя наша душа по своей природе и ограничена, внутри себя видишь безграничного, беспредельного Бога. Ум не постигает, не может понять, как это возможно: в ее ограниченном пространстве живет Тот, кто безграничен. Это видишь и это ощущаешь. При крещении внутри человека происходит восстановление этой нарушенной природы, нарушенного союза с Богом. Это еще не значит, что человек спасен, что он будет с Богом и после своей смерти. Человеку предстоит долгая работа, долгий процесс спасения своей души.

У человека есть свободная воля: по своей природе она направлена к добру, но, имея свободу, она может выбрать и зло. Замысел Божий заключается в том, чтобы эта свободная воля человека укрепились и стала твердой в избрании воли Божией, в ее исполнении. И каким бы путем Господь ни повел по жизни, человек должен выбирать эту волю Божию, не противоречить ей. В этом и есть смирение, и мы говорим, что главная задача нашей жизни — приобрести смирение. Без смирения человек не спасется. Без смирения не будет любви, а даст нам Господь Свою любовь в этой жизни или в будущей — это уже Его воля. Бог видит, сможет ли душа сохранить эту любовь здесь, на земле, или нет.

И рай... Рай — это не только сад, это в первую очередь Бог. В Священном Писании сказано не только о древе познания добра и зла, но и о древе бессмертия, которое было в раю. Это древо бессмертия и есть Сам Бог и пребывание в Нем. У святых отцов написано, что древо бессмертия — это Христос. Он уже был там, в этом духовном Раю, в этой бездне Своим предвечным рождением в Боге Отце. Человек должен пройти волевой соблазн, то есть его воля должна укрепиться, но это всегда труд, это боль, это ломка самого себя. Человек в этой жизни должен приобрести внутреннюю чистоту, чтобы органы чувств не держали его здесь, на земле, чтобы человек не заземлялся. И когда человек приобретет такое бесстрашие, и его природа будет схожа с природой Божества, тогда он сможет наследовать Царство Небесное, войти внутрь Бога, в это бытийное небытие.

Хочу еще сказать о невоцерковленных людях, или внешних христианах. Спасение многолико, многообразно. Каждый по-своему получает благодать и соединяется с Богом. Мера благодати, любви Божией тоже для каждого своя. Те внутренние христиане, которые живут по воле Божией и исполняют Ее, любят Бога и полностью отдали себя служению, зрят Бога лицом к лицу и насыщают свою душу, в полноте лицезревая Его напрямую. Те же люди, которые сохранили какую-то любовь — к матери, к родным, к людям, но оторваны от любви Божией, становятся как присоски к своим родителям или другим христианам. И ту благодать Божию, которая у них есть, они получают не напрямую, не лицом к лицу, а через этих внутренних христиан. Когда протестанты говорят о том, что знают только Иисуса Христа и должны в своих молитвах обращаться только к Нему, они так говорят, не понимая Того мира. Многие люди будут получать благодать и спасение через святых, потому что не смогут напрямую лицезреть и любить Бога. Я не настаиваю на том, что это непреложная истина, что это именно так и не иначе, но таков мой помысел о спасающихся. Если смотреть на спасение как на общее вхождение в Бога, то оно гораздо шире, для многих людей, а если как на встречу лицом к лицу, то узкое и не для многих.

Прп. Исаак Сирийский пишет, что ад, крошечная тьма — это то, что вне Бога. Когда Господь отошел от земли за грехи людей, когда эта Бездна поднялась, появился ад. Думаю, что до этого его не было. Ад — еще и внутренняя пустота в душе человека, одиночество, внутренний мрак. Другое понимание ада — человек не воспринял Бога здесь, на земле, не понял Его любовь. Даже не то чтобы не понял, он не вкусил, не знает ее, живет только грешной желательностью, которую вкусил. Это его жизнь, и другой он знать не хочет. И когда человек уже ушел из этой жизни, познать, что есть другая жизнь, там есть Бог, там есть Любовь, он не может. Он знает, что это так, но он ее не вкусил, не познал, и происходит отторжение человека. Человек отторгает любовь Божию. Не Бог отторгает человека, а сам человек отстраняет от себя Бога. У человека не только пять органов чувств, но и орган познания как материального, так и духовного мира — его сердце. Если духовное сердце жило и развивалось в человеке, то он сможет воспринимать Бога. Если сердце осталось не задействовано, если оно атрофировалось, он не познает другой мир и не сможет вкусить Бога.

В Священном Писании есть притча о том, как сеятель вышел сеять. Зерно упало на дорогу, в тернии, на каменистую почву. То, что упало на дорогу, — это слово Евангелия, которое человек с радостью принял и сразу забыл. То, что упало в тернии, — бытовая жизнь, суета заглушила веру, и человек отошел от Бога. Третье — то, что упало на камни, взошло, но из-за гонений, скорбей за слово Божие человек оставил, отошел от Бога. Первые две ступеньки самые простые, многие из нас проходят их и сохраняют любовь к Богу. Здесь нужно только одно — постоянство. Постоянство и какая-то работа над собой. В человеке есть любовь к Богу, любовь к ближнему, умеренная, но Господь ведет к большему и больше испытывает сердце. Третье — гонение за слово Божие, это сильнее. Здесь требуется жертвенность, это апогей, самая высокая вершина любви. Человек жертвует всем: семьей, имуществом, собой. Эта жертвенность — самое большое, трудоемкое и сильное, что человек может приобрести в этом мире.

Без этой ступеньки в жизни, без приобретения этой жертвенности человек не может достичь полноты любви Божией. Может быть, Господь и призывает в вечность кого-то с этих двух. Он видит сердце человека, каждому дает по силам и забирает тоже в свое время. Исторические периоды различны, многие испытывались гонениями. В лагерях наши деды, отцы сидели. Думаю, что и наше поколение будет так же испытываться скорбями. И кто не взойдет на эту ступеньку, потеряет все. Внешне он может быть христианином — ходить в церковь, исповедоваться, причащаться, но это форма, а внутри человек будет другим, любовь будет потушена. Отец Кирилл (Павлов) говорил, что грядет время, когда со стороны мира будет приходить скорбь, и человек должен встать на путь выбора. Если он будет идти на уступки, жить по законам этого мира, то приобретет грех малодушия. Когда он будет идти по жизни с этим грехом, то и не заметит, что внутри стал другим. И если человек доживет до тех времен, когда придется выбирать, он не устоит и откажется от Христа, так как душа уже надорвана, она сделала свой выбор, у нее не хватит сил и веры перенести скорби. К такой жертвенности будьте готовы, чаще думайте об этом.

Господь каждому из нас дает свой крест. От испытаний или искушений, которые встречаются на жизненном пути, не надо уходить. Испытание — это всегда боль, это всегда какое-то зло, и ты его должен вместить в себя, потому что в этом зле есть добро, есть цель, есть смысл, есть Бог. Все это нужно перекрутить через свое сердце. Не надо уходить от скорбей, искушений, которые идут. Надо чувствовать, что это идет от Бога, через испытание человек приобретает любовь. Когда человек приобретает какую-то скорбь, это остается надолго, может, даже навсегда, и тогда он может понимать других людей, он может понимать Бога. В скорби Бог становится родным, без скорби Бог далек. Как бы ты ни молился, ни трудился, Бог далеко. В послушании совсем другое, но, когда нет того полного, слепого послушания, о котором говорили святые отцы, скорбь становится единственным спасительным путем.

Плохо, когда человек заглушает эту скорбь празднословием, пустыми делами. Обидно получается: прожил столько лет, столько всего испытал и сам свою любовь загубил. Если приходит боль, не надо ее бояться, ее надо беречь. Да, это терпение, но оно насыщает душу. Без насыщения внутреннего мира душа пустая, это ад. Смысла нет, эту внутреннюю пустоту человек не может насытить ничем: ни пищей, ни сном. Она насыщается только Богом, молитвой, сопряженной с какой-то тяжестью, душевной болью, болезнью. Грех — это не только плохой поступок, это вполне ощутимые внутри действия, которые происходят в человеческой душе. Когда человек совершает грех, он не может погрузиться внутрь себя, и появляется внутренняя пустота. Когда я стою перед выбором между грехом и негрехом, то прекрасно ощущаю и знаю, что со мной будет. Каждый раз, когда человек грешит, Бог уходит, человек ощущает внутреннюю пустоту, а потом нужно время, покаяние, силы, чтобы вернуться внутрь себя и восстановить отношения с Богом.

Мы говорили, что для любви важны две составляющие: болезнующее сердце и воля человека. Воля связана с аскезой (греч. ἄσκησις — упражнение). Аскеза — это погружение внутрь себя, это молитва, пост, поклоны. Если аскеза совершается просто ради того, чтобы доказать себе или другим, что я это могу, то это гордость, тут нет понимания, зачем все это. Мы не на Олимпийских играх. Мы это делаем, чтобы обрести Бога. В духовной жизни всегда есть смысл, если я что-то делаю, значит вижу цель. Это одно, второе — болезнующее сердце. Человек живет в других, и его сердце от этого насыщается, наполняется. Эти два момента должны идти вместе. Если будет одна аскеза, а болезнующего сердца не будет, не будет жертвенности, то будет возрастать гордость. Если будет болезнующее сердце, но не будет аскезы, дьявол тоже будет поработать ум человека. Когда человек возрастает в Боге, он возрастает в своих сердечных чувствованиях и в аскетическом подвиге. Появляется ревность по Бозе. Но аскетизм связан с телом, а оно не всегда выдерживает нагрузки, поэтому тут главное — сохранять тот режим, тот ритм, в который

ты уже вошел. Если этого ритма жизненного хватает, дальше не надо, дальше будет работать сердце.

Болезнующее сердце — это сердце любящее, и для него есть свои законы. Природа любви очень нежная. Когда она начинает другим навязывать свою волю, она становится жесткой и сама себя ломает. Любовь страдает и тогда, когда ее ломают и навязывают ей чужую волю. От этого она тоже ломается. Нельзя, чтобы любовь гребла под себя; важно, чтобы не было эгоизма. И последнее — не должно быть мнительности, она тоже мешает обретению любви. Это основные причины, по которым человек не имеет любви. Все в этом мире живет по каким-то законам: и природа, и человеческая душа. Нарушение душевных законов влечет за собой повреждение наших духовных чувств, не внешних, а внутренних, которыми человек воспринимает Бога и духовный мир. Человек внутренне теряет гармонию, он может молиться, креститься и приступать ко всем таинствам, но Бога он уже будет видеть иначе. Потому берегите свою душу и старайтесь исполнять законы Божьи. Есть ли вопросы?

— По каким критериям узнать, что это воля Божия, а не твоя? Как отличить ее от чего-то другого?

— Воля Божия раскрывается по-разному. Возможно, я немного в сторону уклонюсь. Нужно знать, откуда приходит мысль или голос. Когда он приходит от дьявола, он всегда идет мыслью — ты ее чувствуешь, понимаешь, она идет из головы, как бы извне, она навязывается. Когда идет глас от Бога, внутренний глас, он идет из души, изнутри, и этот суррогат уже расшифровывает ум. Если человек получает ответ от Бога, в чем Его воля, то он получает его таким образом. Это самый прямой и простой вариант познания воли Божией. Другой, когда ты спрашиваешь: «Господи, а Ты как хочешь?» Проходит время, и ты из обстоятельств понимаешь, чего Бог от тебя хочет. Это второй вариант. Но это уже потом, сначала ты этого не понимаешь и оставляешь на весу, как пойдет. Третий — опираться на рассудительность: человек смотрит на свои физические и внутренние силы и оценивает, по силам ему это или нет, принесет пользу или не принесет, то есть

человек учитывает свои немощи и тогда уже решается на какой-то шаг в жизни. Хорошо, если у человека есть духовник, тогда он его рассудительность направит в русло послушания. Другой момент — у человека сегодня может быть один путь, а завтра другой, сегодня я не могу встать на этот путь, а завтра — смогу, потому что душевное состояние меняется и меняется воля Божия. Она зависит от сердца человека, потому мы и называем Бога сердцеведцем, что Он видит внутренний мир человека. Что нужно нашему сердцу, то Господь и дает. Бог часто оставляет нам до конца жизни наши страсти, чтобы мы смирились. А бывает, и очищает, и человек становится чистым, свободным. Все зависит от его сердца. Но сам себя я не могу исправить, как бы ни старался. Да, я хочу, стремлюсь, что-то делаю, но только Бог может прикоснуться к моей душе.

Хочу еще сказать о судьбе. Есть люди внутренние, и есть внешние. Внутреннему человеку обычно открыта его судьба, потому что он сам ее строит, чтобы угодить Богу. У людей внешних судьба зависит от обстоятельств. Внешний человек от внутреннего отличается тем, что внешне он может исполнять все формулы, обряды Церкви, приступать к таинствам, но когда дело дойдет до какого-то выбора, внешний человек оставляет последнее слово за собой — не как Бог хочет, а как я хочу. Внутренний же всегда: «Господи, как Ты хочешь!», он не ищет своего, будет ему плохо или хорошо, как на заклание идет, подобно тому, как Христос в этот мир пришел. Каждый внутренний человек как агнец, он пришел на заклание, а это всегда боль.

Кто-то сам познает волю Божию, а кому-то Господь открывает ее через других людей. Это Промысел Божий. Как только человек становится верующим, он должен задавать вопрос: «Господи, а Ты что хочешь?» С самого начала своего пути с Богом, с начала духовной жизни познавайте волю Божию, без этого не может быть спасения. Ты можешь ошибаться, но ты должен быть искренним. Отец Софроний (Сахаров) говорил: «Не бойтесь докучать Богу, но будьте с Ним искренни». Какие бы ты ни имел проблемы — маленькие или большие — докучай, спраши-

вай, обращайся, но будь всегда искренен с Богом. С любимыми вопросами — сложными, простыми, пустыми — всегда обращайся к Нему. Если человек хочет чего-то своего и начинает заглушать эту искренность, потому что боится получить ответ, не соответствующий его желанию, это уже погибельно. Человек должен знать волю Божию о себе, должен знать, что ему нужно делать, чтобы спастись, и тогда он будет чувствовать руку Божию над собой, Его промысел. Даже если ты сейчас по своей немощи не можешь исполнить Его волю, Господь все равно будет с тобой, будет ждать и тянуть тебя к Себе. Сердце должно быть всегда искренним и стоять в этом общении с Богом, в этом вопрошании и соединении. Без искренности с Богом жизнь не получится.

— *Батюшка, митрополит Вениамин (Федченков) в конце своей жизни сказал: «Врагов простил, но полюбить не любил». Любовь — конечная цель нашей христианской жизни, и с искренностью тут параллель самая прямая. Как бороться с неприязнью? Неприязнь — это тоже неискренность?*

— Владыка Вениамин это из смирения сказал. Любимой монах или послушник, уходя из этой жизни, будет говорить, что он умирает за свое непослушание, то есть будет чувствовать, что не исполнил до конца воли Божией. Такое чувство своей гордости, поврежденности — это правильное чувство. А любовь к врагам — это самая высокая любовь. Я думаю, никто не скажет, что возлюбил врагов своих, потому что это несмирно и, в общем-то, очень высоко. Другой вопрос — неприязнь. Это потеря внутреннего покоя, это признак того, что человек не стоит внутри себя. Когда я внутри себя пребываю в мире, с Богом, то между стоянием внутри себя и любовью к Богу можно поставить знак равенства. Я в этом покое, в этом насыщении нахожусь, и мне до внешнего мира дела нет. Если у меня появляется неприязнь, это признак того, что я вышел из себя. И когда человек теряет этот мир с Богом, этот внутренний покой, приходит другой мир — непокоя. Чувство неприязни может возникать от потери молитвы, внутреннего мира, от пустоты сердца. Дух Божий тоже помогает уму выйти из этих мыслей, потому что дух Любви мощный и живой.

— *Бывает, что неприязнь появляется, а потом проходит. Возникает какая-то новая ситуация — опять приходит.*

— Тут бороться не надо. Что с этим бороться? Внутри себя надо уходить. Может, вы это так называете — бороться. А так внутри себя ушел, и все, до тебя не достучаться, ты уже живешь своим миром, у тебя свой внутренний покой. Но это трудно. В какой-то степени может быть и борьба, но заикливаться на том, что у меня неприязнь появилась, не надо, не думайте об этом. Насколько я понимаю, здесь немного другое. Эта неприязнь, эти чувства у вас уже есть, и только через обстоятельства они себя открыли. Да, это плохо, но эти страсти уврачевываются со временем. Когда смирение и любовь заполняют сердце, этим страстям просто не будет места внутри нас. Но если благодать не придет и не заполнит его, если мы своими грехами не дадим ей войти внутрь нашей души, тогда неприязнь будет жить в нас и никуда не уйдет до конца наших дней. Заглушить можно, но вытеснить нельзя.

— *Батюшка, неприязнь непостоянная. Господь приходит — она отходит. Искренне с человеком и здороваешься, и улыбаешься ему, а потом раз — и опять возвращается.*

— Мы говорили, что человек становится личностью только тогда, когда живет в других. И мы, уходя с этой земли, сможем себя ощущать личностью, если не будем жить для себя. Неприязнь — это своего рода эгоизм, я живу для себя, живу своим. Любовь — это для Бога, для людей. Мы молимся не для того, чтобы на седьмом небе от радости быть. Благодать Божия часто приходит не в радости, а в печали, в скорби какой-то, в томлении духа. Прощение обид — это самая первая ступень, которая должна вести дальше. Да, я простил, но мой ум и чувства могут вернуться к старому. Я должен идти путем любви, а это всегда путь жертвы.

— *Как вести себя с людьми, к которым чувствуешь неприязнь?*

— Так же, как ты ведешь себя с ними, когда у тебя нет неприязни. Ты должна владеть своими чувствами, а не они — тобой. Если возникла неприязнь, ты должна взять себя в руки и сказать

себе: «Я этого не хочу». Ну, есть это чувство и есть. Я над собой властвую, а не это чувство. Наша проблема в том, что мы выходим из себя. Быть всегда внутри себя тяжело, но принцип такой: я не должен давать власти и свободы своим чувствам. Если я все время буду идти на поводу у своих чувств, то буду не человеком, а рабом. Они завладеют мной рано или поздно. Если это войдет в привычку, то будет разрушаться и психика, и весь мир вокруг меня. Если у нас не хватает любви, чтобы уничтожить в себе неприязнь, то не будем обращать внимания на нее. Хочет Господь это оставить, значит пусть для моего смирения будет, захочет забрать — заберет. Когда я лучше стану, когда смогу любить Бога и людей, неприязнь пройдет.

— *Батюшка, а ведь без аскезы практически невозможно от неприязни избавиться?*

— Мы сейчас говорим не об аскезе, мы говорим о правильном восприятии, о том, что нам нужно делать, как это состояние принять в себе спокойно, со смирением — есть оно и есть. Аскеза помогает не только бороться со страстями, но и привлечь благодать Божию, Божию любовь. Но аскеза не поможет, если ты не смирился со своей немощью, ты только удесятеришь свою проблему. Сначала должны прийти смирение, покаяние, а потом уже можно приступать к аскезе. Если же захочешь эти чувства заглушить аскезой, ты повредишься еще больше. Во всем необходимо смирение.

Пюхтица

15.01.2011

Беседа девятая

Мы довольно долго не собирались и не говорили о нашей жизни. Когда я что-то хочу вам сказать, то обычно продумываю, вспоминаю какие-то свои переживания или, наоборот, стараюсь, чтобы мой ум, насколько это возможно, отключился — что Господь положит на сердце, то и говорю. Хорошо ли, плохо ли сказал — главное, чтобы открылся внутренний мир. Сейчас мои слова больше от сердца. Хотя в эти дни нужно говорить о переживаниях во время Страстной седмицы, перед Пасхой. Эта седмица вмещает в себя весь Великий пост. Переживания, события, подвиги этих сорока дней — все это она концентрирует в себе.

Разговор может получиться только тогда, когда откровенно делишься своим внутренним миром, своими переживаниями с собеседником. Всех вас я знаю давно, больше десяти лет. И в своем сердце — какими бы вы ни были, в вас есть и хорошее, и плохое — я вас такими принимаю и люблю. Сердце связано с другим человеком нитью любви. В любви всегда есть доверие и искренность. Признаюсь, во многих ситуациях я был неправ, но говорил всегда искренне и ошибки совершал по своей такой вот неразумной любви. Когда отношения строятся на доверии, взаимопонимании и взаимной любви, всегда есть место прощению. У Бога всегда всепрощение. В наших отношениях — я всегда это чувствовал и знал — тоже было это всепрощение. К чему я это говорю? За эти годы нас связали внутренние нити, нити духовные, нити любви. Без любви нет жизни, без любви нет Бога, без любви все пусто. Я прекрасно знаю, что, когда уйду из этой жизни, где бы я ни оказался, каким бы я ни был — грешником или праведником, наши сердца невозможно будет разделить. Я понимаю, что где будете вы, там и я буду. И где я буду, там будете и вы. Господь Сам соединил любовью людей, и в любви эта связь укрепляется и имеет силу.

Характеры могут быть разные, разные национальности, разный менталитет, но всех нас единит и соединяет любовь — корень единства, корень спасения. Наша любовь есть наш Бог, поэтому я

спасаю не только свою душу, забочусь не только о своем спасении, но в мое спасение, в мой мир, в мою любовь, в мой рай, в моего Бога входит и ваша любовь, и ваши сердца. И эту любовь, это чувство семьи, эту взаимосвязь между всеми нами я прекрасно ощущаю. Бог нам всем ее дал. Так устроил Бог мир, что наше внутреннее единство создается с помощью любви. В прощении, которое звучит из уст священника или дьякона, передается смысл единства, дан пример духовной семьи на Небе: «Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми помянувшие, сами себе и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим». Здесь, на земле, человек получает эти основы единства через семью. Не может душа человека жить и спастись без этого чувства единства. Это заложено в природе человека — человек не может быть один. Пусть вы разные, пусть вы удалены друг от друга и нет внешнего контакта, но внутренние связи должны быть. Если их нет, это не спасительное состояние души. Человек может быть грешным, может быть падшим, может быть плохим, но эти живые чувства у него должны быть. Если их нет, это пустота, это гибель. Чувства, заложенные в нас природой для спасения, должны жить и развиваться. Недостаточно одной молитвы, одних таинств, за ними должно следовать внутреннее насыщение, то есть действие благодати Божией. Когда Дух Святой начинает действовать внутри человека, тогда он живет. Если эти чувства не привиты душе и человек думает, что нужно просто соблюдать форму — механически читать молитвы или формально участвовать в церковных службах, что так он идет к Богу и тем самым спасается, то это ложь, это прелесть, обман. За всем этим должно следовать насыщение внутреннего мира человека. Богословие учит: цель нашей жизни в том, чтобы здесь, на земле, сердце человека воскресло, ожило и человек был живым. Есть понятия «мертвый человек» и «живой человек». Чувства, о которых я говорю, животворяют, и они должны быть. Если их нет и человек довольствуется только внешним, тут нет спасения. Бывает, Господь ведет противоположным, казалось бы, совсем не хорошим путем, но при этом человек насыщается, при

этом он становится живым. Пути Божии неисповедимы. Мы затронули вопрос внутреннего насыщения души, и Страстная неделя, наверное, должна нам показать, что мы имеем и чего не имеем.

Сегодня читалась Евангельская история о бесплодной смоковнице. У святых отцов есть толкование этого эпизода Священного Писания. Бесплодная смоковница — это те евреи, которые не приняли Христа, отвергли Его. Они не впустили Его в свое сердце, не приняли Его и закрыли свой семейный очаг для Христа, для любви, для Бога. Это чувство семьи может перегореть, если не впустить живую Божественную струю. Недостаточно иметь это чувство и единство во взглядах, нужно иметь в себе и Живого Бога. Христос проклял это древо, Он проклял это состояние души, которое не имеет в себе Христа и не принимает, отвергает своего Творца. Любовь Божия имеет в себе силу, энергию, она имеет в себе насыщение. Она заполняет душу человека и насыщает его внутренний мир. Господь входит в наши сердца порой не так открыто — Он может входить и через людей, через наше сострадание к ним, и таким образом душа насыщается Богом. Когда же человек насыщает свое сердце любовью, сопереживанием, состраданием и вниманием к другим, он насыщает свое сердце благодатью Божией, Любовью и впускает в свое сердце Христа.

Нужно быть внимательными к себе, к своему миру, быть очень бдительными и стараться ответить не умом, а сердцем на вопрос: «Что я имею в себе?» Ум не ответит на этот вопрос, а сердце отвечает тогда, когда приходит какая-то ситуация, когда человек соприкасается с другим человеком в любви, сострадании, плаче, радости. После этого уже и ум начинает понимать, что происходит у меня внутри. А когда человек попадает в какую-то сложную ситуацию и сердце при этом остается холодным, ум ужасается и приходит к выводу: «Я мертвый, меня нет. Я исповедую Христа, я исповедую Бога, но внутри у меня пусто». Сердце тоже имеет дар речи, имеет свой голос и свое насыщение. Ум только зрит на сердце, а оно начинает говорить, когда требуются чувства.

В книге «Илиотропион» епископа Палладия, которая читалась Великим постом по уставу на часах, есть слова подвижника

отца Диоклита: «Кто не имеет созерцания, тот подобен бесу или сладострастному человеку». В состоянии созерцания душа выходит из себя, и ум уже не контролирует дух. Это полнота. Это происходит, когда дух уходит в Небесные края и там созерцает Бога. Основа созерцания, его база, его платформа — богомыслие. Памятуя о Боге, о тех просторах, которые открывает нам Священное Писание, сердце начинает реагировать, оно отвечает на эти мысли, радуется и плачет, оно начинает жить этой Божественной жизнью. От этих мыслей меняются и глаза, и внутренний мир человека. Ум должен в это погружаться, и тогда сердце будет этим жить. Если человеческое сердце будет жить только в земных сферах, если оно будет жить только земным, то, по словам святого отца, оно будет подобно бесу или сладострастнику. Сердце нужно выводить в духовные, небесные сферы, его нужно от земли отрывать. Даже грешный, падший человек, имеющий созерцание, спасается; он не живет этой страстной жизнью, ему она не по сердцу. Пусть он пал, пусть согрешил, но это не его жизнь, он не хочет этому отдавать свое сердце, оно — в другом. Вот и преподобный Макарий Великий, когда его спросили: «Если человек грешил и каялся, где он будет?», ответил: «Там, где было его сердце». Чего больше всего желает человек, там он и будет. И созерцание — это подвиг, это делание, которое должно быть у каждого человека. Это не только делание монахов, это делание каждого человека, идущего к Богу. Этим богомыслием, этим памятованием о Боге, о Христе, о Матери Божией, о святых, о том, что сказано в Священном Писании, человек должен жить и вперять в это свой ум. Если человеческий ум не размышляет об этом, не дает пищи сердцу, то и сердце остается голодным, уходит от этого.

У детей душа чистая, когда с ними говоришь на Божественные темы, у них глаза должны открываться и светиться тем миром, который ты им преподносишь. Когда-то, лет пятнадцать-двадцать назад, все так и было. По глазам детей можно было видеть — что им даешь, тем они и живут, не все, конечно, но большинство. Сейчас часто, когда обращаешься к деткам, не видишь в их глазах Божьего мира, хотя, помните, Христос сказал, когда

ученики не допускали детей к Нему: «Не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное». В наше время идет все более интенсивная загрузка души человека, его ума материальным миром. Человек становится все более интеллектуальным с раннего детства, многознающим. В уме уже есть многие понятия, которых раньше дети не имели. Из-за этого места для духовных идей, для духовных мыслей уже не хватает. Этим малышам уже не интересен тот мир, который им проповедуется. Однако надо иметь самим и стараться прививать детям идеи горнего мира. Только имея веру и духовный багаж для размышления, мы можем иметь и созерцание. И здравым человек может быть только тогда, когда в его мыслях и чувствах есть не только плотская, но и духовная жизнь. Только духовная жизнь может приносить человеку истинные покой, радость и любовь.

Когда приступаете к таинству созерцания, старайтесь, чтобы мысли из Священного Писания, книг и молитв, помогали вам открыть сердце. Помните, игуменья Таисия повстречалась с девочкой лет пятнадцати, та пасла коров? Девочка попросила: «Матушка, научите меня молиться!» Игуменья ей про Иисусову молитву толковала, толковала, а та стояла и слушала. Потом она спросила: «А как ты, девочка, молишься?» «А я, — говорит, — не умею, только вот так: “Отче наш...”». И замолчала. Игуменья смотрит — та вся в слезах. И сказала тогда: «Тебе не надо ничего, ты имеешь молитву». В молитве «Отче наш» тоже заложено это чувство семьи. Бог — наш отец, а мы его дети, какими бы мы ни были, хорошими или плохими. Это чувство должно быть: я ребенок, а это мой Отец. Эти чувства, эти признаки спасения, признаки любви, живущие в сердце человека, открываются и выходят наружу. Они тоже помогают человеку понять свой внутренний мир — с кем он и кто он. Неважно, сколько ты прожил в монастыре, монашеская жизнь не измеряется годами, она измеряется только одним — любовью. Если она есть, то у тебя это уже не отнимешь. Если же нет, надо приобретать, давать сигналы SOS: «Господи, спаси меня, выведи меня, вот такой я! Делай, как хочешь, только спаси!» Если не можешь полюбить Бога — это высоко, это глубоко, люби хотя бы

тех, кто тебя любит, цепляйся за тех, кто готов принять тебя в свое сердце, за них держись. Не плотскими связями и разговорами — не к этому я призываю, а к внутренней связи, когда чувствуешь, что вы в одной связке идете, что вы одно целое, что вы будете там, на Небе, вместе, будете вместе наслаждаться этой любовью. Здесь для нашего контакта, для нашей любви нужно друг друга видеть и слышать, друг с другом говорить, но там этого не надо. Там Царство молчания, Царство любви, Царство глаз, видения друг друга. Через это человек насыщается любовью.

Возвращаюсь к предстоящей Страстной седмице. В ней — вся жизнь Христа, а вся суть Его пришествия в этот мир — спасение человека. Чтобы понять и принять Христа в свое сердце, чтобы с Ним жить, нужно осознать, что я падший, я мертвый, я погибаю и без Бога никто и никому в этом мире не нужен. Христа невозможно понять, если человек не осознает своего внутреннего падения, своей внутренней удаленности от Бога, от Его любви. В песнопениях Страстной седмицы одна из главных мыслей — человек должен познать, почувствовать свою внутреннюю пустоту, только на основании ощущения своей внутренней греховности он может воспринять Христа и все, что Он сделал для нас. Мне нужна любовь, мне нужен Бог, потому что Он есть любовь, а я соткан из любви и этой любовью живу, я не могу без нее. Без нее я умираю, я пустой. А Бог — это та Любовь, которая насыщает, которая заполняет и которой являюсь я сам. Без нее моя жизнь пуста. Я могу заглушить боль одиночества, могу не входить внутрь себя и жить внешней жизнью, но внутренний свой голос я никогда не заглушу. Мне нужен Бог, потому что Он есть моя любовь, мое сердце, моя вторая половинка. Это как притяжение в электричестве: чтобы произошло притяжение, моя душа должна стать со знаком минус, то есть ощутить свою негодность, никчемность, а Бог — это плюс, тогда и произойдет притяжение. Если я буду чувствовать себя полным, насыщенным, ни в чем не нуждающимся, если Бог для меня будет одной формальностью, то у меня будет плюс. И плюс на плюс даст разрыв, расторжение, и это произойдет не потому, что Бог не хочет, а потому, что моя

природа отторгнет Бога. Когда же человек ощущает свою внутреннюю нищету и потребность в любви, в Боге, душа воспринимает очень глубинно то, что сделал для нее Христос, Его жертвенность. Эта жертвенность, эта глубина любви Божией ощущается нашим сердцем, и глубоко осознается воплощение Сына Божьего, Его приход в этот мир, величие этого смирения.

После воплощения идет сам путь этой Любви — жизнь Христа, Его любовь, Его прощение. Господь никого не отринул, Он Сам Себя предал на крестную смерть, предал Себя Иуде, Его сердце не отвергло даже этого последнего человека, предателя. Не было зла в Его сердце, Он, как ягненок, шел на Свое заклание и не уклонил Своего лица от поцелуя Иуды, хотя знал, что этот поцелуй будет знаком стражникам. Поцелуй — это ведь знак любви, а здесь он целует, чтобы предать, чтобы убить, чтобы отвергнуть. Страшный поцелуй, страшная любовь, которую не дай Бог нам иметь в своем сердце, убийственная, богоборческая любовь. Это гордость, которая себя явила через поцелуй, через этот знак любви. Мы часто предаем свою любовь, улыбаемся, а сами ненавидим друг друга, сердца остаются холодными по отношению друг к другу. Когда человек приступает к Причастию, читается молитва, в которой вспоминается поцелуй Иуды для того, чтобы не было этого состояния в душе.

Страдания Христа мы познаем не только телесными очами, когда смотрим на крест и видим распятого за нас, униженного и оскорбленного Бога. Созерцание идет дальше. В страданиях Божьих мы познаем любовь Божию, насколько она велика. Для нас важно познать эту любовь, ощутить и вместить ее в себя. Когда мое сердце, моя любовь, пережив эти спасительные события, подключается к любви Божией, оно расширяется и трепещет от этих чувств. Через телесное, через распятие, через эту историю, эти события я вхожу во внутренний мир Бога. И там я насыщаю свое сердце Божественной любовью.

После страданий идет смерть, сошествие во ад души Христовой. Здесь происходит спасение человека, Христос выводит из ада людей, не всех, а тех праведников, которые ждали Его. Здесь уже констатация факта нашего спасения, конкретный факт, который запе-

чатлелся не только в нашем уме, в нашем знании и чувствах, но и в действительности. Я могу любить, потому что Бог дал мне эту любовь, я могу ее в себя вместить, могу носить ее в себе и ею жить. Вот это чувствование Бога внутри себя дает мне внутреннее знание, что я спасен Им. Хотя «спасение» будет когда-нибудь, а сейчас, когда я имею в себе эту любовь, я чувствую, что не достоин ее, что я грешник и Бог дал мне ее просто по Своей благодати, по Своей милости. Только бы не отступить от нее, не предать, быть всегда с ней.

И само Воскресение. Спасение, любовь. Эту радость у меня никто не отнимет, потому что ее дал мне Бог, как и это внутреннее насыщение. Я буду иметь ее всегда, буду насыщаться ею всегда. Бог дал мне познать эту любовь, и я ее хочу. Каким бы я ни был — плохим, грязным, падшим, мне нужна эта любовь, я ею живу. Куда бы меня Господь ни определил, мое сердце всегда будет тянуться к этой любви, оно будет ее просить, будет ею жить, будет ею радоваться. И моя жизнь в этом. Вот что такое Воскресение в моем понимании, в моем чувствовании. Это не только Воскресение Христа и Его восшествие на небеса, но и моя внутренняя радость, моя любовь, которую Господь дал мне познать. Все эти внутренние чувства должны жить, и Страстная седмица должна оживить их и усилить, насколько это возможно. Молитвы, поклоны, пост, чтение Священного Писания должны возбудить и взрастить эти чувства. Любовь покаяния, любовь слез, любовь страданий — в общем, любовь жертвенная, и итог — любовь радости, любовь жизни. За нее, за эту любовь, Христос отдал Свою жизнь. И за эту любовь я тоже готов отдать свою жизнь, ради нее я и пришел в этот мир, ради нее я и живу и хочу ею жить.

Если бы я не говорил с вами на эти темы, эти мысли никогда не высказал бы, но ради вас, ради этого диалога и той любви, которую Господь дал нам, я говорю. И дай Бог, чтобы эти слова остались в ваших сердцах, чтобы они все время возгорались, чтобы они не забывались. Нам нужно не только иметь эту любовь, но и сохранить и увеличить ее.

Есть ли у кого-то вопросы? Кто-то может спросить или сказать что-то о своей духовной жизни, о прочитанных книгах, Священ-

ном Писании, Евангелии, о своих внутренних проблемах. (Молчание.) Хорошо, тогда я еще кое-что скажу. Помните отца Михаила, дьякона из Вярска? Каждую литургию он не то чтобы в страхе, а в таком трепете, благоговении служил. Появлялось такое чувство, что он служит последнюю литургию, он ее все время проживал. Человек постоянно находился в таком состоянии переживания. Пусть в какой-то степени было телесное переживание, чувственное, но за этим шло и переживание духовное, внутреннее. Вот это состояние хорошее, правильное. Хуже, когда присутствуешь на литургии, умом понимаешь, что ангелы здесь, Христос, происходит пресуществление Святых Даров, вокруг этот духовный мир, а у тебя в голове свой мир, и эту отчужденность свою ты чувствуешь. Бывает, что ты живешь этим, а бывает, дистанция появляется.

Мы говорили, что любовь строится на доверии. Я доверяю словам отцов, которые говорят, что благодать сходит, что Ангелы рядом присутствуют, и хоть я как камень, мое доверие к тому, что сейчас вот это происходит, открывает замки внутренние, сердечные и разбивает эту стену бесчувствия. Я напрягаю себя, заставляю себя внимать этому, этим жить. Плохо, если на клиросе поем и погружаемся не в смысл, а в ноты. В храме всегда надо сохранять молитвенный настрой, какое бы послушание ни нес. Если нет этого настроя, то чувства, которые должны раскрыться, остаются в потухшем состоянии. Обидно от этого бывает, и чувствуешь дистанцию между собой и тем, что происходит. Все, что происходит на литургии, эту любовь Божию я должен в себя впитать. Она впитывается и через вкушение Святых Таин, Тела и Крови Христовых, и через молитвенное участие в литургии — от этого мы тоже наполняемся благодатью. И повторю еще раз то, о чем мы уже говорили. У святых отцов особое внимание всегда уделялось уму, каким он должен быть. Ум должен быть безвидным, пустым в хорошем смысле этого слова. Таинства постигаются благодаря такому состоянию ума — безвидному. Находясь в этом состоянии, человек может поглощать благодать, энергию, любовь Божию.

Пюхтица
15.03.2011

Беседа десятая

Каждый раз мы собираемся и о чем-то говорим, затрагивая, в общем-то, одни и те же темы. Главная цель наших встреч и бесед — согреть душу. Эти слова о Боге, о любви, о нашем смирении и о наших грехах разогревают сердце, дают ему импульс к жизни. Человек устает от жизни, хоть он этого и не осознает или уходит от этого понимания, но он устает, потому что жизнь протекает в борьбе и ожидании, ожидании ухода из этого мира в другой мир, Божий.

Вспоминаются строки Священного Писания о праведном Симеоне Богоприимце, который действительно устал от этой жизни и от этого мира. Он ждал Христа. В житии преподобного Петра Афонского повествуется о том, какое дерзновение к Богу имел святой Симеон. Он свою святость выстрадал всей своей жизнью, этим долгим ожиданием Спасителя. Чувство ожидания Христа, Бога должно быть у каждого человека, и оно должно быть развито, его нельзя в себе заглушать. Если это чувство угаснет, то вся жизнь человека превратится в кошмар, в пустоту и станет невыносима. Это чувство ожидания встречи с Богом нужно в себе разогревать, не только чувственным образом, сердцем, но и умом, представляя, что рано или поздно мы пересечем эту границу между жизнью и смертью и предстанем перед Богом. Мы уйдем не в неизвестность, мы уйдем в известность и встретимся с Богом лицом к лицу, будем смотреть в Его глаза. Это ожидание встречи должно быть. Если человек не ждет встречи с любимым человеком, если он не желает ее или уходит от этого желания, то это не любовь. Это в человеческих отношениях. Так же и с Богом — мы готовимся, желаем встретиться с Богом. Христос — Богочеловек, и Он любим нашим сердцем и как Бог, и как Человек.

Наш разговор не получится, если не будет открываться внутренний мир — мой и ваш, если это будут заученные, прочитанные слова и не будет собственных переживаний и внутреннего опыта. Пусть этот опыт будет плохим, но это мой опыт, моя жизнь, и она меня насыщает. В этой жизни я реализуюсь как

человек, пусть плохо, но это я, и от своего «я» я не отказываюсь и несу его с собой. Только Бог формирует меня, только Он оставляет все хорошее, доброе во мне, а все злое отсекает, если есть на то Его воля. И свою душу, всего себя я предаю в руки Божии: «Господи, как Ты хочешь. Вот такой я, но если Ты хочешь меня убелить, очистить, то очисти, убели, сделай как снег». Беседа с вами, я всегда стараюсь вспомнить текущий промежуток времени, заглянуть внутрь себя, углубиться в свои чувства, переживания, проанализировать свой внутренний мир и донести, если получится, и до себя самого, и до вас, чем я живу и как я живу.

Наша внешняя жизнь очень сильно отличается от внутренней. Внешний человек может погибать, может оказаться пустым, он может быть совсем другим, нежели внутренний. Внутренний человек живет все-таки с Богом, и если Христос есть в его сердце, он будет очень сильно отличаться от внешнего. Вспоминаю житие мученика Вонифатия. Его внешняя жизнь была не сопоставима с внутренней. Когда произошли те события, никто не поверил, что это он. Внешне он был пьяница и блудник, но внутренним желанием его сердца было пострадать за Христа. И не ради подвига, не ради того, чтобы что-то доказать другим, а ради любви к Богу. Он хотел, чтобы его внутренний мир отразился во внешнем мире. И свою христианскую любовь он всю жизнь носил в себе. Когда он Аглаиде сказал: «А если тебе привезут мои мощи, примешь ли меня с честью?», она рассмеялась: «Иди, пьяница, блудник, не гнечи Бога!» Люди видели его жизнь, но не видели его сердца, поэтому я хочу заострить внимание на том, что такое внутренний человек и что такое внешний. Вы должны это понимать и относиться друг к другу, исходя не только из своих внешних соприкосновений и пересечений, а должны знать, что в каждом есть внутренний человек и каждый может иметь внутреннюю жизнь, которая отличается от внешней. Где-то у святых сказано: «Может, брат у себя в келье оплакал свои грехи, а ты его осуждаешь».

Вот и сейчас я не переживаю о том, получится ли открыть свой внутренний мир или нет, но все предаю в руки Божии. Если Господь хочет, если это душеполезно для меня и для вас, вы это

услышите. Если это не полезно, если это не нужно, то все останется внутри, нераскрытым. Бог есть Слово, и Он себя являет в мире через слово. Внутренний мир человека тоже открывается словом. Господь пришел с Неба Словом — явился Христос во плоти. В последнее время я все больше и больше хочу говорить, делать и жить по любви, чтобы та любовь, которая может реализоваться в моем сердце, явила себя. В то же время хочу, чтобы Сам Бог, насколько это возможно, насколько это реально, реализовал Себя, то есть явил Себя, в моей душе и Своим Промыслом дал мне на жизненном пути людей, которые приумножили бы мою любовь, развили ее и направили к Богу. Хочу, чтобы в моем сердце были и сострадание, и любовь, и смирение, и чтобы все внешнее послужило для внутреннего. Любовь — это то настоящее, что есть в человеке. Все остальное преходяще. Если человек не обретет этой сути или, лучше сказать, самого себя и Бога, то вся жизнь пройдет напрасно. Да, мы можем сказать, что не знаем, какие мы на самом деле и что у нас внутри, но есть признаки, по которым определяется внутренний человек, определяется, живое сердце или нет. Даже не по грехам определяется, мертвое оно или живое. Любовь проявляется больше в жертвенности, в тяготении к любимому, и на этом пути чувствуешь препоны, мешающие соединиться с Богом. Пусть ты весь погряз в грехах, но сердце все равно выбирает Бога, привязывается к Нему. Любовь — это насыщение, это та суть, ради которой мы и живем.

Все, что вы делаете: молитвы, послушание, труды — должно насыщать. Если этого нет, если приходит опустошение, это неправильно. Говорят про пустые разговоры — да, они отвлекают, уводят, но если сохраняется любовь, если сердце разогрето, оно от всего будет получать насыщение, даже от пустых разговоров. Главное — быть настроенным на любовь, быть на волне любви. У святых отцов так и написано: «Если придет к тебе брат, оставь молитву и удели ему время, потому что любовь выше». У нас часто получается по-другому: когда сердце не настроено на любовь, мы оставляем все и уходим празднословить, и получается, что грех прибавляем к греху, это совсем другое. Если я нахожусь в пустоте,

в не любви и ко мне такой же придет, то можно все растерять. Этот закон говорит — когда сердце разогрето, когда оно горит, человек приобретает от встречи, от общения и в любви еще больше взлетает. Если сердце будет любить, то благодать Божия снизойдет на него и попадет все страсти, все грехи человека. Главное для нас, чтобы заработало сердце, чтобы оно жило в любви. Бог Сам дает нам для этого пути, главное — не отвернуться от них. Господь касается нашего сердца не всегда Своей Божественной рукой, часто через человека, через общение приходит любовь, когда человек видит скорби других людей или каким-то другим образом. Этих путей у Бога очень много. Главное — не упустить пришествие Бога к нам, не упустить тот момент, когда Бог разогревает наше сердце, когда Он начинает воскрешать его Своей любовью.

Так и Церковь учит. Цель нашей жизни в том, чтобы воскресли наши сердца. Это главная цель человеческой жизни. Не монашеские одежды или благополучие, нет, главное — это сердце человека. Если оно воскресшее, любящее, то человек живой. Тогда и грехи прощаются Богом, потому что это живой организм. Когда человек получает какие-то раны, его тело само начинает эти раны залечивать. Если же человек мертв, то все остается неуврачеванным. Наша задача — воскреснуть, задача Бога — воскресить. Чувствуйте Промысел Божий, Его руку на себе. Благодаря этому происходит наше соединение с Богом. Вы сами это знаете и на себе ощущаете, я только повторил. Каждый раз на исповеди или просто в беседе мы, в общем-то, рассказываем о своей встрече с Богом — через людей или через обстоятельства.

Слова не всегда действуют на душу, молчание бывает глубже и сильнее слов. Вы должны чувствовать ту частоту, ту волну любви, на которой живет другой человек. Не надо ничего навязывать, не надо надламывать любовь другого человека. Когда сердца находятся на одной волне, часто любовь согревается в молчании. Молчанием человек помогает другому и передает ему свою энергию любви. Не всегда нужно говорить, бывает, совсем наоборот: человек приходит за любовью, но от многословия может произойти опустошение. А бывает, говоришь о пустом, о

простом, а человек от этого насыщается и на крыльях летает. Все зависит от любви, главное — чувствовать другого человека, не ломать его волю, не навязывать свою любовь, чувствовать, сколько он может принять и что ему нужно. Любовь сама знает, только ум к этому не подключайте. Чувствуйте внутренний мир другого человека. Часто получается, что мы друг друга загружаем, и от этого любовь не умножается, а, наоборот, уменьшается. Часто наша дружба, наши отношения сводятся к тому, что мы начинаем повреждать друг друга ненужностью разговоров, своей самостью, пренебрежением к внутреннему миру другого человека. Душа душу должна чувствовать, знать. Что-то потерпеть, понести за другого человека, чтобы ему не навредить, не сделать больно. Когда я человека люблю, то, бывает, и молчу. Если человек понимает, если мы одного духа, я могу молчать, и мне от этого будет хорошо, и ему. А если не понимает, то и он не получит того, за чем пришел, и мне никакой пользы не будет, одно опустошение. На Афонке такого общения нет. И вот кто-нибудь из русских паломников придет — час, два разговариваем, сначала вроде душеполезно, а потом уже пустой разговор идет, и после этого чувствуешь — опустошился. Придешь, поспишь, на службу сходишь, часа три-четыре помолишься и только после этого приходишь в себя — сердце опять заработало, молитва пошла.

Об одном вас прошу: от своей жизни приобретайте, не бойтесь зла, что есть в этом мире, не бойтесь самих себя. Идите по жизни, любите. И любви не бойтесь. Она может причинять боль, но, делая ошибки, человек все равно приобретает свой внутренний опыт. И в этой боли от своих ошибок он все равно соприкасается с Богом. Не зря у святых отцов было сказано: без скорбей не спасется никто. Говорят еще — когда человек живет, он все время соприкасается с болью, и это настоящая жизнь. Когда любовь приходит, она приносит боль, она не дает покоя. Покой бывает разный. Да, мы молимся: «Миром Господу помолимся», то есть в мирном состоянии души помолимся Богу. Состояние мирной души и состояние горячей любви — это одно состояние, только слова разные. В мирном состоянии ничто земное не должно держать человека. И го-

рячая любовь, живое сердце отталкивают человека от земли, увлекают ввысь, настолько, насколько он может взлететь.

Помните, у преподобного Антония было видение? Монахи перелетали через реку — у них, как у цыплят, были крылья, они то опускались в эту реку, то снова поднимались. Эти крылья и есть любовь, они такие вот неразвитые, и человек из-за этого не может взлететь высоко в небо, чтобы свободно лететь, его все время тянет вниз. Только взлетел, и опять — на землю. Снова надо взлетать и все время прилагать усилия, постоянно должен быть какой-то отрыв. Вот так и будут спасаться последние христиане. Я вижу, что тоже такой. Только вроде что-то начинает получаться, от всего отойдешь, и тут — хлоп, опять идешь куда-то вниз. И так все время. Поэтому не смущайтесь, не переживайте и не унывайте, если нет любви высокой, горячей. Главное, чтобы она не затухала, и вы все время поднимались, чтобы любовь была вашей жизнью и стремлением. И для любви Господь дает покаяние. Покаяние — это отречение, отказ от чего-то. Человек все время отталкивается своим покаянием от земли и снова взлетает. Начал падать — покаяние опять дает толчок. Это как горючее, которое может поднять человека в воздух. Я сейчас говорю, мне интересно с вами, и я не стесняюсь своего внутреннего мира. И не хочу перед вами выглядеть хорошим — какой есть, такой есть, поэтому мне с вами хорошо. И я знаю и чувствую, что вы мне отвечаете тем же — открытостью души, у нас одна частота любви. Любовь не может быть без открытости, и я знаю, что, может, не все, но многие меня понимают. Может быть, мои слова не всегда приятны, не всегда хороши, но я знаю, что все равно они ложатся на ваши сердца и у нас есть тесная духовная связь. Знаю, что, когда мы уйдем из этого мира, если мне будет плохо, вы меня не оставите, потому что слишком много внутренних нитей нас соединяет. И я вас не оставляю, потому что у меня тоже есть любовь к вам. Такие встречи тоже дают эту внутреннюю связь, делают ее более сильной. Наша жизнь не кончается в этом мире, мы не только здесь живем, но она переходит и Туда, нам и Там нужно жить. Я всегда говорил, что в человеке с самого младенчества самой природой заложен семейный ин-

стинкт, а семья может жить только в любви. Не может быть семьи без любви, тогда это уже не семья, а группировка какая-то.

Когда молишься в церкви, поминаешь святых, появляется чувство, что и Там, на Небе, есть твоя семья и ты хочешь быть с ними, с теми святыми, которые уже ушли из этой жизни, с Матерью Божией, Спасителем и теми усопшими, которых поминаешь: родными, близкими, теми, кого знал или не знал. И с теми людьми, с которыми я соприкасаюсь, пересекаюсь в своей жизни, у меня тоже есть желание быть вместе. Любовь соединяет людей, в этом смысле это чувство можно назвать семейным, она объединяет всех. Вот это семейное чувство, в хорошем смысле слова, по отношению к вам я и испытываю. Я думаю, что и вы испытываете те же чувства по отношению ко мне и друг к другу. Нужно, чтобы эти чувства были здоровыми, хорошими, чтобы вы чувствовали локоть друг друга, чтобы не топили друг друга по своей глупости, по своей эгоистичности, нерадивости или прелестности. Как написано: «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов». Когда мои чувства, моя любовь может покрыть немощь другого человека, вот это и есть чувство семьи. Если моя душа не может покрыть немощь другого, а, наоборот, ее открывает, это не чувство семьи, это не любовь, это уже обман.

— *Батюшка, я читала у святых отцов, что если человек вознесся сердцем над другим человеком, то он не способен его любить, потому что любовь невозможно стяжать без смирения.*

— Когда человек подчиняет себе другого человека, это превозношение. Тут как в армии — дембелизм, когда одни подчиняют себе других.

— *Я имею в виду, когда один человек считает себя выше другого, духовнее, его любовь лопается, потому что нет внутренней основы, нет смирения. Когда я живу по формуле «пусть мне будет лучше за счет других», это уже не любовь. Правильно?*

— Человек должен считать себя ниже других. Как это происходит? Умным путем себе вдалбливать в голову, что я хуже всех, не получится. Человек должен приобрести какой-то жизненный опыт, пройти какой-то жизненный путь, по которому Бог его ве-

дет. Когда Господь обламывает рога человеку, он познает, что он никто и ничто, но при этом он не отстраняется от других, не замыкается в самом себе, не становится пустым и не растаптывает себя. Наоборот, его любовь очищается, налипшая шелуха отпадает. Господь смиряет душу человека скорбями и искушениями, и если он внемлет этому, то смиряется. Эгоизм как в семье себя проявляет? Обычно расходятся, а если живут, то муж становится подкаблучником или, наоборот, жена — рабыней Изаурой. И в том, и в другом случае душа повреждается. Помню, когда я еще в духовном училище учился, в Смоленске владыка Кирилл, нынешний Святейший Патриарх, делал объезд приходов. Приехал он в город Рудню, где служил отец Стефан, а верховодила и в семье, и на приходе матушка. Батюшка безвольным таким человеком был, хотя очень скромным и добрым. И вот владыка его спрашивает: «Отец Стефан, кто руководит приходом: вы или матушка?», тот отвечает: «Матушка, Владыко святой». — «Ну, раз матушка...». И сразу за штат его отправил. После этого он в город Сафоново ездил, отцу Антонию помогал. Вот так в жизни бывает.

— *Батюшка, вы говорили, что люди чувствуют друг друга. Действительно, так и есть. Бывает, чувствуем превозношение другого человека, даже если он молчит. Что это: помыслы или прелесть? Или это чувства от Бога?*

— Когда от Бога чувства, они всегда простые, человек не чувствует худости другого человека, а если еще не достиг такой одухотворенности, то да, чувствуешь превозношение другого. А прелесть — это когда ты только худое в человеке видишь. Главная причина, по которой человек не может искренне, сердечно полюбить другого человека, — это превозношение, когда он считает себя лучше другого. Вот это состояние, как нарост на душе, самое гнилое, самое плохое. Господь ведет человека и этот нарост уничтожает, насколько это возможно. И когда превозношение уйдет или станет совсем малым, сердце человека откроется для любви.

Грешник может любить больше праведника, если его сердце живет в любви. Праведность тут не в значении «святость», а лишь праведность внешней жизни. В Евангелии повествуется о том,

как Господь был в доме у Симона, одного из фарисеев, и туда пришла блудница, омыла миром ноги Спасителю и отерла их своими волосами. Фарисей подумал — если бы Он был пророком, то знал бы, что это блудница к Нему прикасается. И тогда Господь ему сказал: «Один был должен господину своему пятьдесят динариев, а другой — пятьсот. Господин обоим простил. Кто из них его больше возлюбил?» Симон ответил: «Тот, кому более простил». Это очень интересный момент. Ведь каждый из нас — грешник. И видит свой грех малюсеньким-малюсеньким, ничего не значащим. Если бы мы свои грехи видели великими, то от того прощения, которое мы получаем от Бога, были бы святыми и в любви купались бы. Из-за огрубелости сердца грехи настолько малы в наших глазах, что после прощения мы не чувствуем той любви, энергии, которую получаем после их отпущения, когда Бог сходит в наши сердца. А к концу жизни внешние грехи уходят совсем, вроде как святые и достойны Царствия Небесного, достойны видеть Бога и быть с Ним, но внутри-то человек остается прежним. В Древнем патерике рассказывается, как один старец, когда помысел его подталкивал к тщеславию, говорил: «Старик, вспомни свой блуд и успокойся!» Он вспоминал свою прошлую брань, свою падшую природу, говорил это и смирялся. Все Священное Писание говорит о том, что самое страшное в человеке — это гордость, это самый страшный грех. Самое ужасное, что человек этого греха не видит, он его не чувствует. Когда уходят внешние грехи, этот грех просто не виден. Человек его прячет, но он все равно есть. Ничего омерзительнее перед Богом нет, это состояние, противоположное любви и природе Божества. У прп. Исаака Сирина написано, что чистота, духовное совершенствование человека проявляются в его видении духа гордости. Помните, я вам рассказывал про отца Кирилла? Он про себя говорил только: «Я гордый, я гордый!» Человек, достигший святости, чистоты ума, бесстрастия, говорил только о духе гордости, который слился с душой. И отрывает его Бог своими путями. Бывает, человек не осознает, не видит, уходит от осознания, что в нем это есть. Тогда Господь ведет его через мясорубку греховную, спасает, очищает, и если человек, идя по

этому пути, сохраняет в себе гордость, то он вообще не понимает Промысла Божьего, воли Божией.

Одно знайте — гордый не спасется. Ориген был осужден за то, что учил: все спасутся, все войдут в рай. Нет, Церковь осудила это, и наше спасение будет оставаться шатким до тех пор, пока гордость не уйдет из сердца. В Древнем патерике рассказывается о том, как старец, умирая, сказал послушнику: «Ты спасен, ты спасен». Старец говорил о том, что в нем нет гордости, нет духа противоречия. В том же патерике упоминается о том, как ученик сказал старцу: «Авва, написано, что без скорбей человек не спасется, а у меня нет скорбей!» На что авва ему ответил: «Гот, кто находится в послушании, спасается без скорбей». Главная задача скорбей, главная задача послушания — очистить человека от греха, от гордости. Если нет послушания, будет скорбь, должна быть скорбь. Если человек не научается жизни с Богом через послушание, он будет научиться другим путем. Меня часто спрашивают: «Батюшка, почему со мной это происходит?» Да потому, что нет такого послушания. Не потому, что ты не хочешь его исполнять, а потому, что его нет, но Бог хочет тебя спасти. И ты идешь по пути скорбей, чтобы твой дух очистился от гордости. Это путь Божий, Его замысел, Его Промысел. Сначала очищение души, а потом уже все остальное.

В наше последнее время самое важное, самое основное — это очищение души от гордости. Человечество погибнет не от того, что станет греховным, а от того, что станет гордым, станет как дьявол. У святителя Ириния Лионского об этом времени сказано, что это будет апогей человеческой грамотности, мудрости, превозношения ума и гордости. Святитель Игнатий Брянчанинов говорит, что перед концом света будет очевиден огромный технический прогресс. В строительство Вавилонской башни — памятник гордости — тогда вмешался Бог. И сейчас вмешается Бог. Чем вмешается? Окончанием этого времени, гибелью Земли.

— Батюшка, вы видели книгу отца Владимира Цветкова «Православное мировоззрение»?

— Нет, не видел.

— Нас очень интересует ваше мнение о ней.

— Но я не читал, если бы прочитал, то сказал бы.

— А проповеди его вы слышали?

— Нет. Я всего один раз общался с ним, просто за столом сидели, общались, и все. Сказать ничего не могу, просто не знаю. Если написал, значит человек занимается чем-то, чем-то живет.

— Это собрание проповедей.

— Многие проповеди отца Кирилла печатали, архимандрита Ильи (Ремеза), тот писал. Сейчас книги не так просто издать, они должны пройти цензуру издательского отдела. Бывает, у одного и того же автора одни книги проходят цензуру, а другие — нет. Непонятно почему: один источник, один автор, но одна книга душеполезна, в ней нет никаких отклонений, а в другой есть. Дух-то один, человек один. Почему одна канонически верна, а другая — нет? Очень много вопросов, которые заставляют задуматься даже о цензуре... Мать гостиничная, а у тебя вопросы есть?

— Нет.

— Совсем? А как ты живешь, чем живешь? У тебя же жизнь самая скучная, послушание самое однообразное из всех и неинтересное. Все одно и то же, без всяких эмоций и чувств. Если переложить твой внутренний мир на внешний, то твоя душа должна быть самая некрасивая.

— Так и есть.

— А зачем «так и есть»? Так не должно быть. Помнишь, мы говорили, что самое главное, чтобы сердце было живым? Если оно не ожило, то та внешняя жизнь, в которую ты попадаешь, губит и то живое, что в нем есть. Ты говоришь: «Ну да, так и есть». Это нехороший ответ — я не спасаюсь, Бог где-то там далеко, а я здесь. Не должно быть так. Должно быть чувство внутреннего насыщения, внешняя жизнь не насытит тебя. Пришел человек в монастырь, и всю свою жизнь в огороде работал. У всех перед глазами одно, а что у него внутри происходило, никто не скажет. В житиях святых говорится, что отцы чудеса творили, но это редкость, а сколько отцов и матерей святой жизни, но чудес у них не было, эта внутренняя жизнь внешне никак не отразилась. Они прожили свою жизнь тихо. Монастырь всегда должен распределять свои работы, послу-

шания, чтобы развивался внутренний человек, это обязательно. Внешнее не должно загружать, не должно вытягивать внутреннего человека во внешнюю жизнь. Да, внешнее необходимо для поддержания нашей жизни. Но должны быть чувства, человек должен быть живым. Жизнь в монастыре очень ограничена, внешне замкнута, общения минимум, вы общаетесь практически с одними и теми же людьми. Если любви нет, это начинает действовать на нервы — каждый день надоедает видеть одно и то же лицо. Встаешь, а он тут опять перед тобой, как призрак. Если не жить своей внутренней жизнью, а уходить во внешнюю, обыденную, это будет наподобие тюрьмы, и человек тогда не воспитывается, сердце не живет. Нельзя переключаться с внутреннего на внешнее. Внешнее — ради внутреннего, а что внутри происходит — это тайна. Никто не может сказать, насколько ты живой, насколько горяч сердцем, но ты чувствуешь, что внутри твой мир, ты там живешь. Все остальное мне не интересно, меня это не заводит, меня это не выводит из себя. Если идет переключение, то жизнь закончилась, человек умер раньше своей смерти, и очень часто получается, что монах умирает раньше, духовно умирает. В монастыре у человека больше возможностей для спасения, для самосовершенствования и больше возможностей для гибели. Когда идут одни и те же разговоры об одних и тех же житейских проблемах — это нехорошо. Можно говорить, но жить этим нельзя. Созерцание должно быть. Помните, святой Диоклит говорил: «Кто не имеет созерцания, тот уподобляется сладострастным людям или бесам».

— *Батюшка, что такое созерцание?*

— Насколько я понимаю, созерцание — это отрыв от земли, богомыслие, то есть память о Боге, которая отрывает человека от земного. Ум становится безвидным, свободным, легким. Главная задача молитвы — оторвать человека от земли. А если я читаю молитву, а сам только и думаю — поскорей бы пойти что-нибудь съесть или приготовить, то это неправильно, главная цель не достигается.

— *Можно ли в церкви молиться с закрытыми глазами?*

— Да, так лучше. Это у преподобного Серафима Саровского написано, он так практиковал.

— *А старец Порфирий пишет, что не надо молиться в церкви с закрытыми глазами, что это плохо, заснешь.*

— У каждого человека своя практика. И каждый говорит из своего опыта. Один одно подразумевает, другой — другое.

— *Он настолько весь в созерцании был, что с открытыми глазами никого не видел.*

— Тут как с Иисусовой молитвой: у греков она быстро читается, а в Оптиной — медленно. Каждый говорит о своем опыте, и каждый прав. Каждый достигал каких-то своих результатов, какого-то своего совершенства. Мы говорим о старцах, они молились с открытыми и с закрытыми глазами, а у нас какая-то практика есть? У нас-то ее нет, а опыт богообщения должен быть. В любое время, в любом месте я тебя за руку возьму и спрошу: «Где ты, что ты, с кем ты?», и ты должна дать ответ — с Богом ты, с дьяволом ты. В созерцании, не в созерцании? О своем внутреннем мироощущении должна сказать. Все равно придется уходить с этой земли. Человек уходит не в неведение, он очень хорошо осознает, что имеет внутри себя, на что ему рассчитывать и надеяться. Когда человек уходит с этой земли, он не на грехи свои смотрит, не про мытарства думает, нет, он думает только о встрече с Богом, перед его взором глаза Христа. Он ждет и готовится к встрече с Богом. И мне безразлично, какая там мясорубка будет, для меня самое главное, что я больно Богу сделал, свою любовь обидел. Вот это самое страшное, самое больное — суд совести. И, в общем-то, этот суд совести происходит уже здесь, на земле. Каждый раз во время чтения вечерних молитв идет перечисление грехов, происходит покаяние. Иными словами, ты каждый вечер свою совесть испытываешь. Вечерние молитвы — это покаяние и есть, преддверие суда. Через эти молитвы я осознаю, какой я перед Богом, как Бог смотрит на меня и как я вижу Бога.

Внутреннее ощущение такое: вот мои грехи, вот они, и одновременно с этим ощущением своего отступничества возникает любовь к Богу. Эта любовь пересиливает мои грехи: «Господи, я вот такой, ты видишь!» Если же, наоборот, идет заикливание на своих поступках, на своей жизни, а любовь к Богу остается неразвита, то это повреждение. Мы говорили, что нельзя жить

внешней жизнью и оставить внутреннюю. Внутреннее ради внешнего — это неправильно. Так и здесь идет уклон во внешнее: в моем уме крутится, что я сделал, что сотворил, желания, мысли. А ведь главное — возбудить в себе чувство, что я оставил Бога, отошел от Его любви и теперь всего себя предаю в руки Божии, на Его суд. И как Он хочет, так пусть со мной и поступит.

Вы на меня только не обижайтесь. Я ни на какие ваши грехи не намекаю, просто общаюсь с вами и говорю то, что думаю, о том, что наболело. Мы с вами говорили о превозношении, в этом состоянии человек любить не может, поэтому главное — унижить себя до самого-самого края, тогда сможем всех понять и полюбить. Вот эта тема интересна — уничижение. Бог воплощается в человека, Творец вмещается в творение — насколько возможно было смириться, настолько Бог и смирился. Происходит самоумаление, но при этом Божие «Я» не умаляется и не растворяется, а остается таким, как и до воплощения. Смирение, уничижение, умаление — это состояние, которое возникает не само по себе, а из любви к другим. Оно появляется, когда любишь, жертвуешь собой ради других, и твое «я» при этом не деформируется и не исчезает.

Христос, Богочеловек, в котором обитала вся полнота Божества, распят на Кресте. Самая унижительная смерть... И ее терпит Творец от Своего же творения. Мы это повторяем как формулу, а ведь Христос это пережил, Он исполнил волю Отца. И мы сможем это осознать, вместить в себя, прочувствовать, только когда сами будем проходить этот путь умаления и смирения. Бог умалил Себя, чтобы спасти нас, а нам нужно умалиться, чтобы уничтожить в себе дух гордости, тогда мы сможем соединиться с Богом. Христос прошел этот путь смирения, и всем нам Бог его тоже дал, тем, кто идет по пути Христа. Умом осознать это гораздо проще. Когда человек начинает идти этим путем, когда его душа умалется и он обогащается любовью от своего смирения, он познает Христа. Чем смиреннее человек, тем глубже он познает Его и соединяется с Ним. И наоборот, чем дальше человек от пути смирения, тем дальше он уходит от познания Бога и остается в своей скорлупе. А ведь все, что происходит, направле-

но на то, чтобы разбить эту скорлупу, достучаться до сердца, чтобы человек ожил и почувствовал в себе Бога.

Жизнь начинается, когда эта скорлупа разрушается. Вот тогда человек начинает жить с Богом, а не тогда, когда он приходит в церковь на исповедь и на причастие. Все это необходимо, но тогда, когда человек начинает жить той жизнью, которой жил Христос. На литургии поют: «Святыи Боже, Святыи Крепкий, Святыи Бесмертный», священник молится, целует Престол и говорит: «Благословен грядый во Имя Господне», то есть воля Божия в том, чтобы принести себя в жертву любви. Христос в лице священника идет на добровольное заклание, и каждый человек, чтобы соединиться со Христом, должен идти Его путем. Человек из этой жизни уходит, и горе нам, если мы в этой жизни не познаем Христа. Каждый познает настолько, насколько может. По покаянному, любящему, смиренному сердцу определяется степень любви и глубина познания Бога. И этим определяется наше положение Там, в Царствии Небесном. «Ина слава луне, и ина слава звездам», — это слова апостола Павла. От познания Христа, от познания смирения сердце будет гореть на небосводе Божьем, только в разной силе, разной яркости. У любви очень много граней, она переливается, как изумруд, и под разными углами являет нам все новые и новые откровения. Часто мы любовь воспринимаем как покой, восторг, полноту... Какие еще слова подобрать? Умиление, отрешенность, созерцание — это тоже любовь.

— *Радость.*

— Да, и радость тоже. Любовь Божия видна в Его Промысле, в больших переменах и в мелочах. Руку Божию замечайте, Его мысль, Его желание. От этого будет рождаться не только радость, но и живая связь с Богом. Он не где-то там далеко и высоко, а Он здесь, Он близко, Он рядом. Он самый любящий, самый родной и близкий, больше Него никто тебя не любил и не полюбит, любовь Божия больше любви матери. Важно, чтобы эти слова, эти формулы и понятия были не просто знанием, а самой жизнью, внутренним мироощущением. Я бы хотел, чтобы вы всегда чувствовали на себе руку Божию и все, что с вами происходит, принимали: и плохое, и хорошее. Помните, в Афганистан, в Чечню

ребятков посылали? Вот она, рука Божия — ты должен умереть. И это нужно принять с любовью, со смирением, с познанием Бога, Христа. Другой, наверное, еще больший крест — это то, что нам надо жить. Может быть долгая, тяжелая, искусительная жизнь, и это не то чтобы сложнее, просто терпения надо больше.

Господь говорит: «Как застану, так и сужу». Жизнь может в любой момент перевернуться, и если не Бог, никто из нас не спасется. Отцы не зря говорили об этом, всегда об этом переживали и все свое упование только на Бога возлагали. Конечно, что-то делали, но основное — уповали на Бога, на то, что Его Промысел сохранит. На «Мариино стояние» в стихирах поется: «Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя». В этих словах говорит пережитый внутренний опыт святых отцов. Это вопль: я самый последний, погибающий и своими силами не спасусь, только Бог может вытащить меня из этого пекла, из этого болота гордости. Не о внешних грехах шла речь у святых отцов, а о внутреннем повреждении. Насколько остро было у отцов ощущение своего грехопадения, отчуждения от Бога и ощущение сущности Божества, Его святости, Его любви. Эти состояния настолько противоположны, настолько удалены друг от друга, что человек приходит в отчаяние. Как я спасусь? Ум кипит от того, что это невозможно. Придя в такое отчаяние, человек приходит лишь к одной мысли — только по милости Божией это возможно. Внутренний мир, внутренние ощущения познаются только в сравнении. Если сравнения нет, а ты заикливаешься и уходишь в свои чувства и переживания, то не сможешь провести грань и определить меру своей греховности. Мы часто сравниваем свои грехи с грехами других людей, вот это неправильно. Бог внутри, и там всегда происходит сравнение. Человек чувствует, насколько он удален от Бога из-за своего гордого духа. Замучил я вас?

— *Спаси, Господи! (Смеются.)*

— Мученики тоже так говорили своим мучителям. Это правда. Не проклинали, а, наоборот, благословляли, как в Писании сказано. На эшафоте стоят, их мучают, а они благословляют. Помните, я вам про Чечню рассказывал? Там бандиты заставляли одного

пленного пытаться другого, а потом они местами менялись. И один: «Ах, ты мне делал больно, я тебе еще больней сделаю». И он своему собрату еще больнее делал, а после этого их обоих убивали. По факту они мученики, а по душевному состоянию — бесы. У бандитов дьявольская психология — убивают не человека, убивают душу.

— *Оказаться в таком положении — страшное дело. Ведь ни один из них не смел поднять руку на своего брата, а приказали убивать — и человек убивал из страха.*

— Нет, там психология совсем иная, а ты говоришь немного о другом. Такое было в концлагерях. Это общеизвестно. Приводили двух военнопленных, выкапывали могилу. Один ложился в эту могилу, другой его закапывал. Две лопатки земли бросит, а потом говорит: «Нет, не могу». Тогда приказывают: «Вылезай! А ты залезай». Не хочешь закапывать, значит тебя закапают. Он лежит на дне могилы, и его начинают закапывать. У него срабатывает что-то в голове, и он уже кричит: «Все, все, я все сделаю, только вытащите меня отсюда». Его вытаскивают, а другому обратно приказывают лечь в могилу, и он уже без всяких промедлений закапывает своего собрата. И все, человека сломали, его волю повредили.

— *Страшные какие вещи...*

— Это природа души. Если человек переступает какую-то грань, то все — пошло дальше. Мы говорили про мучеников. Почему Господь говорит: «Не проклиняйте, а благословляйте убивающих вас»? Эти слова как закон. Как бы там ни было, но ты должен сохранить любовь к тому человеку, который тебя убивает или делает тебе плохо. Если ты все же нарушаешь закон любви, то у тебя происходит душевный надлом. Если тебя бьют или еще что-то, ты можешь защищаться, но ты не можешь терять любви.

Отец Виталий, архимандрит наш лаврский, рассказывал, как примерно в 1976 году ездил к себе в деревню отпевать девушку лет двадцати, Веру. Вера после окончания школы поступила в техникум легкой промышленности в Ташкенте. Она сколько-то лет уже отучилась там и вдруг неожиданно пропала. Милиция ее долго искала, задержали убийцу, он и указал место, где закопал тело. А дело было так. Мужчина, маньяк, ему было чуть больше сорока, убил

около пятидесяти женщин. Заходил в женский туалет, придушивал женщину, чтобы она сознание потеряла, взваливал себе на плечо и выносил, говоря при этом: «А, напилась», клал в машину и уезжал, потом насиловал и убивал. Когда его поймали, был суд, полный зал людей — родители, близкие, знакомые погибших. После вынесения приговора ему дали последнее слово. Его спросили: «Вы сожалеете о содеянном?», он ответил: «Нет. Только одна женщина из моей головы не выходит». Он стал говорить о Вере. Он ее так же вынес и привез в пустынное место, сделал свое дело, а потом взял нож, чтобы убить. Она смотрела на него с жалостью, в ее глазах не было ни укора, ни злобы. Он сказал: «Обычно женщины или истерили, или просили пощады, а эта молчала и просто смотрела на меня. Я ударил ее ножом, закопал и ушел. И после этого ее глаза не дают мне покоя ни днем, ни ночью, они всегда передо мной». Отец Виталий говорил, что когда он ее отпевал, то слезы сами подступали и он останавливал службу, чтобы успокоиться, и все люди на отпевании плакали. Зачем я вспомнил этот случай? Мы читаем жития святых, во многих описывается, как Господь хранил от поругания и позора Своих рабов, но здесь смерть неблагоприятная, ее даже стыдно и пересказать, но, понимаете, сила любви, святости человека настолько велика, что он в этом поношении любит и очень сильно любит, любит своего врага, своего убийцу — вот это и есть верх христианской любви, это и есть великая святость. Поистине эта девушка Вера — святая. И в душевных, и в физических муках человек должен сохранять любовь, в эти моменты жизни она в нем еще больше приумножается. Вот так любовь действует, не только в те древние времена, но и сейчас, в наши дни, в нашей жизни.

Когда на Курской дуге шел бой и горели танки, наши танкисты выскакивали из этих танков и тушили немцев. Хотя это враг, к нему по идее злоба должна быть, а он этого немца тушит — потушил, по рукам ударили, быстрее, чтобы никто не видел, что он немца не убил, а спас, и все, разбежались. Человеческие качества души люди все равно сохраняли, хоть и бой идет, хоть он меня убивает, а я — его, то есть внутри человек не обозляется, не ломается. Сохраняется чувство любви, и человек остается человеком.

Помню, книгу читал, написала ее Людмила, фамилии не помню. Ее немцы забрали на работу в Германию, было ей тогда лет четырнадцать. Людмила была родом из Сумской области. Бабушка ее прозорливой была. К ней после войны приезжали военные, церквей ведь особо не было. В книге описывается случай: приехал один офицер, подполковник, и рассказал о себе. Его ранило уже в Германии, под Берлином. Он лежал, истекал кровью. И немец, парень молодой, подошел и перевязал ему рану. С себя рубашку снял, порвал и перевязал. Этот офицер увидел на руке у парня золотой браслет и сразу смекнул, что это драгоценность. И как только этот парень перевязал ему рану, развернулся и отошел на пару шагов, офицер вытащил пистолет и застрелил его. Застрелил, с руки браслет снял и себе одел. И только он с этого места собрался уходить, бомбежка началась, и ему осколком руку с браслетом оторвало. Он остался жив, но понял, что к чему. После этого тот парень, который сделал ему добро, покойник, каждую ночь к нему во сне приходил. Эта бабушка молилась за таких, грехи она не могла отпустить, но Бог ее слышал и люди уходили успокоенными. Вот такой случай был — человек тебе жизнь спасает, а ты ему пулю в спину, ради браслета.

— *Господь только руку забрал, а душу оставил на покаяние.*

— Да, Господь любит. А человек-то по природе какой, как зверь. У Куприна есть рассказ о том, как в Китае свирепствовал тиф, и многие ехали туда, чтобы помочь. В лазарете молодые люди, парни и девушки, ухаживали за умирающими. Они, умирая, со злобой — я ухожу, а ты остаешься жить — плевали в глаза своим благодетелям, чтобы заразить. И заражали. Те, кто ухаживал, вязку на рот и на нос надевали, а очки — нет. И вот так убивали слюной. Какой же должна быть злоба: я умираю, пусть и он умрет, хотя тот человек жертвует собой. Отсутствие любви влечет за собой смерть. Вот так Христос пришел с любовью, а Его убили.

— *Батюшка, вот представьте, к примеру, ситуацию — матушка этого китайца спасает, а он в нее плюет, и она умирает. Он плюнул, она умирает, а я должна его любить. Вот этот момент я никак вместишь не могу. Я же эту злобу увижу, буду свидетелем смерти близкого мне человека и свидетелем этой*

злости. И я должна понять, простить и любить — не вмещаю, батюшка! Вот бандиты четвертуют, а ты стоишь рядом и должен любить того, кто твоего брата четвертует? Как это, батюшка? Какое сердце надо иметь?

— Правильно говоришь. Когда сердце обретает непоколебимую любовь, его уже ничем не изменишь. Да, человеческое сердце изменчиво, это так, но когда в нем утвердился природа любви, оно уже не меняется. Как Бог не меняется, так и человеческое сердце, если оно утвердилось в любви, не изменится. Пока оно еще шаткое, может колебаться и меняться.

В мемуарах «Из виденного и пережитого» архимандрита Спиридона (Кислякова) описывается, как он проповедовал в тюрьмах, где многие озлоблялись, видя несправедливость. У них происходил в душе надлом именно из-за неутвердившегося сердца. А когда сердце устоялось и живет любовью, его уже не изменишь ничем, какие бы искушения ни были, что бы человек ни увидел, ни пережил, он не озлобится. Это уже его естество — любить. И как ты правильно говоришь, это трудно вместить.

Помню, из Казахстана отец Викентий приезжал и рассказывал о том, как завязался у него разговор с одним мусульманином. Говорили, говорили, а потом этот человек сказал: «Ты смотри, какая сила у вашего Бога Христа. Он — Бог, Творец. Его унижают, бьют, на Кресте распинают, а Он ничего не делает. Он не убивает своего убийцу, не озлобляется на людей. Он может уничтожить, стереть их в порошок, но у Него такая сила Любви. Да, ваш Бог сильный». Мера силы другая совсем — не ударил и победил, не обозлился и всех своей злобой уничтожил. Да, я это могу, но я люблю и не сделаю этого, на это гораздо больше сил нужно. Всех благодарю за то, что меня потерпели, спасибо.

— Спасибо вам, батюшка. Эти беседы на самом деле очень нужны и важны, потому что мы заземлились, забылись. А это пробуждает, напоминает, для чего мы здесь живем, и останавливает. Лично для меня это очень важно.

— Преподобный Паисий Величковский во время расцвета монастыря каждый день наставлял. А тут раз в три месяца, раз в

полгода — это капля в море, но хоть немного. Отец Паисий переводил «Добротолюбие», святых отцов, у них беседы были и об этом, ему было о чем говорить.

Я даю вам какой-то толчок, что-то, что может согреть вас внутри и дать духовную пищу. Часто, когда сам по себе живешь, теряется понимание смысла жизни. Быт забивает главное. Без живого диалога с Богом, с человеком, близким тебе по духу, появляется беспросветность, безрадостность жизни. День — ночь, день — ночь, идет круговерть, поэтому хочется и самого себя, и вас погрузить в другой мир, в мир Бога, где живет одна только любовь.

— Когда книги читаешь, вроде все понимаешь. Но это совершенно иное — живое слово, живой контакт. Можно кассету послушать, но она все равно так за душу не возьмет. Хочется, чтобы эти волны любви коснулись всех. И очень грустно, что так мало сестер приходит послушать вас.

— Тут не в большинстве суть и дело. Кто может вместить, да вместит. Я прекрасно знаю и понимаю, что каждый ищет по духу. Навязывать свое мнение тому, у кого свой дух, не надо. Двери для всех открыты, пожалуйста. Я не жду, чтобы все исполняли то, что я говорю. Я говорю о том, что для меня важно, и о том, что у вас внутри, чтобы хорошее, доброе не гасло, чтобы хоть как-то это поддерживать. Дай Бог, чтобы эти беседы как-то связали всех нас в одно целое, тогда это будет сила, даже не то чтобы сила, это действительно будет любовь. Если не будет любви между нами, то что тогда мы здесь делаем, когда самое элементарное, самое простое не исполняется. Я уже не говорю о любви к Богу. Простая человеческая любовь должна жить. Если человек живет ненормально, если он уходит в дрязги, суету житейскую, то любовь уходит. Мы же все прекрасно понимаем, что у нас жизнь совсем другая. В миру у людей семьи, они по-другому спасаются. Они могут любить, им проще немножко. А если ты остался один и не втягиваешься в ту жизнь, которая должна быть, то это будет уродство, один человек не может быть, просто не может, такова уж его природа. Наша жизнь — это я и Бог.

Пюхтица

16.06.2011

Беседа одиннадцатая

Сегодня ко мне на исповедь пришла женщина и сказала: «Сердце не открывается для любви». Я думаю, это выражение очень правильное. Правильное в том смысле, что Бог есть любовь, Он никогда не отречется от человека, не отречется от той любви, которую Сам и насадил, которую создал. Энергия любви, потоки благодати Божией истекают от Бога всегда, они не перестают. Господь всегда дает любовь Своему миру, людям. Проблема заключается в том, что человек не может воспринять, впитать в себя эту любовь и стать сыном Божьим по благодати. Путь спасения и состоит в том, чтобы насытиться, напитаться этой Божией любовью. Царство Небесное и есть любовь. В какой-то мере человек чувствует присутствие любви Божией в себе, мы можем понимать умом, что Бог есть любовь. Бог есть в нас, Он дает нам Свою любовь, но главное, чтобы наши сердца могли любить Бога.

Сейчас у нас пойдет речь о том, как открыть свое сердце Богу, как ощутить в себе эту любовь. Нужно чувствовать свой внутренний мир, иметь внутреннее понимание себя самого, тогда и будет совершаться процесс спасения. Оно совершается Богом и самим человеком. Бог спасает человека, а человек предоставляет возможность Богу его спасти. Любовь — это не только внутренние чувства человека, но и движение его сердца. Мало иметь чувство любви, чувство умиления, чувство присутствия Божьего, благодати Божией, необходимо еще и стремление души к Богу. Когда человек начинает спасаться, начинает любить, возникает чувство притяжения. Бог стремится к человеку, в человеке есть Его частица, в нем есть любовь, и человек должен стремиться к Богу. Чем выше, чем больше это стремление, тем больше это чувство разгорается в душе. Когда мы чувствуем в себе потребность в Боге, когда чувствуем свое внутреннее одиночество и стремимся соединиться с Ним, чтобы любить, чтобы быть вместе всегда, вот тогда происходит возгорание в душе человека. Душа от любви горит, любовь — это огонь. Это пылающее чувство появляется в душе

человека и все время совершенствуется или, лучше сказать, движется. Оно все время приобретает и от того насыщается и в то же время все больше испытывает потребность в любимом.

Мы скучаем по любимому — по Богу. Это другой признак любви. Время установило дистанцию между нами и Богом. Как только время исчезнет, то есть человек умрет, свой жизненный срок проживет, произойдет соединение во всей полноте любви человеческой и любви Божией. А в земной жизни душа обязательно должно скучать. Это, с одной стороны, скорбное состояние души, а с другой — умиленное, благодатное. Эти два чувства — скорбь и любовь-умиление — переплетаются. Человек скучает, но, скучая, он приобретает, он еще больше любит. Это удаление промыслительно дано людям и должно послужить усилению любви. Эта разлука дана для того, чтобы любовь горела в человеке. Человеческая природа требует близости любимого, чтобы его видеть, слышать, всегда ощущать его присутствие. Когда же отсутствует эта близость, нет приближения к Богу, мы должны испытывать скорбь. Если этого нет в душе человека, значит что-то не так, значит я прохожу мимо того, что нужно делать.

Евангелие повествует о Преображении — апостолы вместе со Спасителем взошли на гору, их осенило облако, они вошли в это облако, и когда ощутили присутствие Божие, страх объял их. Этот страх запечатлен и на иконе Преображения. Душа трепещет перед любовью, которая приходит к человеку. Иконы как раз напоминают человеку и призывают его к той любви, которую он еще не вкусил здесь, на этой земле, во всей полноте. Мы не должны смотреть на иконы как на обыденность: это образ Христа, образы святых, образ Матери Божией. Это то, что Там, чего мы сейчас не имеем. Это должно навевать нам желание встречи. Чем дольше человек пребывает в этом состоянии, чем больше духовной пищи подбрасывает в свою душу — это чтение Священного Писания, литургия, сердечные переживания, тем сильнее этот внутренний огонь разгорается в его душе. Когда этот огонь любви только начинает разгораться в сердце, он еще слаб. Это как к костру подойти, когда он только начинает те-

плиться — можно и руку поднести, огонь еще прохладный, он не дает жара и не опалает. Когда же он разгорится и войдет в силу, если все больше и больше подбрасывать дров, он будет разгораться все сильнее.

Любовь — это еще и нежность, очень тонкая, очень чуткая. Когда огонь любви разгорается в душе, то какая-то грубость, искушение или многословие, совсем небольшая причина, по которой ты уклоняешься от этой любви, от пребывания в Боге, сразу вызывает опустошение. Любовь сразу затухает. Когда она только разгорается, на самом начальном этапе такой ее нежности ты не чувствуешь. Ты можешь пребывать в праздном состоянии, болтать, суетиться и не чувствовать опустошения души, не чувствовать отдаления Божественной любви. Но как только ты прошел этот новоначальный период и поднялся на следующую ступеньку, малейшее отклонение от Бога, от Его любви, малейший грех сразу ощутимо действует на сердце, и ты чувствуешь опустошение. Каждый из нас имеет свою меру любви и может по-разному воспринимать приходящие искушения. Кто-то может весь день с кем-то говорить и ничего не потеряет, потому что терять нечего, другой же поболтает минут пять-десять и потеряет все. После этого он будет день-два молить Бога и каяться, чтобы вернуть свое прежнее состояние.

Не зря святые отцы оставляли монастыри, общение с людьми и уходили в затвор, уходили в пустыни, в леса. Именно по этой причине, я думаю. Но все это только тогда, когда сердце разгорится, когда оно будет пребывать в этой любви. Пустыня и подвиги были необходимы для сохранения внутреннего огня. Некоторым отцам Господь давал послушание учительства, чтобы свое познание Бога они могли передать другим. Они выходили из затворов, монастырей и говорили, но при этом теряли этот внутренний мир любви и потом, когда возвращались к себе, им требовались время и силы, чтобы восстановиться. Преподобный отец Паисий Святогорец говорил, что даже после разговора с сестрами ему нужно было время на восстановление. У каждого человека свой путь, свое восприятие Бога и свои отношения с

Ним. Он исполняет послушание и в то же время прекрасно понимает, что потом ему нужно будет время, нужны будут условия для того, чтобы восстановить погасший огонь. Отцы, познавшие этот огонь любви, помнят его, он запечатлевается в сердце и в памяти. Если они его теряют, то потом на протяжении всей жизни тянутся к нему, и это правильно.

Этот огонь любви должен присутствовать в нашем мироощущении, в нашем восприятии Бога. Но есть вещи духовные, о которых нам Господь не дал знания, до которых мы не доросли по своей греховности. Они есть и запечатлены в творениях святых отцов. Мы о них говорим, они становятся для нас теоретическими. Это идеал, до которого мы еще не дошли, но к этому идеалу надо тянуться. Вот эти понятия, о которых мы знаем, начинают нам открываться и нами познаваться, если, конечно, мы действительно идем к Богу, а не в противоположную сторону. Духовная жизнь очень богата. Внутренний мир человека воспринимает не только события, происходящие вокруг него, и окружающих его людей, но и любую вещь, мельчайшую пылинку, потому что, согласно догматике, Бог во всем. Его энергия любви пронизывает все. Нет ни одной вещи, ни одного организма, которые бы не имели в себе Бога. Когда человек начинает жить в Боге, начинает входить во внутренний мир своей души, жизнь обретает насыщение, обретает красоту, удовлетворенность и полноту. Вот тогда можно сказать, что человек живет. Мы помним слова Господа: «Я есмь жизнь», и действительно, жизнь в том и заключается, что человек впитывает в себя, перерабатывает и внешний мир, и духовный, который есть за границами наших чувств. Бог есть любовь, и весь мир пронизан этой любовью — все просто. Любовь возгорается и живет в человеке. Бог знает, как завести мотор сердца человека, за какие нити потянуть или что отпустить, чтобы оно загорелось и заработало. Многие приобрели любовь, но важно потом ее еще и сохранить. Это следующий момент в духовной жизни человека — сохранение любви.

Инстинкт самосохранения существует и у любви. Любовь сама себя бережет. Ее самосохранение в том, чтобы себя отда-

вать, чтобы сгорать. Если не будет этого горения, этого движения в сердце, если человек вступил на путь самосохранения, чтобы сберечь приобретенное, это неправильно. Бог дает человеку пути, чтобы реализовалась любовь, чтобы человек мог всех возлюбить: Бога, людей, животных, весь мир. У святых отцов описана не только любовь к Богу, но и жалость к тварям. Не может человек любить Бога и быть жестокосердным к Божьей твари, которая его окружает.

Любовь к Богу — самая притаенная любовь. О ней говорить трудно, и ее горение в сердце человека — это тайна. Эта любовь очень глубоко в душе, и понять, насколько я люблю Бога, нельзя — это закрыто для нас. Господь утаивает видение этой меры ради нашего смирения. Бог все премудро устроил в этом мире и в нашей душе. Интересно, что мы говорим о любви, мы стремимся к ней, мы желаем ее. Но когда приближаешься, когда чувствуешь любовь Божию, всегда ощущаешь, что во всей полноте мы на земле не можем ее вкусить, мы вкушаем ее прикровенно. Если сравнить с пирогом, пышным таким, то мы чувствуем только его запах. А прикоснуться, вкусить его мы не можем. Всей насыщенности, полноты, энергии любви человек не может вкусить. Апостол Павел об этом говорит: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». Это будет неизъяснимо, только Там человек вкусит полноту этой любви. В Евангелии Господь говорит: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные», то есть они уйдут в эту обетованную землю Божественной любви и Там вкусят ее во всей полноте. А сейчас это вкушается, приобретается немного притаенно, и душа это чувствует. Она чувствует, что голодная, что она любит, но, не насыщаясь этой любовью, живет как бы впроголодь.

Интересно, что святые отцы, когда Бог давал им познать гораздо больше Своей любви, кричали: «Господи, отними Свою благодать... мы умрем, если Ты не умеришь ее!» Полноты любви Божией, ее насыщенности человеческая душа не выдерживает, человек умирает. Любовь, которую мы можем вместить, — это совсем маленькая доля. Во всей полноте мы вместим ее Там, но

каждый в свою меру. Такие моменты духовной жизни, такие ощущения душа должна иметь, мы должны это знать и этим жить. Без внутренней жизни нет Той жизни. Бывает, человек проживает годы, а в результате — пусто. Пора уходить с этой земли, а за душой ничего нет. Страшно. Бояться не ошибок нужно, нужно бояться уходить с этой земли пустым. Когда будет Страшный суд, я скажу: «Господи, я искал Тебя, я все время стремился к Тебе, к Твоей любви! Пусть я плохо это делал, пусть я ошибался, но я все время шел». И вы в своей жизни идите. Жизни не надо бояться, нужно бояться отпасть от этой любви, от внутренних переживаний, от внутренней насыщенности. Любовь приходит только внутрь. Вовне лишь движения нашего сердца.

Я благодарен Богу за то, что вы все у меня есть. Все вы разные, и всех вас я воспринимаю такими, какие вы есть. Не ищу в вас только хорошего, доброго, это было бы неправильно. Любовь в том и заключается, что человек любит все, даже то зло, что есть в человеке, его немощь. Бог любит не только добрых и хороших, Он любит нас как того блудного сына, который отошел от Него и где-то бродит, грешит. Бог его все равно любит, потому что он Его сын. Вернувшись, блудный сын не стал хорошим, он просто вернулся к отцу. И отец его принимает таким, какой он есть. Он не говорит: «Иди, исправься, сделай то-то и то-то. Я тебя испытую и только тогда приму к себе». Нет, отец его сразу принимает. Понятно, если человек отошел от Бога, чему он научился, что приобрел? Одни грехи и коварство. Однако Любовь Божия принимает человека таким, каков он есть. И вы сами любите людей такими, какие они есть. Не различая, не разделяя в них доброе и злое. Какой человек есть, такой есть — так его и воспринимайте. Не загоняйте его в какие-то рамки, потому что сами попадете в эти рамки, сами для себя построите капкан, в который попадете, и потеряете связь с Богом. А если вы ее потеряете, то потеряете все, потеряете любовь.

Мы заговорили о связи с Богом. Действительно, чтобы любовь в человеке возгоралась, должна быть эта связь. Когда человек имеет контакт с Богом, то те грехи, которые он совершает,

покрываются Богом, то есть Его благодать действует на душу человека и на его тело. Но если теряется этот контакт, если он разрывается, то происходит отсоединение, из-за удаления человека от Бога, из-за его гордости. Кажется, в пятом томе «Слов» отца Паисия есть изречение, которое переведено на русский не совсем правильно. Его правильный перевод: «Все добродетели — в смирении». Ради смирения человек делает все в своей жизни. Все доброе, все хорошее — ради этого. Ради смирения с человеком случаются и все искушения. Бог дает человеку людей, которые приводят его к смирению, дает, чтобы он их любил и жалел. Без смирения будет происходить отторжение человека от Бога. О смирении можно говорить очень много, во многом оно непонятно нашему уму. Часто человек имеет смирение, но этого даже не осознает. Смирение — это тоже дар Божий. Вся жизнь человека проходит ради смирения. Бог может спустить человека с тех высот, на которые он взошел, на самое дно греха ради одного — ради смирения.

Само это понятие очень широкое, так сразу и не охватишь. Если человек жалеет других, снисходит к ним, не превозносится, если без ропота принимает все происходящее с ним, то в нем есть смирение. Умом его не объять. У святых отцов написано: если есть смирение, то есть и любовь. Смирение хранит любовь, оно всегда связано с любовью. Также пишут, что самое главное для нас — приобрести смирение, а любовь уже даст Господь в этой жизни или в будущей. Но часто, когда человек приобретает смирение, достигает его глубины, в нем открывается и любовь — она в нем кипит, она в нем горит. Когда же Господь видит, что человек может потерять смирение, Он не дает явного жара любви, поэтому любовь получается притаенной, ушедшей вглубь души. Человек ее не чувствует и думает, что он жестокосерд. Но одно точно и ясно: смирение — это путь к Богу. Есть смирение, есть и любовь. Нет смирения — нет любви. Это основные тезисы нашего спасения. Мы с вами каждый раз говорим об одном и том же и каждый раз что-то новое приобретаем. Хочется надеяться, что приобретаем.

Сегодня мы говорим о хорошем, о добром — о любви, о смирении, но мы всегда говорим и о плохом. К сожалению, приходится видеть и сталкиваться с тем, что человек — мирянин, монашествующий — бывает пуст внутри, не проживает свою духовную жизнь. Человек соприкасается с Богом через окружающий мир и должен с ним соприкасаться. Он живет своими внутренними переживаниями, но если его жизнь не переходит вовнутрь, остается только внешней, то это уныние, печаль, это несостоявшаяся жизнь, ее надо менять. Пусть будет плохо, пусть из лучших условий перейдешь в худшие, самое главное, чтобы заработало сердце, чтобы оно начало переживать, чтобы было живым. Очень часто, как пишут отцы, в монастырь приходят с разгоревшимся сердцем, в горении и любви, а потом происходит откат, и все это перегорает. Тогда нужно с терпением идти дальше, но при этом обязательно должно быть устремление к Богу, то есть надо усилием воли стремиться к внутренней жизни. Если же человек забудет те свои переживания, то произойдет внутреннее опустошение и он умрет. Человек сначала умирает сердцем, душой, а потом умирает и телом. Любовь может уйти, может перегореть, но Бог всегда дает путь спасения, важно, чтобы человек не отказался от него, чтобы не отошел. Этот путь часто проходит по ухабам, по бездорожью — с болезнями, скорбями и какими-то грехами, и благодаря этому человек приходит в сознание и его чувства возгораются. Весь этот путь Господь дает человеку для смирения.

Если человек хоть немного возгордился, превознесся, он отходит от Бога, но Бог его не оставляет, Он предложит ему Свой путь и поведет его. Главное, чтобы человек шел. Человек не сразу из гордого становится смиренным, это целый путь, целый процесс, поэтому Господь и сказал о Себе: «Я есть путь». Человек внутри чувствует этот путь, руку Божию, чувствует, как Господь устроит его спасение. Ты не сам по этой жизни идешь и творишь, что хочешь, а тебя ведет Бог. И когда ощущаешь Его попечение о себе, рождаются смирение и умиление. Бог всегда с нами, будем и мы всегда с Ним.

Пюхтица
29.07.2011

Беседа двенадцатая

Мы опять собрались, чтобы открыть друг другу наши сердца, поделиться переживаниями и тем самым познать самих себя. Монашеские одежды и все, что связано с церковной жизнью, еще не являются залогом нашего спасения и соединения с Богом. В сердце человека живет не только любовь, но и злоба, ненависть порой. Это тоже неотъемлемая часть души. Пусть эти чувства нехорошие и тяготят человека, он их не хочет, но от этого ему никуда не деться, они тоже какая-то его часть.

Сегодня Крестовоздвижение — праздник и скорбь, радость и печаль. Все это переплетено в одном событии, которое служит толчком к осмыслению глубокой и обширной темы спасения человека. Переплетение доброго и злого, хорошего и плохого, любви и ненависти — это и есть наша жизнь. Это истинное видение мира, истинное соприкосновение с жизнью. А мы живем не только своей жизнью, но и жизнью Христа. За этим деревянным Крестом кроются внутренние переживания Господа, те скорби, которые Он претерпевал во время Своей Крестной смерти. Когда мы вспоминаем распятие Спасителя, наш ум обращается к тому, что испытывал Господь наш Иисус Христос во время Своих страданий. Православие всегда концентрирует внимание на внутренней жизни человека и хочет раскрыть то, что должно быть в наших сердцах. Мы сможем приобрести любовь к Богу, милосердие, все другие добродетели и хорошие качества души только тогда, когда будем понимать, чувствовать душевное состояние Господа нашего Иисуса Христа. Без этого мы не сможем с Ним соединиться. Вот и сегодняшний праздник констатирует наше внимание к сердцу. Каков был Промысел Божий о человечестве? Что испытывал Господь? Как Он отдал Себя ради спасения людей? Что Он чувствовал?

Это касается не только этого дня, это касается любой минуты, любого часа и события нашей жизни. В любой момент нашей жизни мы должны обращать свой взор к Богу и чувствовать на

себе взгляд Божий. Если я живу только теми событиями, которые происходят вовне, то я не дорос до Церкви, не дорос до Бога, Бог от меня далеко, я Его не слышу и не вижу. Во время наших встреч я всегда старался раскрыть тот внутренний мир, который есть у Бога, не только внешние события, происходящие вокруг нас, но и те внутренние переживания, которые испытывал Господь и которые испытываем мы сами от своего понимания и сопереживания. Без этих событий, без страданий Господних, без этой жертвы ни один из нас, каким бы хорошим и добрым он ни был, никогда не наследовал бы Царство Небесное, никогда бы не увидел Бога, поэтому этот день, эти события очень важны для нас. И понимание природы Его любви нам необходимо.

Когда мы говорим о любви Божией, говорим о смерти Христа, возможно, мы ощущаем лишь мельчайшие крупинки Его любви, потому что погружение в любовь Божию, в понимание, как и что испытывал Господь и что сейчас испытывает по отношению к нам, гораздо глубже и шире. Мы говорили о том, что на этой земле мы должны приобрести любовь, тождественную любви Божией. Если эти любви — моя и Божия — будут одинаковы по своей природе, то я смогу соприкоснуться с Богом и не только соприкоснуться, но и войти в Бога и быть с Ним. Это и есть спасение. Для нас очень важно не только знание ума, но и знание сердца, знание той любви, которую имеет Христос. Без этого невозможно спасение, это должно быть точкой отсчета для всех наших размышлений и сердечных переживаний, то есть мы стараемся наши чувства уподобить Божественной любви.

Сегодня на проповеди было сказано о том, что для Бога не была естественна смерть, это чуждо Его природе. Это уход, разложение, а Бог вечен. Христос все это осознавал, и душа Его трепетала, ужасалась, потому что это было Ей чуждо. Думаю, неправильно говорить, что Он был спокоен. Когда надвигалась смерть, Господь не был в покойном состоянии души. Душа Его пришла в трепет, и взор был обращен к Богу Отцу. Он на Него уповал, за Него держался. Он, как и все люди, которым предстоит уйти из этой жизни, все упования свои возлагал на Бога Отца. Уход из

этого мира предстоит каждому из нас, никто не минует этого пути, никто не пройдет мимо этой чаши смерти. Каждый испепелит ее, каждый вкусит и познает те чувства, которые испытывал Господь. Со спокойным сердцем, со спокойной душой не стоит подходить к таинству смерти. Здесь суть даже не в том, с чем я ухожу, какие грехи меня держат. Думаю, что в этот момент не нужно это вспоминать, об этом думать, нужно все упование, которое есть в душе, возложить на Бога, чтобы Господь помиловал, чтобы Он принял. Это такое огромное смирение, когда человек превращается в ничто. Перед своей смертью он должен стать вот этим «ничто», чтобы его «я» перестало существовать. И тогда смерть, которая предстоит человеку, будет уже совсем другой. Господь в таком же состоянии переходил из этой жизни в иную. Хочу заострить внимание на том, что наше состояние души должно быть подобным состоянию Христа перед Его уходом из этой жизни. Все мысли, все движения сердца направлены только к Богу, ничто земное не тяготит, не волнует человека. Он уже не живет здесь, на земле. Это уже смерть прежде смерти, то есть человек, еще будучи живым, начинает жить Небом.

Человек все свое упование возлагает на Бога, но захочет ли Бог его, такого плохого, взять в Свою Любовь? Захочет ли Бог принять эту малую любовь в Свои объятия? Вот это чувство своего недостойнства и в то же время упования на Бога должно быть в сердце. Для человека смерть тоже неестественна, хотя, с другой стороны, человек ждет, когда он оторвется от этой земной жизни и перейдет в другую, когда он увидит Бога. Но душа не может согласиться и никогда не согласится, если это здравая душа, с тем, что она перейдет в небытие и растворится в Боге. Душа на земле должна приобрести чувство своей самобытности, своей вечности.

Мы говорим с Вами о любви и ненависти, о прелести и правильном, истинном состоянии души, которая спасается и идет к Богу. Мы говорили и о том, что очень опасно соприкосновение с дьяволом. Оно происходит не только воочию, но и на мысленном уровне, когда человек принимает какой-то помысел. Обыч-

но это возникает не на греховной почве, а когда человек имеет правильный помысел, когда он этот помысел принимает: многие христиане, церковные люди имеют какие-то свои представления о посте, о молитве и о том, каким должен быть человек. Они и себя в эти шаблоны начинают втискивать, и других. И вот когда человек на первое место ставит правду, а любовь опускает, приходит дьявол. Часто бывает, что ты принимаешь помысел, всю свою жизнь начинаешь строить по нему и приходишь в состояние нервозности, потому что отступает дух любви и приходит дух неприязни, дух раздражения, дух смущения — человек теряет покой. На первый план выходит своя воля, может, и правильная, но она не от Бога. Когда человек начинает делать по-своему и свои правильные мысли претворять в жизнь, начинается разрушение его внутреннего мира. Происходит утрата любви, разрушение самого человека и разрушение тех людей, которых подавляет его воля. Другие люди тоже повреждаются от этой прелести. Душа приходит в великое смятение, нервозность полностью охватывает душу, и человек, если у него есть хоть немного разума, хоть немного любви, берется за голову и обращается к Богу: «Нет, это не от Тебя, Господи. Пусть это правильно, но в этом нет любви». Вот тогда человек подчиняет свою волю воле Божией, отказывается от своих желаний, от своих мыслей, и приходит смирение.

Как только человек приходит в состояние покаяния, его ум, его чувства погружаются на дно души. Благодаря покаянию происходит перелом в его чувствах: он отрекается от себя, в какой-то степени жертвует собой и при этом обретает Бога. До тех пор пока человек не отречется от своеволия, он не обретет покой и не соединится с Богом. Это состояние, в общем-то, испытывал каждый. Главное, чтобы человек проанализировал и понял, чему Бог хочет научить его. Бог не хочет, чтобы человек грешил, но попускает это для того, чтобы человек понял, что есть жизнь с Богом и есть жизнь без Него. И когда человек не обманывает себя, когда он внимает себе, он приобретает смирение и Бога. Я говорил, что человек приобретает свой внутренний багаж не

только благодаря положительным чувствам и состояниям, не только благодаря любви, но и благодаря плохому. Если он правильно воспринимает, анализирует, делает выводы, смиряется, его душа обогащается.

Жития святых порой рассказывают о том, как после падения человек приобретает еще больше добродетелей и обогащается любовью. Когда человек выходит из прелестного состояния, то понимает, что, если бы Бог не дал ему хотя бы крупиночку Своей любви, он бы погиб. Часто умножение любви происходит от того, что мы благодарим Бога за то, что Он нас спасает. Жизнь не такая уж однообразная или воздушная, в ней есть все, и все нужно называть жизнью. Главное, чтобы сердце реагировало и не оставалось безразличным.

Монастырь имеет очень много плюсов, но имеет и минусы. Плюсы во всем: ты всегда можешь быть в памяти Божией, в любви Божией, можешь говорить, думать только о Боге, только в этом стоять. Но есть и минусы. Минус в том, что жизнь однообразна, она не меняется. Одни и те же лица, один и тот же ритм жизни. Ничего не происходит: как было вчера, так будет и сегодня. И человек может, сам того не замечая, подсесть на этот покой, но это не Божий покой, это покой от равнодушия. Бывает, этот ритм забивает душевные чувства, человек перестает жить, перестает переживать, становится мертвым, хотя в его уме, в его сердце, во всех его движениях есть Бог. Самое важное и для монашествующих, и для мирян — живое, болезнующее сердце, об этом говорят все святые отцы. Все плохое, что происходит в нашей жизни, случается не потому, что так получается, а потому, что Бог попускает это нам, чтобы мы были живыми, чтобы наши сердца разгорелись и пришли в движение, чтобы мы не были равнодушными не только к горю других, но и к самим себе.

Часто человек из-за этого плохого начинает терпеть самого себя — это самое сложное, терпеть другого проще. Его можно терпеть час, два, день, неделю, а терпеть самого себя нужно всегда. В псалмах пророка Давида описывается это чувство. Он это испытывал, ощущал на себе и терпел самого себя — я земля и пепел, все

мои мысли и чувства приземлены и не дают мне подняться к Богу. Вот эта ниточка смирения, ниточка кротости, ощущение своей греховности пронизывает всю Псалтирь. На шестопсалмии, когда служишь и стоишь перед закрытыми Царскими вратами, появляется чувство, что Господь тебя отбросил от Себя, и ты осознаешь, какой ты, и только молишься: «Господи, я вот такой. Ты на меня смотришь, Ты слышишь меня, Ты милуешь меня, Ты прощаешь и принимаешь. И даже даешь дерзновение молиться за других, когда тут за себя самого не знаешь, как помолиться. Слава Тебе, мой Господь, слава Тебе». Чувствуешь свою худость и в то же время — милосердие и руку Божию.

Вот об этом я хотел вам сказать. Хотя сегодня я не продумывал, что сказать. Что легло на сердце, то и открыл ум. Наверное, мой помысел себя исчерпал. В сердце еще много чувств и можно было бы сказать, но оно пока молчит.

Пюхтица
27.09.2011

Беседа тринадцатая

Счастье... Что такое счастье? Это, наверное, апогей любви или предел желаний. В Евангелии тоже описываются эти состояния счастья. Самый яркий пример — Мария Магдалина, пришедшая оплакать тело любимого Спасителя. Войдя во гроб, она от горя не почувствовала ни радости, ни удивления, увидев там ангелов. Она не обратила внимания на них и глазами искала тело Спасителя. Ангелы спросили ее: «Почему плачешь?» И она ответила в недоумении: «Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его». В этот момент она обернулась и увидела какого-то человека — то ли из-за мрака в пещере, то ли от печали она не разглядела, кто это. Иисус сказал ей: «Женщина, что плачешь? Кого ищешь?» Она же, подумав, что это садовник, который взял тело Христа, ответила: «Господин, если ты взял Его, скажи мне, где положил Его, и я возьму Его». И тогда Господь говорит ей: «Мария!» В этом обращении она узнала Христа, вся потянулась к Нему и воскликнула: «Раввунни!», что значит «Учитель». Представьте, какая амплитуда чувств: от великого горя (любимый Учитель умер, и даже тела Его нет) до великой радости (Он живой, и Он рядом). Чтобы передать читателю состояние Марии, ее чувства, специально сохранен ее вопль на еврейском. Другой момент — Спаситель называет ее имя, и благодаря этому она узнает в говорящем Христа. Этот же евангелист говорит: «Пастырь созывает Своих овец по имени, овцы знают голос Пастыря и идут к Нему».

Я желаю и себе, и всем вам уходить с этой земли не по болезни, не по старости, не по какой-либо другой причине, но от слышания своего имени из уст Божьих, чтобы душа отходила от тела в великой радости, — как говорят, умер от счастья. В Священном Писании есть слова Господа: «Радуйтесь не тому, что бесы вам повинуются, а тому, что имена ваши написаны на небесах». Хочу, чтобы ваши имена были так же в памяти Божьей, а поминаются на богослужении они, чтобы им была вечная память. Вернемся к нашему повествованию. Мария в таком переполняющем ее чувствами, шо-

ковом состоянии делает движение вперед, от радости и бессилия она хочет упасть и обхватить ноги Спасителя, прижать их к себе и не отпускать. И тогда Христос, видя ее состояние, предвзвешивает ее поступок и говорит: «Не прикасайся ко Мне (то есть не удерживай Меня здесь, на земле), потому что Я еще не восшел к Отцу Моему, но пойдешь и скажи ученикам Моим, что Я восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, Богу Моему и Богу вашему». Христос Своим восхождением делает чадами Божьими учеников Своих и всех нас. Это самое высшее, великое счастье, которое может человек испытать на земле, и оно останется с ним навсегда, в этом и в будущем веке.

Есть и земное счастье. Человек может желать квартиру, машину или чего-то еще, и когда это приобретает, он счастлив. Это тоже счастье, но оно насыщаемое и преходящее. Есть еще и совсем другое, если можно так сказать, злое, нехорошее счастье, когда человек радуется горю ближнего. Об этом дьявольском счастье тоже есть повествование в Евангелии. Иродиада, обличаемая в грехе святым Иоанном Крестителем, строит план, чтобы убить его. Зная все немощи Ирода, она все подстраивает так, чтобы царь приказал убить пророка. И вот во время пира, когда царь опьянел и блудная страсть в нем возбудилась, перед ним выходит танцевать ее дочь Саломея. Саломея была так же красива, как и ее мать, но гораздо моложе, а потому и привлекательней. Тонкие одежды, сквозь которые были видны все формы тела, и сам танец возбуждали страсть у смотрящих на нее. В своей злобе Иродиада даже ревность к мужу попрадала, лишь бы убить того, кто так унизил ее перед всеми. Несмирение, гордость рождает в душе человека злобу и смертельную ненависть. План царицы сработал: Ирод, опьяненный вином и страстью, поклялся перед всеми, что исполнит любое желание девицы. Иродиада знала, что царь так сделает. Когда же он услышал желание девушки, весь хмель и страсть у него тут же прошли, но, дав слово, он от него не отрекся. И праздничный пир сразу стал поминальной трапезой. Это из жития святого Иоанна Крестителя: когда Саломея принесла матери голову пророка, та в великой злобе вонзала иголки в его язык, а насладившись этим, приказала закопать голову в навозной куче. Да, у этой женщины было сатанинское

счастье — не дай Бог никому иметь его в своем сердце. Вот эти три счастья и есть: небесное, земное и сатанинское. Небесное счастье никогда не проходит, оно вечно; земное временно, преходяще; сатанинское погибельно и мучительно. Будем же искать на этой земле истинного счастья, к нему стремиться и его одного желать.

— *Батюшка, можно вопрос? Искупление, самопожертвование Иисуса. Почему считается, что Он пострадал за нас? Как это простыми словами неопытному человеку объяснить?*

— Тут затрагивается природа, сама сущность человека, поэтому, если говорить о деле спасения, всегда нужно начинать с самых азов. Когда Адам преступил волю Божию, повредилась его природа: Бог был и внутри, и снаружи человека, а после греха Он уже не мог быть внутри, потому что природа человека осквернилась, и Бог вышел. Бог пребывал для него только снаружи, поэтому, когда человек умирал, уходил из этой жизни, он не спасался и не входил в рай, рай был для него закрыт. Бог и человек могли соединяться только на основе чистоты, святости, и совет Святой Троицы решил, что Сын Божий воспримет поврежденную человеческую природу и совершит искупление, то есть Своей смертью победит силу греха, дьявола, и Бог мистически вселится опять в душу человека. Вот такой был промысел Божий о Христе, о Мессии, и Господь его исполнил.

— *Бывает, помысел приходит — вот ты молишься, а толку от этого нет. Просто произносишь слова, и они уходят в пустоту.*

— Эти искушения могут быть до конца жизни. Поначалу ты даже можешь с этим соглашаться, но потом вера укрепляется, и ты произносишь молитву словно в уши Самому Богу. Да, эти помыслы понятны, потому что Бог — духовное Существо, Дух, а мы духовно-телесны, и наше око души затемнено, поэтому мы не можем воспринимать Бога явно, вот как мы сейчас сидим и видим друг друга. Эти чувства, мысли будут возникать, но душа видит, слышит, чувствует Бога, поэтому наш контакт с Ним происходит не телесным, а духовным образом. У нас должен быть внутренний опыт, и когда человек этот опыт изо дня в день приобретает, то ему уже не нужно разогрева внутренних чувств, ему не нужно видеть телесными очами Бога, душа к этому уже не тянется, она

ощущает присутствие Бога внутри себя и вне себя, и для нее такое молитвенное мировосприятие становится реальностью.

— *Батюшка, а какую молитву лучше творить: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного» или «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя»?*

— Пятисловная молитва лучше: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя». В этой краткой молитве ум собирается быстрее.

— *А обязательно вслух произносить или можно про себя?*

— Про себя, конечно. Проговаривать эти слова не надо, их ум произносит, потому и называется эта молитва умной. Вслух произносить можно, когда ты рассеялся, когда какие-то страсти на тебя навалились и тебе нужно изменить внутреннее состояние.

— *Да, бывает, помыслы, как рой, кружат.*

— Нужно обретать покой в мыслях, а когда ты свои мысли все время подпитываешь внешним, покоя не будет.

— *Когда поднимались на Гору, не было ни одной мысли, была задача — вспомнить «Господи, Иисусе Христе, помилуй меня, грешного». Почему такая практика применяется на Афоне?*

— В правиле от осквернения сказано: читать 50-й псалом, молитвы и в конце класть пятьдесят поклонов. Ты обратился к Богу, но страстные чувства внутри все равно остались. И только когда ты делаешь поклоны, когда ты физически утруждаешься, когда сердце начинает работать в другом ритме, эти чувства перебиваются. Когда вы шли по тропе и Иисусову молитву творили, делали это для того, чтобы в праздности не быть, чтобы ум не метался нигде. В то же время физический труд, подъем заставлял отрешиться от всего мирского.

— *Значит, в течение дня надо произносить Иисусову молитву, чем бы ты ни занимался? Или только в какие-то моменты?*

— Да, по возможности всегда. Но для новонаначального должна быть мера, потому что можно рьяно начать, молиться, а потом произойдет охлаждение. Лучше делать так, как учил нас старец Гервасий: «Когда ум устаёт, нужно, чтобы он вышел наружу». Твори молитву, но не загружайся — будь снаружи, языком твори ее; тогда ум отдыхает, потому что при Иисусовой молитве идет нагрузка на ум. Вспомнить хотя бы Великий пост: службы боль-

шие, ты вроде бы ничего не делал, физически ничем не занимался, а приходишь и просто отключаешься — ложишься и ничего не можешь делать от усталости. Это от того, что ум напряжен.

— *А во время литургии, когда чего-то не понимаешь, начинаешь произносить Иисусову молитву... и парадоксально — произносишь Иисусову молитву и одновременно понимаешь, что происходит на литургии.*

— Правильно, так и должно быть. Иисусову молитву нужно прекращать творить только во время Евхаристического канона.

— *Это после Символа веры?*

— Да. Если до этого момента службы была подготовкой к таинству (поминали о упокоении, о здравии, тропари пели, антифоны), то сейчас само священнодействие началось: Небесный мир начинает входить в земной — совершается таинство. В это время нельзя творить Иисусову молитву, потому что ум погружается в реальность происходящего.

— *А что тогда лучше делать? Пытаться вслушиваться?*

— Понимать, что происходит, и повторять за священником или вместе со священником слова, возгласы. Не нужно бояться того, что это священник говорит. Все присутствующие молятся вместе с ним. Ты эти слова просто прокручивай в голове и понимай, что в это время происходит. Умная молитва — это не только Иисусова, к умной можно отнести все молитвы. Молитва должна дать чувство присутствия Божия — вот это самое главное, самое основное.

— *А как понять, что это не ложное?*

— Если отец Николай за тобой встанет, ты будешь чувствовать, что он сзади стоит — это же не ложное. Так и Бог. Ты чувствуешь Его присутствие и Его промысел о себе, Его руку. Он все время тебя ведет, и ты это ощущаешь, ты это чувствуешь. Ты всеми фибрами своей души понимаешь, что Бог тебя не оставит.

— *Это постоянное ощущение или оно может быть сильнее, слабее, может пропадать?*

— Оно может пропадать, но ты хоть головой о стенку бейся, но делай все, чтобы это чувство вернулось. Если оно не вернется, все наши потуги будут напрасными.

— *Так вот и у меня где-то больше, где-то меньше, где-то пропадает, но потом опять возвращается.*

— Святые отцы учили трезвению — человек внутренним взглядом должен наблюдать за своей душой. Допустим, Великий пост заканчивается, и начинается обедаловка, в которой очень быстро теряешь Бога. Чувство присутствия Бога уходит. На душу человека влияет не только окружающий мир, но и пища, и сон. Очень многие факторы могут отдалить человека от Бога.

— *Очень тяжело сконцентрироваться во время правила. Обычно хватает на самое начало, а потом рассеиваешься. Если проснешься рано, когда в доме еще никто не встал, удастся как-то помолиться — ум отдохнувший, еще ничем не занят. А вот вечером просто какой-то взрыв в голове — сконцентрировать внимание вообще не удастся.*

— Это зависит не только от того, отдохнул ум или устал. Молитвы утренние по содержанию очень отличаются от вечерних. Утренние молитвы охватывают практически все: Бог есть Вседержитель, Он есть Промыслитель... Вечерние же молитвы в основном покаянные, то есть ты не просто молишься, но нужно, чтобы и покаяние было, и какие-то чувства возникали. Кроме отдохнувшего ума, нужно еще и отдохнувшее сердце. Сначала лучше сердце разогреть — по уставу Церкви каждый христианин каждый день вечером приносит покаяние Богу в том, что он за день сделал плохого в мыслях, чувствах, каких-то делах. Он это осознает, прокручивает через голову, разогревает сердце и потом покаянные чувства изливает Богу. Только когда он хоть немного согреет свое сердце, вечерние покаянные молитвы будут действовать, ложиться на ум и на сердце.

— *Можно ли добавлять интонацию какую-то?*

— Нет, лучше этого не делать, потому что сердце разогревается от мысли. Если умиление пришло в начале, в середине или в конце какой-то молитвы, нужно остановиться и, пока эти чувства не улягутся, повторять эту фразу. Оставь остальное правило, а это тверди. Когда успокоятся чувства, можно продолжать.

— *Если во время какой-то молитвы пришло умиление, то дальше не идти, подождать?*

— Да. Одно какое-то слово, одна фраза может задеть сердце, и не нужно ее отбрасывать и идти дальше.

— *А если эта молитва вызвала какое-то чувство, покаянное, допустим?*

— Если появилось чувство — умиление, покаяние, любое, надо на этом остановиться, и только двигаться дальше только потом, когда сердце успокоится.

— *Не читать молитву, пока не успокоится?*

— Там даже не молитва, а всего несколько слов возбуждают сердце, и человек соединяется с Богом.

— *Сердечная молитва. Получается, человек с ней уходит из этой жизни?*

— Молитва имеет два этапа: первый — молитва как путь, как упражнение, труд; второй — молитва как дар свыше, когда она уже сама движется в сердце, это происходит по благодати. Когда ты уже очистился, освятился в этом мире, Господь по смирению твоему и молитву дает. Обычно этого достигают люди простые. Когда человек достигнет простоты, у него никогда, знай, никогда не будет неприязни. У него всегда будет внутренний мир и чистый ум.

— *Можно сказать, что стремление к простоте — это тоже путь спасения?*

— Бог по Своей природе прост, и все ученые святые отцы желали быть простыми, потому что простота дает святость. Не ученость, а именно простота. У простого человека нет задних мыслей, нет многомыслия в голове.

— *Памятование о Боге — умная молитва — при переходе из этого мира в Тот с тобой останется?*

— А там не будет молить, там Бог. Здесь мы с Богом соединяемся посредством слова, посредством желания. А там будет прямое лицезрение, там люди общаться будут посредством духовного зрения.

— *Будет ли это помощью при прохождении мытарств?*

— Если про мытарства говорить, то они относятся к благочестивому преданию, а не к догматам Церкви. Кто хочет, это учение принимает, а кто не хочет, тот не принимает. Это на спасение не влияет.

— *А как Вы думаете?*

— Я в это даже особенно не вникаю, потому что я хочу соединиться с Богом. Господь по Своей правде со мной поступит. Захочет Господь наказать — накажет. Захочет меня с Собой соединить и ввести в Царство Небесное — введет. А как Он поступит — это Его воля. Мытарства нельзя воспринимать так примитивно — бесы будут тебя там мучить за каждый грех. Это слишком телесно. Может быть, это и есть, но заикливаться на этом, этого бояться не надо. Надо любить Бога, тянуться к Богу, а там как уж будет. Пользы не будет, если ты согрешил, имеешь какую-то страсть и постоянно думаешь о том, что ты не пройдешь эти мытарства, что тебя бесы будут мучить. Как мучить — тоже непонятно. Это просто повреждение будет. Понятно, что бесы будут человека за страсти хватать, но жить этим не надо.

— *А как Вы относитесь к «Божественной комедии» Данте?*

— Никак.

— *Хотя бы с художественной точки зрения?*

— С художественной? Ну, есть она и есть. Я видел в детстве спектакль, но на мое спасение это не повлияет, а если бы не видел, тоже бы не повлияло. Я читаю Библию. И главное в Библии даже не Ветхий Завет, а Евангелие. Это основное, потому что в Евангелии заключен образ чувств, мыслей и дел Христа. Я хочу уподобиться Христу. Я христианин, то есть маленький Христосик. Я должен быть похож на Него, быть подобен Ему. Если этого не достигну, то я прожил жизнь впустую.

— *Батюшка, однажды возник ниоткуда страх. Начиная правило читать, а он рос, рос, и я в другую комнату вышел.*

— Нельзя было в другую комнату выходить. Пришел страх и пришел, а ты молись. Если же ты это принял, то будешь уже помнить, и страх через день, два опять придет, ты испугаешься и снова себя погонишь в другую комнату, будешь искать спасения от этого страха. А закон один — не надо обращать на дьявола внимание.

— *А хульные мысли? Как к ним относиться?*

— Ну, идут и идут. Это же голова. Там никогда чистоты не будет. Тем более в миру живешь. Туда посмотрел, сюда посмотрел, телевизор включил, рекламу увидел, еще что-то — и пивной завод заработал.

— Во время «Богородицы» налетали.

— Хоть эта, хоть другая молитва. Это не от этого. Помню, мой отец в церковь приходил молиться, а он только в пятьдесят три года покрестился. Так он говорил: «Мне вагон с цементом легче разгрузить, чем полтора часа выстоять в церкви». Когда человек не трудится, физически ничего не делает, то очень трудно сохранить спокойствие и чистоту ума. Мысли прямо наваливаются, а когда ты работаешь, двигаешься, мыслей меньше. Как только ты стал на молитву, сразу мысли налетели. Понимаешь, душа еще не успокоилась, она встревожена, и дьявол ведет на нее свои атаки.

— Когда проснулся, сразу вставать?

— Да, не залеживаться, чтобы мечтаний не было.

— А сразу после пробуждения молитвы читать?

— В уме молитва сама начинает идти, начинай делать свои дела и потом уже правило читай.

— А как помыслы укротить, хотя бы в какой-то степени?

— Отцы вместе с умной молитвой всегда практиковали и телесное делание, то есть поклоны и какой-то труд. Невозможно все время пребывать в молитве. Человек слишком слабое существо, чтобы все время хранить память Божию, поэтому нужен какой-то труд. Труд не может заменить молитву, но в то же время он не дает мыслям заполнить твой ум.

— Я читал, что молитву можно читать быстрее, а можно растягивать. Как лучше?

— Это зависит от помыслов. Если они начинают тебя одолевать, тогда нужно быстрее. Когда же у тебя спокойное состояние души, можно медленнее. Когда медленнее произносишь, ты можешь собраться, и в сердце появятся чувства, а когда ты быстро произносишь, никаких чувств нет.

— То есть заглушить этот помысел, чтобы не мешал, и не отвлекаться на него?

— Да, так.

Пюхтица

21.06.2016

Воспоминания о протоиерее Димитрии Ходове Пюхтицком

Отец Димитрий был очень простым, очень любвеобильным и скромным. Помню такой случай. Лето, жара, давно не было дождей. Матушка Варвара благословила каждый день после литургии служить молебен о дожде, который больше часа длится: сначала читается канон, потом еще двенадцать больших молитв. Оба клироса пели, сестры молились, и все духовенство выходило на чтение канона и молитв. Так продолжалось долго, а дождя все не было. По своему малодушию я даже стал роптать: разве матушка не понимает — не дает Господь дождя, значит надо с этим смириться. Зачем батюшек мучить? И вот отец Димитрий был служащим, я исповедовал. Служба закончилась, мы вышли на молебен. Пропели канон, начали читать молитвы. Батюшка по старшинству читал первым. Прочитал первую молитву, начал вторую и... расплакался. Плач перешел в стон. На клиросах сестры тоже плакать стали, и мне на сердце тоска пришла. Вопль такой был к Небу: «Господи, призри на нас!» Минут десять, наверное, стоял плач в храме. После этого батюшка немного успокоился и продолжил чтение, потом я его заменил. Так до конца и отслужили молебен.

После молебна мы разошлись. Батюшка пошел домой, я — к себе в келью. Пришел, сел завтракать, и тут пошел дождь. Сначала я не связал это с молебном, подумал — долго не было, вот и пошел. Дождь шел минут двадцать, хороший ливень был. Мне нужно было в Рауди, на кладбище. Я взял велосипед и поехал, выехал на главную дорогу Йыхви-Васкнарва, проехал скотный двор и, проезжая место, которое называется «Берлин», где уже кончаются монастырские поля, увидел: где прошел дождь, асфальт был мокрым, чуть дальше — просто капельки, а потом сухой асфальт. Тогда я понял, что дождь был только над Пюхтицей, нигде больше его не было. И было это по батюшкиным молитвам. Этот случай остался в уме и в сердце, и, вспоминая его, я

чувствую к отцу Димитрию не только сыновнюю, братскую любовь, но и любовь к Божьему человеку.

Таких отцов нужно помнить, с них нужно брать пример, потому что святые, о которых мы читаем, так высоко, а здесь все так близко. Это действительно святость и жизнь с Богом. Она так проста и обыденна, что мы ее порой не замечаем. Мы думаем, что спасение — это что-то грандиозное и великое, а это слезы, любовь и кротость. И батюшка это имел. Сердце подсказывает мне, что святость в нем была, а насколько она была велика или мала, не мне судить. Имея такое же душевное устройство, как у отца Димитрия, мы тоже можем спастись, можем так же молиться, как он, и иметь такое же простое и любвеобильное сердце. Таких людей нужно помнить, нужно говорить о них и вспоминать их жизнь. Тогда и мы будем лучше, и спасение не будет для нас таким далеким, каким оно кажется, когда мы идем по этой жизни.

* * *

Помню, отец Димитрий рассказывал мне: «Вот какой у меня был случай, искушение. Служба закончилась, выхожу из храма. Иду, а за мной монашечка. Я ее не видел, подошел к стогам с дровами, гляжу — кошечка выбежала, мне так интересно стало, какая она, и я за ней между стогов и пошел. Выхожу — монашка стоит, грозная уже такая, и на меня смотрит: “Что же это Вы, отец Дмитрий, от меня бегаете?” А мне ей и сказать нечего. Не скажешь же, что за кошечкой пошел. Она мне, конечно, всыпала, дала свои записки с исповедью и пошла. Ну, я взял и пошел. Пришел к себе в келью, читал ее грехи. Да, вот так получилось. Прямо искушение было, братка».

* * *

Как-то вечером я служил, а отец Димитрий помочь пришел — по записочкам помянуть, акафист почитать. И вот он сидит угрюмый. Я спросил: «Батюшка, что случилось? Чего ты такой?» Он ответил: «Матушка Нина поехала в Йыхви и не возвращает-

ся. Уже поздно, а ее все нет». У меня, даже не знаю почему, первая мысль была: «Ты ее в сарае с козами закрыл». Дал пономарю Павлу Антонову свечку и сказал: «Сходи в сарай к батюшке, открой замок и зайди. Там должна быть мать Нина. Дай ей свечку и скажи, что свет будет у тебя всегда». Он ушел, вернулся и улыбается: «Да, мать Нина там, в сарае, с козами сидела». А там вот как получилось. Батюшка обычно ходил и читал молитвы, каноны около дома. Матушка сказала ему, что собирается в Йыхви продукты закупить. Он ходил-ходил, увидел, что хлев открыт, взял, повесил замок и закрыл матушку, а сам на службу пошел. И вот, казалось бы, все разрешилось. Я сказал: «Батюшка, матушка дома, приехала. Все хорошо». Он обрадовался, а на следующий день утром пришел, сел на стульчик. Спрашиваю: «Батюшка, ты чего такой?» А он, бледный такой, хмурый, говорит мне: «Я очень жестокий человек, я очень жестокий — самого любимого человека под замок посадил». Он сидит, и чувствую, что он всю ночь не спал, переживал, за сердце держится. Говорю: «Батюшка, не переживай, все хорошо. Бывает же всякое». «Нет, — говорит, — я очень жестокий». Отец Димитрий был очень сердобольным человеком, и монашки его за это очень любили, его все любили. Он всегда мог откликнуться на любую боль, на любую проблему. Сердце у него было живым, открытым, поэтому люди к нему тянулись. Он любил людей, и люди любили его.

* * *

Как-то мы стояли с батюшкой и по записочкам поминали. Он медленно поминал, я побыстрее. Я ему, если время было, всегда помогал. Спросил его как-то: «Батюшка, ты от людей за записочки, за молебны деньги не берешь. А почему?» Он мне ответил: «Братка, за них после молиться надо всю жизнь. А у меня таких сил нету, потому и не беру деньги. Бывает, что-то дадут — возьму, а так мне всего хватает». Да, батюшка был такой — бес-сребреник, никогда пристрастия к деньгам не имел. И если кого поминал, то поминал тогда всю жизнь.

* * *

Батюшка рассказывал мне, как женился. Он учился в семинарии при Троице-Сергиевой Лавре. В то время жил там блаженный Лешенька. На праздник преподобного Сергия собралось много людей, все молились на улице. Блаженные в отце Димитрии видели своего, родного и любили его, он к ним тоже всегда с любовью относился. И вот когда отец Димитрий стоял в толпе, пробрался к нему Лешенька, взял за руку и потащил за собою. А другой рукой взял за руку мать Нину, она тоже стояла в толпе. И сказал ему: «Вот это твоя жена», а ей: «Это твой муж». Потом отец Димитрий мне сказал: «Стало так неловко, я застеснялся и чувствую, что покраснел. Думаю, ну, раз такова воля Божия, пусть так и будет». Вот так и появился этот союз по благословению блаженного Лешеньки.

* * *

Помню, праздник был какой-то. Батюшка исповедь принимал, а я в алтаре был. Людей много было. И вот батюшка пришел то ли воды попить, то ли руки помыть. Я спросил: «Батюшка, как ты, справляешься? Людей много?» Он замолчал на секунду, серьезно на меня посмотрел и ответил: «Братка, грешников полный храм». И мне от его слов так радостно стало... Батюшка очень любил людей исповедовать. Ему, может, и тяжело было, но это было его призванием. Он никогда этим не тяготился. Я чувствовал, что он и уставал, и переживал. Но его к этому влекло, он действительно для всех был отцом. Он был примером для подражания, примером внутренней святости.

* * *

Батюшка всегда, когда приходил, облачался и мыл руки, а потом поднимал их до уровня груди и держал, как пианист перед концертом. Отец Димитрий, как мастер, стряхивал с них воду и вытирал полотенцем. Он сам этого не замечал, но со стороны было видно, что это действительно мастер — духовный мастер,

который исцеляет людей, ведет их ко спасению и молится за них, поминает и душой возлетает к Богу.

* * *

Как-то батюшка летом за грибами на велосипеде поехал. Только выехал и упал на дороге, колено повредил. День, два ничего, а потом хуже стало, отвезли его в пансионат в Тойла, и он там лечился. Это случилось на праздник Покрова Божией Матери. Я остался служить один. Народу было много, как на Пасху, и мне пришлось и исповедовать, и совершать Литургию. Вечер, всенощная, матушка сказала: «Акафист не будем читать, будем читать псалтырь, а батюшка пусть исповедует. Ему нужно время». Вот так мудро она поступила. Я вышел, поисповедовал, служба закончилась. На следующее утро на службе людей было очень много и причастников, но все, слава Богу, успели, хотя напряжение, конечно, было большое. Уже в обед матушка сказала: «Завтра службы не будет, пусть батюшка отдохнет. Сделаем вычитку». Я решил к отцу Димитрию съездить, проведать его и поисповедоваться. Приехал, он обрадовался, расспросил, как служба прошла. Он за меня переживал. Узнал, что все хорошо, и успокоился. Батюшка был очень совестливым и жертвенным человеком, готовым за других всего себя отдать и не думающим о том, что сам может надорваться.

* * *

Когда отец Димитрий отдыхал на Украине, он почувствовал себя очень плохо. Никакой медицинской помощи ему там не смогли оказать, пришлось ехать в Москву. В Москве за ним приехала скорая помощь, и его отвезли в больницу. Сразу поставили диагноз — инсульт, положили в больницу в центре Москвы. Когда это известие пришло, я был в Пюхтице и через несколько дней должен был уехать в Лавру. Приехал в Москву и сразу поехал к батюшке. Он в палате, в больничных штанах и рубашке. Обрадовался очень: «Братка, братка». Мы обнялись. Он всегда был рад, когда его посещали, и расцветал, как ребенок. В этой радости он

говорил что-то, может, даже неудачное или несуразное, но пронизанное такой святостью и простотой, что ты и сам становился таким же простым и открытым. И вот мы с ним сидим, я его прошу: «Батюшка, поисповедай меня». А он еще больше обрадовался: «Конечно, братка, конечно». Встал, надел подрясничек, епитрахиль, поисповедовал меня и сказал: «Я очень тебе благодарен, что ты меня не забываешь». Посидели еще немного, поговорили, и я поехал к себе в Лавру. Он подлечился и вскоре вернулся в Пюхтицу. Когда я вернулся в Пюхтицу, мы разговаривали у него дома, и он мне сказал: «Братка, я еще пожить хочу». Он любил Бога, любил людей, поэтому его на этой земле держали эти привязки любви. Не те привязки, которые есть у всех нас, земные, страстные, а небесные, святые. И он цеплялся за жизнь не как за какой-то отрезок времени, а как за пребывание вместе с теми, кого он любит. Для него это была жизнь в любви, возможность посвятить себя Богу и людям, и в то же время он мог получить и от них потоки радости и потоки любви.

* * *

Когда мы служили втроем — отец Димитрий, отец Георгий и я, то по очереди крестили в субботу и в воскресенье. Как-то батюшка крестил, а я пришел ему помочь... В самом начале таинства отец Димитрий был очень серьезен — читал все молитвы и всегда крестил погружением младенцев и взрослых. И когда нужно было погружать детей в воду, они не боялись, потому что чувствовали руки отца, чувствовали что-то родное, и ощущалась его связь с этими младенцами. После того как всех покрестит, батюшка был очень радостным. В нем все быстро менялось, и серьезность переходила в радость. Рождался новый член Церкви — и его охватывала такая радость, что он сам становился похож на ребенка. Когда он обводил вокруг купели людей, то даже мог сказать им в радости дурашливо: «Шнель, шнель». Бабушки и матери детей стояли в недоумении, а он улыбался, весь сиял и вел их за собой вокруг купели. У батюшки были эта детскость и простота, а от простоты всегда рождается радость, потому что и

Бог — это всегда любовь, это всегда простота. И отец Димитрий жил с Богом. Всегда, сколько я его помню, если погода хорошая, ходил по улице, по огороду и каноны читал — он все время был в молитве. И Иисусову молитву читал, и по книжечке, все время был в памяти Божией.

И вот когда батюшка покрестит и заряд радостных, счастливых эмоций выплеснет из себя, домой идет уже обессиленный. Он полностью отдавал себя служению, не жалел себя никогда и все, что требовалось от священника, исполнял. В Таинстве крещения ничего не пропускал, как нынешние священники — и сократят, и живое оливковое или подсолнечное масло заменят на мертвое вазелиновое, чтобы не замарать крещаемого, не думая о том, что на мертвое Дух Святой не сходит. И люди, конечно, тянулись к нему, потому что он всегда по совести исполнял все, что положено, и любил людей. Это самое главное, самое основное и драгоценное, что было в батюшке, в его сердце и уме.

* * *

Хочется еще сказать о его молитве. В течение нескольких десятков лет я наблюдал его молитву. Она на моих глазах обретала иной характер, свою вышину, свой апогей. Батюшка с годами, к старости приобрел ту живую молитву, которую человек должен иметь. Механическая молитва, которой мы начинаем молиться в самом начале, — это просто вычитывание каких-то слов, а его молитва была от сердца, то есть слова становились потоком, через который он мог вылить свои чувства. Молитва созревала у него внутри. Это была его боль, его переживание, его любовь, его радость, его печаль. И это все проходило через простые слова молитвы, которую он читал или на Литургии, или у себя в келлии по книжечке. Молитва молитве рознь — я хочу сказать, что молитва должна быть живой.

Когда батюшка после инсульта только вернулся из Москвы, то первую Литургию просто кричал. Монашечки спрашивали: «Отец Рафаил, ну почему отец Дмитрий так кричит?» Его вопли были от радости, что он живой и опять может служить, что мо-

жет опять обратиться к Богу и быть с Ним. И в тоже время в его радости была строгость. Он был сосредоточен, напряжен, то есть эти слова выкрикивал не просто счастливый человек, но и глубоко уходящий внутрь своей души. Но, отслужив Литургию, он, конечно, обессилел. Голос у него был очень хороший, и когда мы выходили петь величания, я пел первым тенором, а он — вторым. Он всегда начинал. У него был и слух хороший, и голос звучный, хотя он был в возрасте, и если у меня голос садился, то у него никогда. Батюшка уставал, но голос его не садился. В этих величаниях, в этих песнопениях он изливал свою душу. Он любил петь и любил быть с Богом, любил служить.

И эта любовь — я верю и знаю — не отнялась у него со смертью. Она ушла с ним, и он пребывает в этой любви, эта любовь — Божья. Я могу назвать его старцем, потому что это Божий, святой человек, за которым нужно тянуться. Нужно знать, каким он был, чтобы идти путем спасения и быть с Богом. Это пример любви, пример спасения. Это молитвенник, молитвенник за нас. И путеводная звезда... Пусть она всегда сияет в нашем сердце и светит нам на пути к Богу, к счастью, к любви, чтобы у нас были те радость и простота, которые имел батюшка в своем сердце. Пусть они и у нас будут. И пусть мы будем вместе с ним. Этого я хочу и этого всем желаю: чтобы мы были не только с батюшкой там, в Царствии Небесном, но через него и с Богом; чтобы были детьми Божьими и закваска отцовской любви заквасила наше сердце.

* * *

Когда отец Димитрий шел в храм, он всегда проходил через Никольские ворота около гаражей. Там несла послушание монахиня Исидора. Он очень часто просил ее писать ему проповеди, и мать Исидора делала ему какие-то наметки. Тогда батюшка составлял всю проповедь. На службе, обычно по воскресеньям, он читал ее с амвона. Это была их совместная проповедь — матери Исидоры и отца Димитрия. Батюшка в основном читал проповеди. Только когда обращался со словом к Матушке или се-

страм, он говорил какие-то благодарственные слова или речи от себя, но они были краткими.

* * *

Батюшка родился в 1940 году и прошел эти голодные годы. Он был еще ребенком, но голод помнил. Когда он думал о последних временах, то говорил: «Пусть война, но только чтобы не было голода». Это он часто вспоминал и об этом говорил.

* * *

Наступил день памяти матери Ионы — 9 октября. К нашей общей радости, литию на кладбище служил отец Димитрий. Он отслужил на ее могиле, на могиле дьякона Афанасия, еще у некоторых. Батюшку пригласили в гостиницу помянуть мать Иону, а он помолчал и ответил: «Матушка, а это нарушит мой режим».

* * *

Бывало, когда батюшка исповедь принимал, к нему подходили сестры за благословением или на исповедь, он клал руку каждой на голову и говорил: «Голубушка, голубушка». Кто-то из них обижался, а кто-то, наоборот, чувствовал любовь и отцовскую ласку, которые батюшка дарил людям. Помню, отец Владимир Анисимов, дьякон, брал благословение надеть орарь со стихарем, батюшка благословлял, целовал его в лоб и обнимал — вот так по-дружески, с любовью к нему обращался. Отец Владимир всегда улыбался, отходил в сторону и начинал облачаться.

* * *

Когда батюшка упал с велосипеда, повредил ногу и не мог ходить, матушка Варвара благословила, чтобы паломники, приехавшие из Риги, взяли инвалидную коляску из богадельни и привезли батюшку на службу, на исповедь. Они пришли и говорят: «Батюшка, мы за вами на колясочке приехали». Отец Димитрий начал потихоньку собираться и матери Нине сказал: «За мной

карету подали». Матушка подумала — машина приехала, в окно смотрит, а там, за окном, был орешник и дороги не было видно. Рижане посадили батюшку в инвалидную коляску и повезли по горке, до гаражей и оттуда уже в храм. Это увидела Амалька — их эстоночка-соседка, Ангелина в крещении. Пришла в дом к матушке Нине и спросила: «Нина, а что с батюшкой?» Та ответила: «А что с ним? Ничего, карету подали, и он поехал в монастырь». «Какую карету?» — недоумевает Амалька. «Ну, карету — машину», — объяснила мать Нина. «Какая карета? Это инвалидная коляска, на ней повезли», — вскрикнула соседка.

Да, батюшка такой, веселый был. Воспринимал все жизнерадостно. И даже огорчения, случавшиеся в жизни, принимал как от руки Божией.

* * *

Отец Димитрий служил, я исповедовал. Приехала группа паломников из Пярну, в основном подростки, лет по тринадцать-четырнадцать. Я всех поисповедовал, и батюшка вышел причащать. Я подошел помочь держать алтарнице плат. Одна девочка причастилась, отошла от чаши и, расширив глаза, стала мне показывать руками, что не может проглотить Тело и Кровь Христовы. Я подошел к ней, стал сначала ее отвлекать, чтоб перебить ее мысли и она могла съесть Дары, но она ни в какую. Тогда стал уговаривать, чтобы начала жевать и, запив, проглотила Причастие, но и это ни к чему не привело. Тогда я отвел ее в придел святителя Николая и попросил там немного подождать, зашел в алтарь и сказал отцу Димитрию: «Батюшка, эта девочка не может потребить Причастие, выйди, пожалуйста, с чашей — она частицу отдаст». Он ответил: «Хорошо, братка, сейчас выйду». Вышел с чашей, спустился по ступенькам с амвона и наклонил перед девочкой чашу. Она в нее выплюнула Причастие, причем частица была в таком плотном сгустке слюны, что батюшка даже ойкнул. Он покрыл чашу платом и ушел в алтарь. Я потом отвел девочку в сторону и спросил: «Почему ты не съела Причастие?» Она сказала: «Мне стало неприятно, такое чувство возникло, что

это не хлеб, а что-то живое». Я не стал спрашивать, почувствовала ли она вкус мяса, опасаясь, что своим вопросом вообще оттолкну ее от вкушения Святых Даров. Но так бывает — из-за неверия, грехов будущих или настоящих появляется вкус мяса.

Когда освободился, я подошел к отцу Димитрию, он уже разоблачался в алтаре, и спросил: «Батюшка, как ты потребил Дары?» Он ответил: «Заметал частицу и потребил». Вот такие случаи бывают в священнической практике, и это истинная правда.

* * *

Однажды мы с отцом Димитрием исповедовали в Никольском приделе — он стоял впереди, а я чуть позади, и мне было видно все, что происходило передо мной. К батюшке подошла группа детей из детского дома с воспитательницей. На одном мальчике не было нательного крестика. Воспитательница побежала, купила крестик и быстро вернулась к мальчику: «Боря, вот тебе крестик, надевай!» И они второпях стали надевать крестик. Отец Димитрий это увидел, оставил исповедь, подошел и, обращаясь к воспитательнице, сказал: «Матушка, это же крест, а не ярмо для лошади». Он повернул ребенка к алтарю, прочитал молитву «Отче наш», осенил ребенка крестиком, дал поцеловать и сам надел на него. Поклонился предстоящим и пошел. Это был для всех урок на всю жизнь.

Батюшка говорил людям: «Идете вы по дороге, по тропинке и видите растение в виде креста — с благоговением возьмите его и уберите с дороги, чтобы не наступали на него ногами». И теперь, когда батюшки с нами нет, его слова и завет не преломлять Крест мы помним. Царство Небесное отцу Димитрию.

* * *

Был какой-то праздник, и батюшка с матушкой Ниной пришли в храм на всенощную. В это время к ним в дом залезли наркоманы и обокрали их. Утром, когда отец Димитрий пришел на службу, он был очень печален. Я спросил его: «Батюшка, ты что такой?» Он ответил: «Крест с украшениями украли». Я ему ска-

зал: «Ну, не переживай, другой появится». А он мне: «Дело не в деньгах, не в том, сколько он стоит, а в том, что это крест. Надругаться могут над ним». Сел и опять погрузился в свои думы.

Отец Димитрий к святине был очень чуток. Его любовь к Богу выражалась и в почитании Божественных символов, в них он видел Самого Бога, поэтому так трепетно относился к ним и любил. Да, символ тоже можно любить.

* * *

У преподобного Иоанна Лествичника есть слова: «Истинного пастыря укажет любовь, ибо из любви предал Себя на распятие Великий Пастырь». О любви, которую имел батюшка, знали все, кто приезжал в Пюхтицкий монастырь. Народ бежал к нему под благословение, выстраиваясь вереницей, со своими бедами, заботами и печалаями. И для каждого у батюшки находилось доброе слово.

Обычно после службы батюшка прикладывался к мощам блаженной Екатерины. Народ, зная об этом, ждал батюшку, чтобы благословиться и задать свои вопросы. Так было и в тот день. Батюшка вышел, приложился к мощам и стал благословлять. Подошла к батюшке и молодая женщина с девочкой-подростком. Было видно, что у них какая-то скорбь. Девочка стояла возле мамы очень напряженная, да и женщина волновалась. Она что-то говорила батюшке, он слушал. И вот все видят, что батюшка встает на колени перед ними и что-то говорит. Следом на колени перед батюшкой встает женщина, затем девочка. Окружающие понимают, что это какая-то очень сложная семейная ситуация, и все потихоньку уходят. Но женщина, которая мне это рассказала, задерживается — в том была необходимость, поэтому она стала невольной свидетельницей происходящего. К ним подошел мужчина — все это время он сидел, напряженный, недалеко от них — и тоже встал перед батюшкой на колени. Так, стоя на коленях, они долго о чем-то беседовали. Затем все встали. Батюшка их благословил, что-то еще им сказал, и они ушли. Но когда они встали с колен, было видно, что в их внутреннем состо-

янии что-то изменилось: их лица светились, на лицах у всех была тихая радость и надежда.

* * *

В Пюхтицкий монастырь приезжала паломница из Таллина. В церковь она ходила, а вот бросить курить у нее никак не получалось. Приехала в очередной раз в монастырь, подошла к батюшке Димитрию, поисповедалась. А он ей говорит: «Наденька, прошу тебя, не кури больше». Он сказал это с такой любовью, что с того дня она больше не прикоснулась к сигарете.

* * *

Вспоминаю и такой случай. Батюшка служил молебен, а служил он всегда горячо и проникновенно. Собралось очень много людей. Батюшка молился, поминал всех. И вдруг повернулся к народу и со слезами в голосе произнес: «Дорогие мои, не открывает мне Господь, делать операцию на глазах рабе Божьей Татьяне или нет. Помолимся о ней вместе». Тут одна женщина из молящихся говорит: «Батюшка, я врач, офтальмолог. Я поговорю с Татьяной и постараюсь ей помочь».

* * *

В 1997 году в Пюхтицы из Йыхви приехала женщина с мужем. Она попала в такую ситуацию. Как-то на работе сослуживица ей сказала: «Все мужчины изменяют». Она эти слова пропустила мимо ушей, но прошло не так много времени, и она увидела на штанине мужа женский волос, сразу вспомнив слова подружки про мужчин-изменников. Теперь она уже стала ко всему присматриваться и наблюдать за супругом. Через какое-то время она увидела на простыне маленькое пятно крови, и после этого ее понесло. В доме начались скандалы, она начала ходить к нему на работу и жаловалась начальству, что он ей изменяет. Привезла его в монастырь, подвела на исповедь к батюшке и попросила отца Димитрия о том, чтобы муж поклялся перед крестом и Евангелием, что не изменяет ей. Тот встал на колени у

аналоя и вслух клялся, что не изменяет. Но и это не подействовало — женщина ему не поверила. Когда супруги ушли, батюшка подошел ко мне и сказал только: «Бедные люди, дьявол их так мучает». Через пару месяцев пара приехала снова. Женщину было трудно узнать — она пополнила и была какой-то заторможенной. Когда все накалилось в семье до предела, она согласилась лечь в психиатрическую больницу в Ахтме, и только с помощью таблеток врачи смогли снять эти тревожные мысли.

* * *

Как-то батюшку пригласил поехать в Тульскую область Виктор Арна: «Батюшка, поедemте вместе. Там есть отец Петр, он исцеляет людей. Я сестру больную повезу и вас возьму». Отец Димитрий согласился, и они поехали на машине. Приехали туда, побыли на молебне о болящих, и отец Димитрий спросил того священника: «А как ты это делаешь? Как у тебя это получается?» Тот ему тоже по-простому ответил: «Я сам не знаю. Бросаю в освященную воду просфорки за больных и смотрю: если всплывет, значит выздоровеет, если утонет, то нет». Когда отец Димитрий вернулся, я его спросил: «Батюшка, это от Бога? Как ты думаешь? Или откуда?» Отец Димитрий только пожал плечами и сказал: «Я, братка, не знаю». Он никогда не мудрствовал, у него этого не было в душе. Мудрости мирской в нем не было, он был простым. И это было лучшее качество его души, которое влекло к нему людей.

* * *

Батюшка подходил ко мне и часто говорил: «Братка, ну, вот лезут ко мне эти мысли в голову. Я их не хочу, а они сами лезут». Это его покаяние, нежелание принимать то злое и плохое, что приходило ему в голову, очень чувствовалось. Его внутренний мир, его душевное устройство было правильным. И покаяние, и молитва в нем были истинными, и было видно, что он борется. Все злое он отторгал от себя и не принимал внутрь. От мыслей мы не можем освободиться, они к нам приходят, но в нашей

воле эти помыслы не пропускать внутрь, ими не жить. И когда эти плохие, злые мысли к нему приходили, он не допускал их до сердца, не жил ими, отстранял их от себя. Это пример его покаяния. Пример его зова к Богу.

Мы тоже должны это воспринять и понять — эти мысли надо от себя отстранять, не принимать их в сердце, не жить ими. Такие примеры из его жизни должны быть понятны для всех, все должны к этому прикоснуться и понять, что на самом деле должно быть на исповеди. Не выговаривать грехи, а препятствовать этой греховной, мерзкой жизни входить внутрь, уметь отторгать ее от себя.

* * *

Помню, когда начиналась служба или выходили на молебен, отец Димитрий всегда подходил к игуменье Варваре. Он становился очень серьезным, подходил к ней, протягивал руку, а она ему свою — он целовал ее руку и говорил: «Благословите, матушка». Всегда ощущалось, что батюшка подходит к ней не просто как к человеку, даже не просто как к начальнику, как к игуменье, а именно как к Царице Небесной. В лице игуменьи он видел Матерь Божию. Это в нем было — он умел увидеть, разделить, когда в человеке проявляется Сама Матерь Божия и когда в нем проявляется человеческое. Когда они сидели вместе на трапезе, он к ней обращался и говорил с ней радостно и весело, как с простым человеком. Но во время богослужения, треб или решения каких-то духовных вопросов он уже видел в ней Саму Царицу Небесную, Матерь Божию. Вот это чувство в нем было, и вот эту веру, это внутреннее состояние он имел в себе.

* * *

На святителя Димитрия Ростовского, когда у батюшки был день Ангела, священнослужители и сестры приходили к нему домой и пели духовные канты. Батюшка очень любил, что к нему приходили, и сам любил попеть. Он всегда просил мать Иннокентию сыграть на пианино, которое стояло у него в комнате, и

под ее аккомпанемент пел. Голос у него был хороший, задушевный. Этим он подавал пример другим, чтобы и они пели и открывали свою душу для Бога. Он никогда не напирал, не заставлял, не командовал. У него желания начальствовать не было ни грамма. В то же время люди к нему тянулись, и он давал советы и сам своим примером показывал, каким нужно быть и как открыть свою душу перед Богом.

* * *

Летом 1998 года произошел такой случай. Протоиерей Сергей Иванников, ныне митрополит Барнаульский и Алтайский, в деревне Алайыэ отпевал раба Божьего Павла. В Пюхтицком монастыре эту весть услышали и, не разобравшись, какого Павла отпевали, подумали, что послушника Павла Титова — ныне монаха Пафнутия. Он нес послушание в Ильинском храме в Васкнарве. Подали записки о нем в алтарь и стали молиться. Когда я услышал, что Павел умер, то воскорбел, ведь он еще молодой был и у меня исповедовался. Прошло несколько дней. В воскресенье мать Марфа, алтарница, забегает в храм и взволнованно рассказывает: «Иду я на источник, подхожу к кладбищу, а из кладбищенских ворот выходит Павлик, послушник отца Сергия, улыбается и говорит: “Благословите”. Я только ойкнула и сказала: “Павел воскрес”. Он моих слов не понял, но остановился. Тогда я ему говорю: “Павлуша, а мы тебя отпели”. Он только промолвил: “Как это отпели?” — “Вот так. Сказали, что ты умер, и мы тебя на панихидах поминаем за упокой”». Отец Димитрий, услышав ее слова, подходит ко мне и говорит: «Братка, Марфа сказала, что Павел умер, и я его на проскомидии и на панихидах поминал». Сказал и смотрит на меня, ждет, что я отвечу. Я ему говорю: «Батюшка, не переживай. Бог знает, кто жив, а кто мертв. Ошибки бывают только у людей, а у Бога их нет». Через несколько минут после этого разговора с батюшкой приходит сам Павел и говорит: «Отец Рафаил, меня отпели. Что мне теперь делать?». Я ответил: «Ничего. Долго жить». После этого события его в Пюхтице так и прозвали — «Павел отпетый».

* * *

За несколько лет до кончины к батюшке пришло испытание. В монастырь попросился помочь один священник из Москвы. Его приняли, он стал служить и жить на горке. Он невзлюбил отца Димитрия — то ли из ревности, то ли еще по какой-то причине. И когда батюшка приходил помянуть по записочкам в храм, этот священник его выгонял. Говорил ему: «Уходи. Что ты сюда пришел? Сейчас я служу». Для батюшки церковные службы были самым дорогим в жизни. А его теперь гнали и запрещали приходить в храм. Отец Димитрий очень скорбел, но смирялся с тем, что такое происходит, хотя он был настоятелем собора и мог бы своею властью поставить этого священника на место. Так продолжалось до начала ковида, пока не перекрыли границы, после чего этот человек уже не мог въезжать в Эстонию.

* * *

Батюшка был сердобольным и никогда не держал никаких обид в сердце. Он мог обижаться, но чтобы это доходило до его сердца и он этим жил, чтобы это переходило в злопамятность... этого никогда не было. Вспоминаю такой случай. Я служил Литургию, был воскресный день, а батюшка исповедовал в храме. Мы были вдвоем. Людей было очень много, служба уже заканчивалась, нужно было причащать, а народу на исповеди оставалось еще много. Я сам, по своему рассуждению, решил сделать одну чашу и из нее причащать всех. А батюшка всегда любил причащать, и я это знал. Даже когда не служил, он выходил со второй или третьей чашей и причащал. И когда наступило время выходить и причащать народ, батюшка пришел облачаться в алтарь, чтобы выйти причащать. Он думал, что я приготовил вторую чашу. Когда он увидел, что я не приготовил, начал нервничать, взял пустую чашу и начал перекладывать частицы из большой чаши в эту маленькую. Видя, что не получается, он распереживался, все оставил, ничего мне не сказал и ушел опять исповедовать. Я видел, что ему плохо, и, конечно, тоже распереживался.

Вышел людей причащать, причастил, а отец Димитрий всех поисповедовал и пришел в алтарь. Он не укорял меня, просто сильно переживал. Я его обнял, говорю: «Батюшка, прости меня». И он почти со слезами тоже обнял меня: «Ничего, ничего, братка, ты меня прости».

Если кто-то подходил к нему с открытым сердцем, с простотой, он сразу менялся и принимал человека как заблудшее дитя. Любовь в нем была всегда. К нему отнесешься с любовью, и из него такой поток любви, кротости, смирения идет, что ты сам от этого загораешься, тебе самому от этого хорошо. Отец Димитрий был как кладезь, как сосуд, наполненный этой простотой и любовью. В душе своей он был простой, немудреный. Любовь, которая в нем была, возникала из его простоты. И как только представлялся случай проявиться этой простоте, любовь из него прямо лилась. Люди это понимали и обогащались его любовью. Вот такое свойство души он имел от рождения и дал ему возрасти в течение жизни. Эта простота в нем развивалась, жила и обогащалась потоками любви, которую он мог черпать из молитвы, из общения с людьми, из таинств, которые совершал. В этой простоте батюшка освящался и приближался к Богу.

Как-то я спросил его: «Батюшка, вот ты побыл дома. Ты отдохнул хоть немножечко?» Он заулыбался и сказал: «Братка, покой нам только снится». И этим все было сказано. Батюшка вроде и отдыхал, и один оставался, никто его не тревожил, но в то же время он ни под каким предлогом не оставлял молитвы — все время ходил, читал канончики, акафист Матери Божией, Спасителю и под конец жизни начал заниматься Иисусовой молитвой. Но основное — это его чистое сердце, стремящееся к Богу. Оно давало импульс к молитве, и молитва в его устах, в его сердце оживала и соединяла его с Богом. И уже не он молился, а Бог молился в нем и соединял его с Собой.

Я могу сказать только одно — такие люди, как отец Димитрий, должны быть известны всем, чтобы мы ориентировались на них, чтобы видели, каким должен быть по духу, по своему состоянию человек, что он должен приобретать в этой жизни, из

отношений с людьми, из обстоятельств, происходящих вокруг. Это, пожалуй, основное. Отца Димитрия я не называл своим духовником, но мы были настолько близки, что волей-неволей его дух проникал в мой дух, и я его воспринимал как своего отца — и родного, и духовного. Многим, что есть во мне, я обязан батюшке, это от него перешло ко мне, как-то само собой перенялось и влилось в мою душу, и я ему благодарен сильно-сильно. Батюшка от меня никогда не скрывал, что у него на душе. Обо всем, что у него было, он говорил. Когда человек открывает тебе душу, ты не можешь быть от него закрытым, это основа любви и единства. Своей жизнью, своим духом, своей молитвой, своим устроением отец Димитрий и меня, и всех, кто его окружал, учил вот этой открытости по отношению друг к другу и по отношению к Богу, чтобы не замыкаться в самом себе, чтобы эта простота, которая дана Богом людям, жила в нас, чтобы она в нас развивалась, чтобы мы давали ей простор в нашей душе. Тогда мы будем идти к Богу. Не может человек простой, искренний, открывающий свою душу, жить страстями и ими, как сумасшедший, наслаждаться. Он все равно будет идти к Богу, будет преодолевать земное притяжение и устремляться к Небу. Это путь верующих, путь спасения, который Господь указывает нам через таких людей, как отец Димитрий, через святость, которую мы получаем благодаря искренности и простоте. Через эти дары мы обогащаемся любовью — любовью к людям и любовью к Богу. И таким образом спасаемся. Спасибо Богу за то, что Он дал нам отца Димитрия, за то, что привел его к Себе, и через него дал и нам увидеть Бога, увидеть нам себя, увидеть Небо, которое откроется перед всеми нами в конце наших дней.

СОДЕРЖАНИЕ

Беседа первая	3
Беседа вторая	21
Беседа третья	40
Беседа четвертая	62
Беседа пятая	89
Беседа шестая	109
Беседа седьмая	120
Беседа восьмая	141
Беседа девятая	152
Беседа десятая	161
Беседа одиннадцатая	182
Беседа двенадцатая	190
Беседа тринадцатая	196
Воспоминания о протоиерее Димитрии Ходове	205

Рекомендовано Издательским отделом Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата

Издательство НКО STAVROS

siromah.2023@gmail.com

Редактор: Янина Калугина

Художественное оформление и верстка: Михаил Богрый

